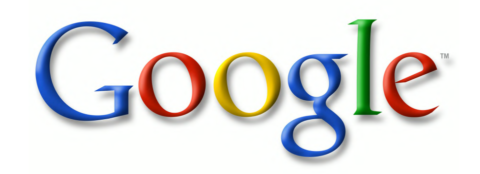
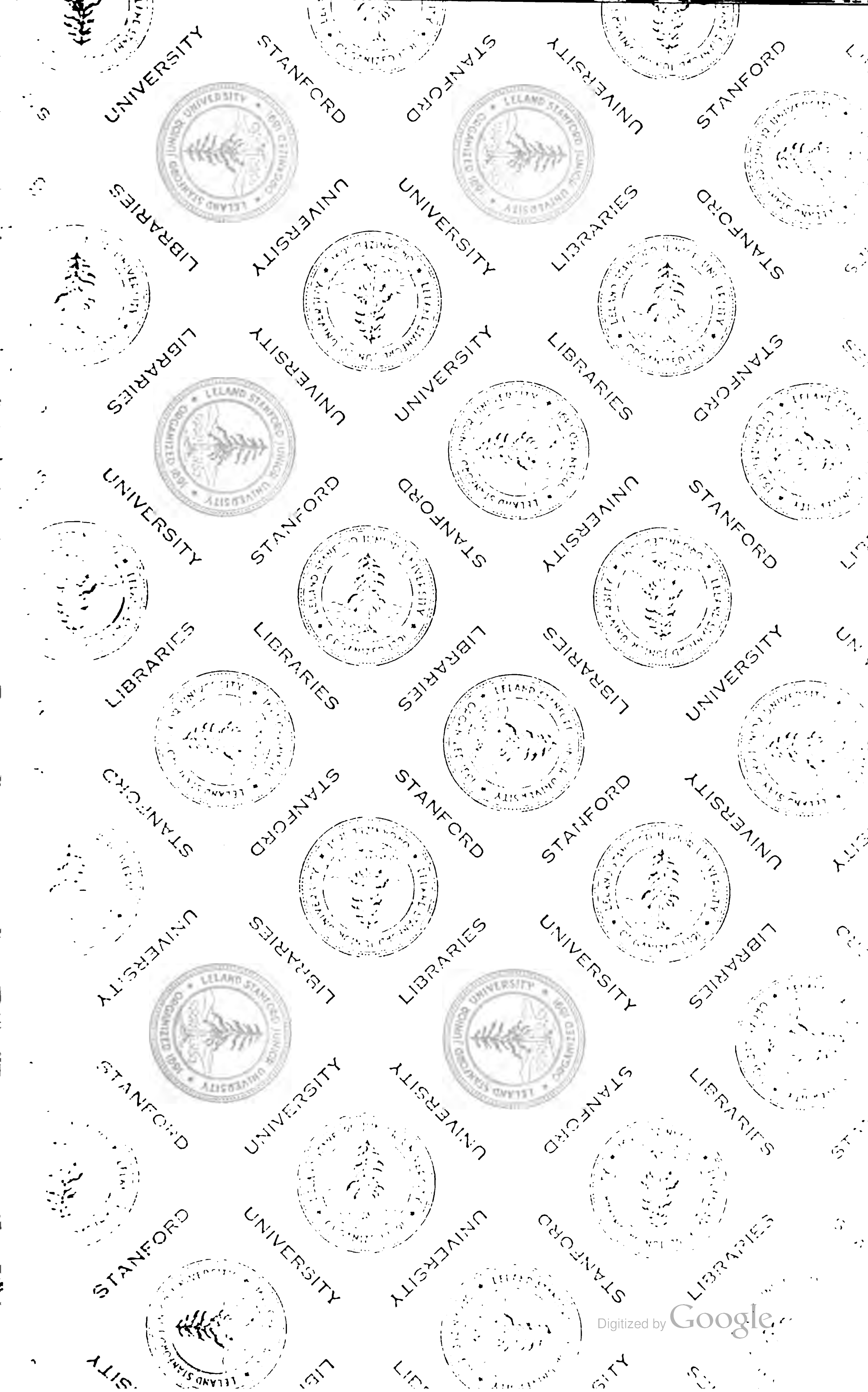




ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1899

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общест

Оглавленіе 38 выпусковъ «Живой Старины» за девять лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ VI.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина».

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II

Памяти языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Объявленія.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

ОТДѢЛЪ I.

Домашній бытъ крестьянъ Левочской волости Боровичскаго уѣзда Новгородской губерніи.

ПОСТРОЙКИ.

1) Изба.—2) Клѣть.—3) Дворъ.—4) Хлѣвъ.—5) Амбаръ.—6) Гумно съ ригой.—7) Пелевня.—8) Баня.

1. Срубъ.

Зданія строятся крестьянами изъ того лѣса, который въ данной мѣстности преобладаетъ. Въ Левочской волости Боровичскаго уѣзда, гдѣ я произвожу описаніе домашняго быта крестьянъ, зданія строятся изъ сосны и ели. Въ другихъ мѣстахъ Новгородской губерніи, болѣе бѣдныхъ лѣсомъ вообще и краснымъ въ частности, мнѣ нерѣдко приходилось видѣть избы, построенныя изъ осины (другія деревья не идутъ на постройку); но здѣсь народъ считаетъ „грѣхомъ" строить изъ осины, потому что, по народному преданію, ап. Іуда, предавъ Христа, повѣсился на осинѣ.

Строятъ крестьяне всѣ сами, каждый для себя, безъ помощи особыхъ ремесленниковъ-плотниковъ.

Собираясь строиться, крестьянинъ рубитъ зимой въ лѣсу по возможности толстыя, прямыя и длинныя деревья, обрубаетъ у нихъ сучья и вершины, обчищаетъ кору бревенъ топоромъ и свозитъ ихъ въ кучу или груду туда, гдѣ предполагаетъ поставить срубъ или „струбъ", какъ они называютъ. Струбомъ называется приготовленная вчернѣ въ лѣсу же или около деревни постройка. Такъ, въ срубѣ для избы нѣтъ ни оконъ, ни дверей, а только узкія, продольныя отверстія въ тѣхъ бревнахъ, гдѣ долженъ быть верхъ окна или двери (см. рис. 1).

Срубы рубятъ въ „чашку“ и въ „уголъ“. Въ каждомъ бревнѣ вершкахъ въ 4—5 отъ краевъ его вырубается по полукруглому углубленію, емкостью соотвѣтствующему толщинѣ половины того дерева, которое будетъ положено въ него. Формой эти углубленія, если смотрѣть на нихъ сбоку, напо-

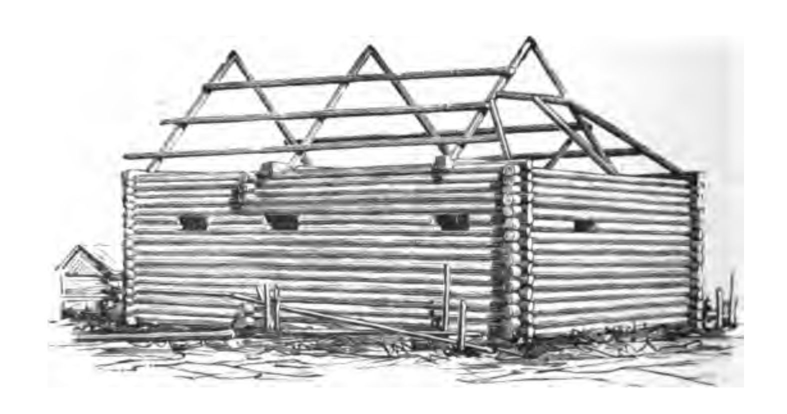


Рис. 1. Срубъ или «струбъ».

минаютъ чашку, откуда и произошло названіе. „Чашки“ вырубаются топоромъ только на верхней сторонѣ бревна. Вырубивъ „чашки“ въ двухъ одинаковой длины бревнахъ, кладутъ ихъ параллельно, „чашками“ вверхъ, на разстояніи, равномъ ширинѣ будущаго сруба. Слѣдующія два бревна кладутъ поперекъ въ чашки раньше положенныхъ бревенъ, въ положеніи взаимнопараллельномъ. Въ каждомъ изъ поперечныхъ бревенъ вырубается также по двѣ „чашки“ надъ „чашками“ продольныхъ деревъ. Продольныя и поперечныя бревна и „чашки“ ихъ лежатъ по отношенію другъ къ другу подъ прямымъ угломъ. Получается такимъ образомъ прямоугольный четыреугольникъ. Это первый „рядъ струба“ или „вѣнецъ“, какъ говорятъ въ другихъ уѣздахъ Новгородской губерніи. У каждаго „ряда струба“ существуютъ четыре внѣшніе угла, образуемые продолженіями продольныхъ и поперечныхъ бревенъ послѣ перекреста ихъ въ „чашкахъ“ (см. рис. 2). О зданіяхъ, построенныхъ такимъ образомъ, говорятъ, что онѣ построены въ „уголъ“. Изъ нѣсколькихъ „рядовъ“ или „вѣнцовъ“ образуется срубъ. Количество ихъ зависитъ отъ высоты зданія, которое хотятъ построить, а также отъ толщины бревенъ. На избу идетъ отъ 18—25 „рядовъ“. Если будущее зданіе будетъ съ потолкомъ“, то при постройкѣ сруба, когда дойдутъ до уровня потолка, кладутъ потолокъ изъ нетесанныхъ круглыхъ бревенъ. Поверхъ потолка кладутъ еще одинъ „рядъ“, которымъ и заканчиваются боковыя стѣны; между тѣмъ какъ передняя и задняя стѣны строятся вплоть до „гребня“ крыши, причемъ „деревà“ постепенно дѣлаются короче и ко-

роче и концы ихъ срѣзаются наискось (см. рис. 3). Эти „дерева“ называются „барандышами“. На „барандыши“ сбоковъ кладутся продольные „слеги“, бревна, числомъ отъ 5—9, смотря по величинѣ и крутизнѣ крыши. „Углы“, которыми заканчиваются передняя и задняя стѣны, вмѣстѣ со „слегами“ называются „пасомами“. Крышъ у срубовъ не бываетъ.—Построенный

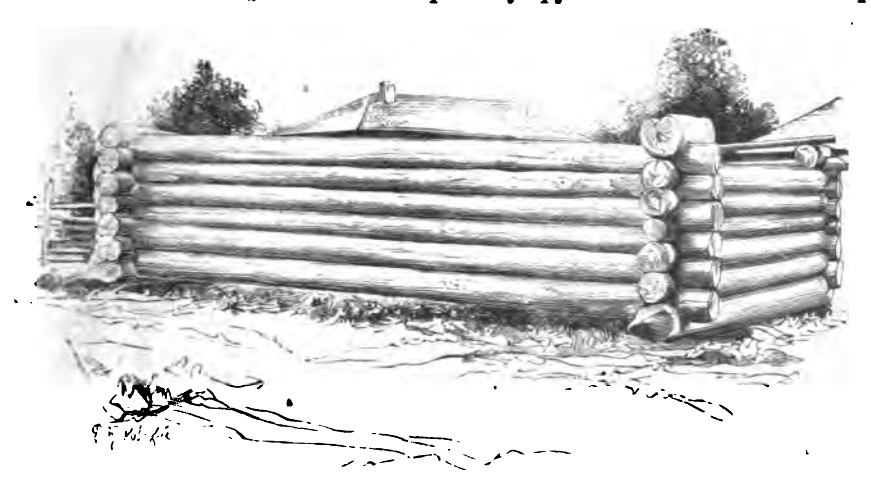


Рис. 2. Части сруба.

Рис. 3. Верхъ сруба съ «пасомами». с. «слеги» б. «барандыши».

ный такимъ образомъ срубъ раздѣляется на три части и оставляется въ лѣсу или около деревни для обсушки. Срубы строятся раннею весною и сушатся мѣсяцевъ отъ $1^{1}/_{2}$—2, рѣдко болѣе.

Срубы дѣлаются для всѣхъ построекъ, кромѣ дворовъ.

О постройкѣ двора будетъ ниже.

2. Инструменты, при посредствѣ которыхъ строятъ (см. рис. 4).

1) „Топоръ“ съ деревяннымъ топорищемъ.

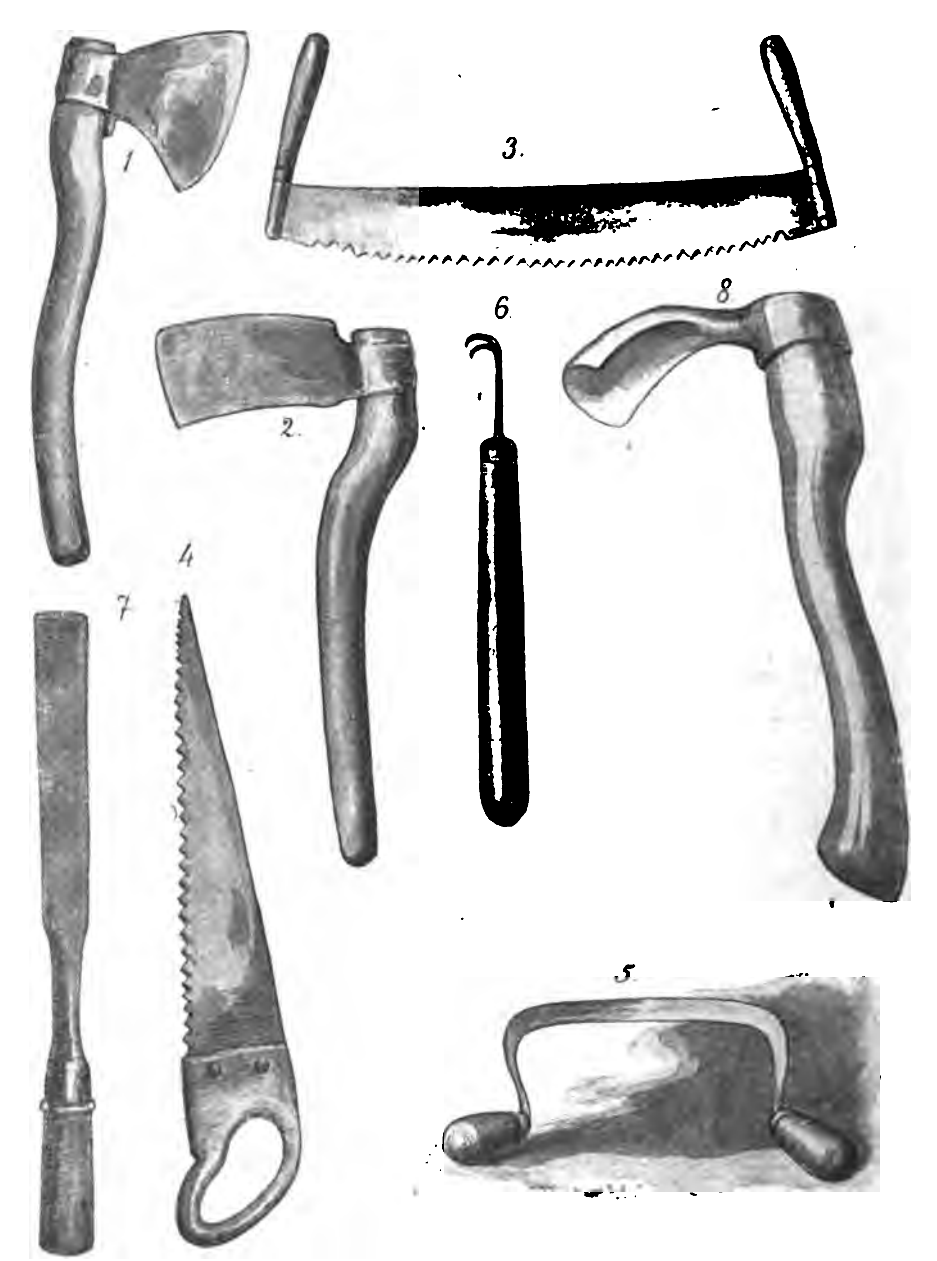


Рис. 4. Инструменты, употребляемыя при постройкахъ. 1. Топоръ. 2. Драчъ. 3. Двуручная пила 4. Одноручная пила. 5. Скобель. 6. Черта. 7. Долото. 8. Тесла.

2) „Драчъ“, спереди заостренный, прямой топоръ, употребляемый для расщепленія сосновыхъ бревенъ на „драницы“.

3) Двуручная пила.

4) Одноручная пила.

5) „Скобель“, острая стальная скобка съ двумя ручками, примѣняемая при отдѣленія коры отъ дерева.

6) „Чертà“, стальная вилка съ загнутыми концами. Ею проводятся на деревѣ правильныя черты.

7) „Долото“ и

8) „Тесла“, работая которой, дѣлаютъ „желобà“.

3. Изба.

Срубъ для избы, достаточно просушенный, перевозится „пóмочью“ [1]) въ деревню на то мѣсто, гдѣ крестьянинъ хочетъ поставить первую. Обыкновенно это дѣлается такимъ образомъ:

Крестьянинъ, желающій строиться, заявляетъ о своемъ желаніи всему деревенскому обществу и проситъ помочь ему. Общество избираетъ по соглашенію день для перевоза сруба и постройки. И вотъ, въ назначенный день, всѣ способные къ работѣ крестьяне ѣдутъ къ срубу, разбираютъ его и перевозятъ въ деревню.

Въ настоящее время избы въ большинствѣ случаевъ строятся на столбахъ или на камняхъ. Для каждаго столба роется яма, глубиною въ 1 ар. Въ нее вставляется столбъ и сбоковъ засыпается и пригнетается землей. Часть столба, высотою вершка въ 3, торчитъ надъ уровнемъ земли. Столбы ставятся подъ углами, а иногда и подъ срединою будущаго зданія. Поверхъ столбовъ кладется первый „рядъ“ или „вѣнецъ“. Пространство между землей и первымъ вѣнцомъ (оно оставляется потому, что изба осѣдаетъ или, какъ говорятъ крестьяне, „садитце“ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на землю) заваливается „костригой“ [2]). Если вмѣсто столбовъ ставятъ подъ углами камни, то оставляютъ вышеуказанное пространство высотою не меньше 4—8 вершковъ, такъ какъ извѣстно изъ опыта, что зданіе, основанное на камняхъ, осѣдаетъ больше, чѣмъ на столбахъ.

Лѣтъ же 10—15 тому назадъ, избы строились прямо на землѣ, безъ какого бы то ни было фундамента.

Перевезенный, срубъ, вновь собирается на избранномъ крестьяниномъ мѣстѣ. При этомъ строго соблюдается порядокъ „рядовъ“ или „вѣнцовъ“,

---

[1]) «Помочью» называется однодневная общественная безплатная работа въ пользу кого-либо.

[2]) Кострига, «омяльё»—остатокъ отъ производства льна.

который узнается по сдѣланнымъ ранѣе на каждомъ бревнѣ зарубкамъ или помѣткамъ. Собирая послѣдовательно одинъ „рядъ“ за другимъ, срубъ „мшатъ“, т. е. поверхъ каждаго ряда кладутъ мохъ и придавливаютъ, прижимаютъ его бревнами слѣдующаго „ряда“. Дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы между бревнами не было щелей, въ которыя тепло могло бы выходить изъ избы.

При началѣ постройки, послѣ того, какъ положено вѣнца три-четыре, дѣлается внутри сруба внутренняя *„завалина“*. Для нея сначала дѣлается внутри сруба изъ тонкаго лѣса невысокій, вѣнца въ три-четыре, „срубикъ“. Срубикъ этотъ значительно меньше наружнаго сруба, такъ что между нимъ и послѣднимъ остается свободное пространство шириною въ 1 арш. Это пространство все сплошь засыпается землею, взятою извнутри внутренняго сруба. Получается такимъ образомъ внутри срубовъ громадная яма — „подполье“, въ которомъ впослѣдствіи будутъ сохраняться картофель и др. овощи. Впрочемъ, яма зачастую роется не во всю величину сруба, а только въ срединѣ его. Внутренняя „завалина“, защищая „подполье“, а слѣдовательно и внутренность избы отъ вѣтра, въ то-же время служитъ полкой, на которую впослѣдствіи ставятъ горшки, кадки и т. п.

Устроивъ „завалину“ и „подполье“, продолжаютъ постройку. Когда дойдутъ до уровня *пола* (аршина $1^1/_2$ отъ земли, рѣдко болѣе), кладутъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга три сквозныя, поперечныя бревна— „перевода“, а на нихъ полъ. Не такъ давно, всего лѣтъ 20—30 тому назадъ, полъ дѣлали изъ цѣлыхъ тесаныхъ топоромъ бревенъ, а нынѣ изъ пиленаго „байдаку“ или изъ тонкихъ деревъ, распиленныхъ пополамъ.

Въ полу иногда оставляется незадѣланнымъ пространство для печи [1]), длиною въ 1 саж., шириною въ $2^1/_2$ аршина, и, кромѣ того, выпиливаются для входа въ „подполье“ 2—3 половницы длиною въ $1^1/_4$ ар., шириною въ 1 ар. Изъ выпиленныхъ байдачинъ дѣлается входъ. Входъ въ подполье устраивается около печки.

Продолживъ постройку стѣнъ до уровня *потолка*, ставятъ снаружи къ одной изъ нихъ „слёги“, т. е. два поставленныя на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга (2—3 саженъ) наклонно бревна, одни концы которыхъ упираются въ землю, другіе, подтесаные, въ стѣну. По этимъ „слёгамъ“ при посредствѣ двухъ веревокъ втягиваются „матица“ и потолочины. Дѣлается это такъ: одни концы веревокъ утверждаются неподвижно въ стѣнѣ внутри зданія, другіе перебрасываются черезъ стѣну, поддѣваются подъ бревно и

---

[1]) Въ этомъ случаѣ срубъ, на которомъ кладется или бьется печь, утверждается на столбахъ.

перекидываются обратно на зданіе; тамъ два человѣка, схвативъ эти концы, тянутъ ихъ къ себѣ, вкатывая при посредствѣ ихъ бревно на зданіе.

„Матица“ втягивается съ хлѣбомъ и пирогомъ, которые завернуты въ шубу на изнанку (шерстью вверхъ) и привязаны къ ней веревками. Когда „матица“ втянута, два мужика разрубаютъ одновременно веревки, вслѣдствіе чего хлѣбъ, пирогъ и шуба падаютъ на полъ. Тогда наблюдаютъ, упалъ-ли хлѣбъ верхней коркой кверху или книзу. Если кверху, то въ домѣ будутъ раждаться мальчики, а если внизъ—то дѣвочки. При этомъ приносятъ пиво и вино, пьютъ и накатываютъ потолокъ.

Потолокъ утверждается на „матицѣ“, толстомъ поперечномъ бревнѣ, концы котораго проходятъ сквозь отверстія, сдѣланныя въ боковыхъ стѣнахъ. Кромѣ того концы каждой потолочины продѣваются въ „черепà“ или „пазы̀“, сдѣланные въ передней и задней стѣнахъ, между двумя бревнами. Верхнія

Рис. 5. Изба.

бревна, „охлупныя“, придавливаютъ эти концы, снизу стесанные до половины, а сверху „на-смызъ“, т. е. слегка. Матица и потолокъ дѣлаются изъ круглаго, нетесаннаго лѣса.

Поверхъ потолка кладется одинъ и послѣдній „рядъ“, которымъ собственно и заканчиваются стѣны. На этомъ „ряду“ утверждаются „стропила“, называемыя здѣсь *„пасомомъ“* (см. на рис. 3).

Одновременно съ избою строятся *сѣни*. При этомъ можетъ быть два случая. Если крестьянинъ строитъ одну только избу безъ клѣти или другой избы, то сѣни строятся вмѣстѣ съ избою „въ уголъ“, отдѣляясь отъ нея капитальною стѣною, концы бревенъ которой проходятъ сквозь стѣны. Въ этомъ случаѣ срубъ для избы удлиняется сажени на $1^1/_2$, идущія „подъ сѣни“ (см. рис. 5). Во второмъ же случаѣ, т. е. когда сѣни будутъ по-

мѣщаться между двумя постройками, напримѣръ, между двумя избами (см. рис. 6), онѣ строятся „на столбахъ“, или, лучше сказать, между двумя столбами. Однако и въ этомъ случаѣ дѣлается для нихъ срубъ высотою до уровня пола. На этомъ срубѣ, между стѣнами построекъ, у угловъ ставятся четыре столба. Въ бокахъ столбовъ дѣлаются теслой и топоромъ пазы или „черепа“, послѣ чего все пространство между столбами забирается бревнами, концы которыхъ предварительно стесаны соразмѣрно ширинѣ пазовъ. Такимъ образомъ образуются двѣ продольныя стѣны сѣней, поперечными же служатъ стѣны избъ. Въ верхнихъ концахъ столбовъ дѣлаются пилой и долотомъ большіе вырѣзы— „уши“. Въ эти уши продѣваются концы бревенъ, которыя кладутся на столбы и служатъ опорой для стропилъ, а слѣдовательно и для крыши.

Рис. 6. Двойная изба съ сѣнями и крыльцомъ *К*—крыльцо, *к*—кокши, *п*—потокъ, *с*—слеги, *г*—гнёты.

Въ томъ и другомъ случаѣ въ сѣняхъ настилается полъ, потолка же не бываетъ. Подъ поломъ сѣней, какъ видно на рис. 5, устраивается иногда складъ для экипажей и земледѣльческихъ орудій, а иногда хлѣвъ для мелкаго скота.

Длина сѣней бываетъ отъ $1^1/_2$—3 саженъ, а ширина равна ширинѣ избы. Въ сѣняхъ устраивается 3 — 4 двери: входная съ крыльца, въ избу, клѣть и выходная на дворъ.

Построивъ избу, кроютъ ее *крышей*. Крыша дѣлается изъ драницъ (нынѣ нерѣдко изъ тесу и лучинки), сдѣланныхъ при помощи инструмента

„драча“ изъ сосноваго прямого и гладкаго лѣса. Крыша утверждается на „слёгахъ“ и „кокшахъ“. „Кокши“, деревянные крюки, вставляются въ сдѣланныя въ продольныхъ „слегахъ“ вырѣзки—„гнѣзда“. Чтобы еще больше укрѣпить „кокши“ въ гнѣздахъ, въ нихъ, повыше послѣднихъ дѣлаются зарубки. На „кокши“ кладутся сверху продольно „потоки“, т. е. сдѣланныя въ цѣлыхъ бревнахъ „теслой“ желобы. Затѣмъ, стелютъ на слеги рядами „драницы“ [1]), которыя упираются одними концами въ потоки, другіе же лежатъ свободно, образуя гребень крыши. Поверхъ драницъ кладутся на разстояніи 1 саж. другъ отъ друга короткія бревна — „стὸлчины“, одни концы которыхъ упираются въ потокъ, а на другихъ лежатъ толстыя „деревà“—„гнёты“; назначеніе послѣднихъ, какъ показываетъ названіе, пригнетать или прижимать крышу. Чтобы не заливало дождемъ чердака, самый верхъ крыши, или гребень, закрываютъ двумя положенными поперекъ досками, или же потὸкомъ, желобъ котораго перевернутъ внизъ (см. на рис. 6).

Въ потолкѣ и крышѣ дѣлается по четыреугольному отверстію для трубы, а въ черныхъ избахъ—для выхода дыма.

Внутренняя отдѣлка избы. Въ предыдущей главѣ я упоминалъ о томъ, что въ срубѣ для избы дѣлаются продольныя небольшія отверстія для оконъ и дверей. Въ такомъ видѣ, т. е. безъ оконъ, изба остается до того времени, когда приступаютъ къ внутренней отдѣлкѣ ея. Теперь прежде всего выпиливаются оконныя отверстія четверти на три ($^3/_4$ арш.) выше пола. Въ эти отверстія, вдоль стѣнъ и поперекъ оконъ, кладутъ по широкому деревянному брусу, называемому „подушкой“. На „подушки“ по краямъ около стѣнъ ставятъ по два такихъ же вертикальныхъ бруса—„косякà“. Поверхъ „косяковъ“ кладутся параллельно „подушкамъ“ поперечные брусы „вѐршники“. Надъ вершниками оставляются маленькія отверстія, на случай осѣданія избы. Эти отверстія закладываются мохомъ или стружками и заколачиваются снаружи и внутри досками, „заколотками“ (см. окно избы на рис. 6). Въ окна между „косяками“ вставляются рамы съ частымъ переплетомъ. Половина каждой рамы поднимается вверхъ по сдѣланному въ ней узкому желобу, называемому „шпунтомъ“. (Это названіе произошло отъ инструмента похожаго на стамеску, „шпунта“, при посредствѣ котораго дѣлается желобъ). Высота оконъ отъ 1 — $1^1/_2$ ар., ширина — $^3/_4$ ар. Количество такихъ оконъ нынѣ 3 — 4, а лѣтъ 15 — 20 назадъ 2 или 3. Кромѣ большихъ оконъ прежде устраивали въ избахъ противъ печекъ такъ называемыя „волоковыя“ окна, по одному въ каждой избѣ. Нынѣ такія окна встрѣчаются только въ старыхъ избахъ „Волоковὸе“ окно не имѣетъ „косяковъ“ и закрывается доскою съ

[1]) Драницы—тесъ, не пиленый, а расщепленный «драчомъ».

ручкой, которая вдвигается по лоточкамъ, „шпунтамъ". Назначенiе этого окна—давать свѣтъ стряпухѣ, а можетъ быть и выпускать дымъ въ курныхъ избахъ. Длина окна $^1/_2$ ар., ширина $^1/_4$ ар.

Почти такъ же, какъ окно, устраивается дверное отверстiе; только здѣсь нижнiй брусъ называется не „подушкой", а „порогомъ", и вмѣсто рамы употребляется дверь. Послѣдняя дѣлается изъ байдаку и сколачивается на обратной сторонѣ поперечными брусьями, называемыми „снàрвинами". Дверь подвѣшивается желѣзными петлями на вбитые въ косякъ желѣзные крюки. Въ дверь вбивается желѣзная скобка. Высота двери около $2^1/_4$ ар., ширина $1^1/_4$ ар. Дверное отверстiе возвышается надъ уровнемъ пола всего на 4—5 вер., такъ что „порогъ" лежитъ на полу.

Нынѣ почти во всѣхъ избахъ стѣны внутри обтесываются топоромъ, недавно еще въ 60—70-хъ годахъ стѣны такъ и оставлялись нетесанными.

Съ устройствомъ оконъ въ избѣ сдѣлалось свѣтло, а слѣдовательно можно приступать къ „битью" *печи*. Я употребилъ выраженiе „битье" печи, а не кладка потому, что печь дѣйствительно бьется изъ глины; изъ кирпичей же кладется одинъ только „подъ" ея. Печи бываютъ двухъ родовъ: бѣлыя и черныя. Послѣднiя остались только въ трехъ деревняхъ Левочской волости: Носковѣ, Тимошкинѣ и Крестцахъ, гдѣ крестьяне занимаются гончарнымъ ремесломъ, для котораго необходимы черныя печи. Тѣ и другiя печи дѣлаются одинаково и именно слѣдующимъ способомъ:

Нынѣ подъ тою частью пола, гдѣ хотятъ поставить печь, т. е. у лѣваго отъ входа угла, ставятъ четыре столба, основанiемъ упирающiеся въ землю, а верхомъ въ переводъ. Дѣлается это для того, чтобы подъ тяжестью печи полъ не накренился и не провалился. Лѣтъ 15—20 тому назадъ по причинѣ обилiя лѣсовъ (лѣсомъ не дорожили и строили, когда вздумается), а отчасти и по безпечности, ставили печку прямо на полу, не дѣлая подъ нимъ подпорокъ. При этомъ прежде всего дѣлали и ставили на полъ срубъ, высотою въ $^1/_4$ аршина, слѣдовательно вѣнца въ два. Срубъ этотъ дѣлался и дѣлается не „въ уголъ", а „въ лапу", при чемъ бревна или брусья скрѣпляются другъ съ другомъ самыми концами. На срубъ кладется сплошной „накàтникъ", состоящiй изъ толстыхъ бревенъ, концы которыхъ подтесываются. Срубъ этотъ называется „подпечкомъ". Поверхность „накатника" замазывается и заравнивается глиной (здѣсь говорятъ „гнилой"), такъ что образуется ровная и плотная площадка. На этой площадкѣ кладется изъ кирпичей полъ, называемый „подомъ". Часть „пода", выдающаяся наружу отъ устья печки, называется „ошёсткомъ". „Ошёстокъ" дѣлается длиною въ $^1/_2$ аршина, а шириною во всю ширину „пода". Надъ остальною частью „пода" дѣлается изъ глины сводъ. Въ стѣнахъ этого свода кла-

дутся для крѣпости и тепла большіе камни изъ полевыхъ шпатовъ. Для того, чтобы сводъ вышелъ правильнѣе и чтобы не упалъ во время битья, подъ него предварительно ставятъ (не всегда) деревянныя дуги. Дуги эти впослѣдствіи или вынимаются, или сжигаются. Когда сводъ поднятъ настолько, что начинаетъ закругляться, въ средину его въ отверстіе вставляется кадочка или чугунъ (для крѣпости), послѣ чего сводъ домазывается весь, кромѣ мѣста занятаго вышеупомянутымъ круглымъ предметомъ и старательно бьется лопатами какъ снаружи, такъ и внутри. Для того, чтобы лучше выбить сводъ внутри, туда забирается черезъ устье печи мужикъ, который и производитъ внутреннюю работу. Когда сводъ готовъ, кадка вынимается, а въ отверстіе изъ-подъ нея вставляется, забивается и замазывается сплошная, имѣющая видъ усѣченнаго конуса закладка, называемая „рѣдчиной". Теперь надъ „подомъ" сбоковъ, сзади и спереди свода возводятся изъ глины стѣны до тѣхъ поръ, пока высота ихъ не сравняется съ высотою свода. Въ передней стѣнѣ оставляется отверстіе, ведущее подъ сводъ, такъ называемое „устье" печи. Бока печи иногда обкладываются деревянными брусьями, которые поддерживаются стѣной и стоящимъ у выдающагося въ избу угла печи столбомъ (смотри ниже). Эта обкладка называется „опечкомъ". Верхъ печи выравнивается площадкою, такъ что на немъ можно лежать. — Надъ „ошёсткомъ" кладется (не всегда) „колпакъ", сводчатый внутри и четырехугольный снаружи. Въ немъ у бѣлыхъ печекъ дѣлается круглое отверстіе для трубы, закрываемое крышками, „вьюшками". Надъ колпакомъ кладется труба, верхъ которой, проходя сквозь потолокъ и крышу, выдается надъ послѣднею.

Печка (см. рис. 7) всегда помѣщается съ лѣвой стороны входа, около задней и боковой стѣнъ. Видомъ своимъ она напоминаетъ прямоугольную призму. Высота ея у колпака не менѣе сажени, противъ свода отъ $2^1/_4$ ар.; длина—3—$3^1/_2$ ар., ширина—$2^1/_4$—$2^1/_2$ ар. Въ бокахъ ея устраиваются большія четырехугольныя углубленія—„печурки", приспособленныя для сушки носковъ, чулковъ и „дяновъ". Въ передней части подпечка прорубается небольшое окно для входа (зимою) курицамъ и кошкѣ. Устье печи закрывается сдѣланною изъ листоваго желѣза заслонкою. Печи почти никогда не бѣлятся; но архитектурныя украшенія, сдѣланныя дномъ стакана, встрѣчаются на нихъ зачастую.

На полъ, у выдающагося внутрь избы угла печи ставится столбъ („столобъ", какъ говорятъ крестьяне). Отъ него идутъ къ задней и правой боковой стѣнѣ два толстые бруса, упирающіеся одними концами въ стѣны, а другими, сходясь подъ прямымъ угломъ, въ столбъ. Брусья эти называются „воронцами" (см. на рис. 7). Параллельно съ „воронцомъ", тянущимся

вдоль избы, и рядомъ съ нимъ настилаются доски, укрѣпляющіяся одними концами въ задней стѣнѣ, а другими положенныя на поперечный „воронецъ". Вся эта постройка кромѣ столба называется „*полатями*" (см. на рис. 8).

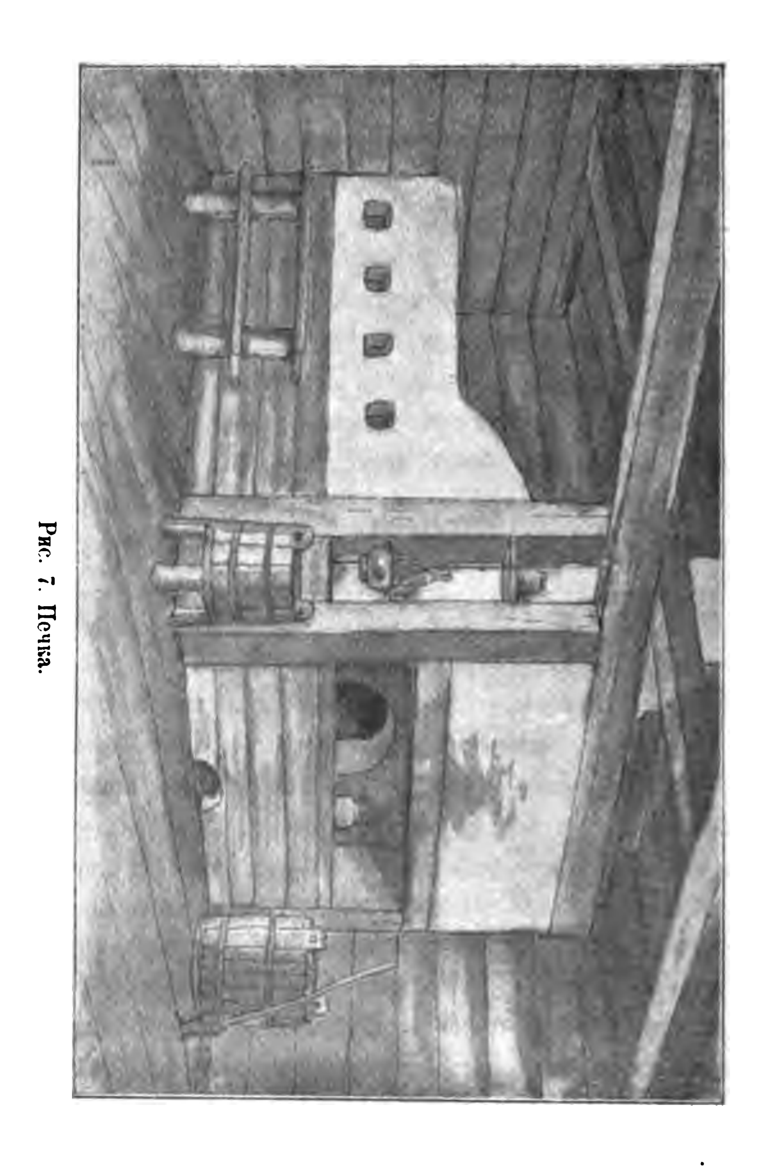


Рис. 7. Печка.

Онѣ замѣняютъ собою постель, а отчасти и полку. „Полати" тянутся надъ поломъ параллельно съ нимъ и потолкомъ, возвышаясь надъ первымъ аршина на $2^1/_2$ или немного менѣе. Длина ихъ равна длинѣ печи, а ширина— всему разстоянію между печью и правой стѣной.

Рядомъ со столбомъ, поддерживающимъ „воронцы", въ старыхъ избахъ встрѣчается шкапикъ чрезвычайно простой конструкціи. Въ немъ двѣ полки, прикрѣпленныя къ столбикамъ, которые опираются въ „опечекъ" (рѣдко въ

полъ). Шкапикъ имѣетъ обыкновенно $^3/_4$ ар. въ вышину и $^1/_2$ ар. въ ширину; иногда онъ имѣетъ дверцы (см. на рис. 7).

Рис. 8. Полати и постель.

Кругомъ всей избы около стѣнъ, кромѣ мѣста, занятаго печью ставятся „бесѣдки“ или „лавки“, изъ широкихъ и толстыхъ досокъ, стоящія на

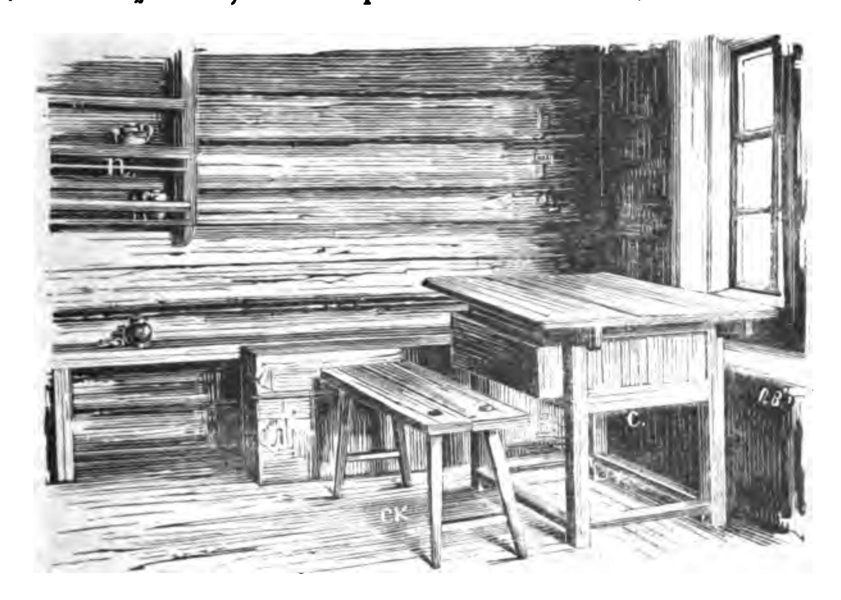


Рис. 9. Внутренность избы: *с*—столъ, *ск*—скамейка, *п*—посудникъ, *л*—ларь.

досчатыхъ ножкахъ. Лавки возвышаются надъ уровнемъ пола на $^1/_2$ ар.— Надъ окнами почти отъ самой печи, вдоль стѣнъ прикрѣпляются полки,

такъ называемый „полавошникъ". „Полавошникъ" дѣлается также изъ досокъ. (Лавки и полавошникъ см. на рис. 9).

Рядомъ съ лавкой около печи дѣлается неподвижный ящикъ или ларь для храненія пищевыхъ продуктовъ. Этотъ ларь носитъ названіе „прилавка".

На стѣнѣ около печки привѣшивается или прибивается „посудникъ". Въ немъ посуда ставится на полкахъ ребромъ, наклонно; а чтобы не упала, снаружи между полками прибиваются поддерживающія деревянныя пластинки. Величина „посудника" различна. (См. рис. 9 и 10).

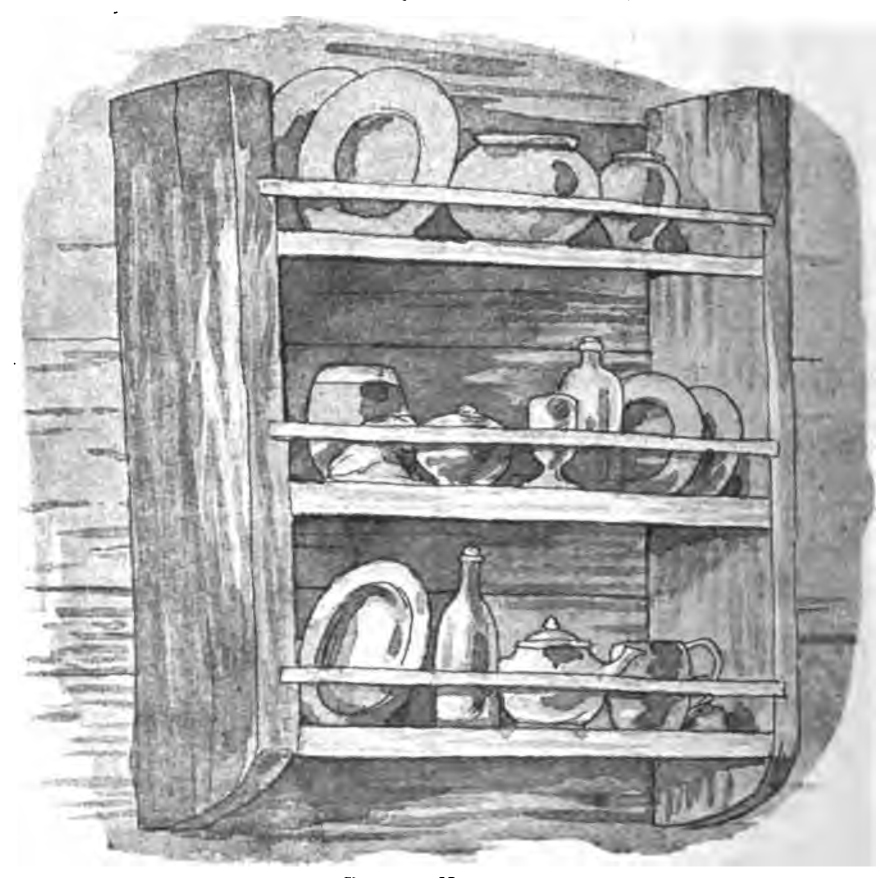


Рис. 10. Посудникъ.

Въ углу около печки прикрѣпляютъ иногда трехгранный шкапикъ, въ которомъ также хранится посуда.

Въ правомъ переднемъ углу прибивается трехугольная полка, впослѣдствіи на которую ставятъ иконы.

Когда внутренняя отдѣлка избы закончена, въ нее приносятъ и ставятъ иконы, картины (религіозно-нравственнаго содержанія), кухонныя принадлежности, столъ, скамейки (здѣсь говорятъ: „скамельки"), лоханку, рукомойникъ, постель и пр. Столъ деревянный, часто выкрашенный, съ ящикомъ для хра-

ненія хлѣба, съ выточенными ножками, ставится въ переднемъ углу или противъ печи (см. рис. 9). „Лоханка“, кадка съ тремя ножками, ставится около внутренняго угла печи. Надъ ней привѣшивается къ „воронцу“ „рукомойникъ“ глиняный.—„Постеля“ (см. рис. 8) кладется около задней стѣны на лавку и на „скамельку“. Впрочемъ, на день „постеля“ (набивается соломой или сѣномъ) убирается въ уголъ.

Размѣры избы почти всегда одинаковы: длина и ширина по 3 саж. высота внутри отъ 1 саж. до 4 арш. Высота потолка въ курной избѣ выше, чѣмъ въ бѣлой, что дѣлается изъ опасенія пожара.

При входѣ въ избу первое, что обращаетъ на себя вниманіе, это стоящая съ лѣвой стороны громадная русская печь. При ней стоитъ лѣсенка или лавочка, называемая „приступкой“, предназначенная для лазанья на первую. Далѣе, стоитъ „лоханка“ съ висящимъ надъ ней рукомойникомъ (см. на рис. 7).

Сверху на посѣтителя давятъ „полати“, такъ что онъ, если высокаго роста, долженъ, стоя подъ ними, „изогнуться въ три дуги“; съ правой стороны у задней стѣны лежитъ свернутая пополамъ на лавкѣ „постеля“ (см. на рис. 8). Прямо предъ глазами смотрятъ на посѣтителя изъ передняго угла иконы. Иконы деревянныя или же мѣдныя съ рельефными изображеніями. Около нихъ по стѣнамъ развѣшены картины религіозно-нравственнаго содержанія, Царскіе портреты и въ послѣднее время фотографическія карточки О. Іоанна Кронштадтскаго, очень часто помѣщенныя на „божницѣ“ вмѣстѣ съ иконами.

Въ избѣ по большей части три окна: одно въ правой стѣнѣ и два въ передней. Надъ окнами вдоль стѣнъ тянутся полки съ лежащею на нихъ домашней утварью, подъ ними—лавки. На стѣнахъ между оконъ висятъ иногда лубочныя картины: „Бова королевичъ“, „Еруслaнъ Лазаревичъ“ и „Какъ мыши кота хоронили“,—стѣнной календарь и одежда, подвѣшенная на деревянныхъ и желѣзныхъ гвоздяхъ.

Если посѣтитель возметъ на себя трудъ пройти на средину избы и обернуться влѣво, то глазамъ его представится печь съ открытымъ „челомъ“. Около ней въ углу, прижатомъ къ стѣнѣ, стоятъ ухваты, крюкъ, лопата для сажанія хлѣбовъ, „помело“ и сковородникъ. Прямо противъ печи стоитъ на полу столъ со скамейкой; возлѣ него „прилавокъ“. На стѣнѣ около печи виденъ прибитый къ ней (стѣнѣ) „посудникъ“ съ посудою (крестьяне говорятъ: „со спосудой“).

По срединѣ избы виситъ иногда „зыбка“ или „люлька“ для качанія грудныхъ дѣтей. Зыбка представляетъ изъ себя пяла или раму, на которую не туго натянуто полотно. Рама привѣшивается за четыре угла веревками къ „очепу“, сильно гнущейся жерди; а „очепъ“ продѣвается въ желѣзное

кольцо, прибитое къ потолку (см. рис. 11, на которомъ впрочемъ люлька по ошибкѣ показана привязанной за матицу").

Рис. 11. Переднiй уголъ избы.

Въ избѣ всегда (даже и лѣтомъ) царитъ полумракъ, еще болѣе увеличивающiйся вслѣдствiе обильнаго накопленiя грязи. Грязь эта накопляется въ ней потому, что зимой въ ней держатъ телятъ и курицъ, а моютъ ее хозяйки всего два раза въ годъ: предъ Рождествомъ и Пасхой. Мнѣ случалось видѣть, какъ хозяйка предъ этими праздниками соскабливала грязь желѣзной лопатой съ пола.—Осенью и зимой по вечерамъ изба освѣщается лучиной, которая вставляется въ „свѣтецъ". Свѣтецъ—желѣзный стержень съ двумя горизонтальными пластинками, между которыми зажимается лучина. Стержень вставляется неподвижно въ деревянную подставку, имѣющую аршина $1^1/_2$ высоты.—Весною и лѣтомъ, начиная съ Благовѣщенiя вплоть до Успенья, изба по вечерамъ не освѣщается, такъ какъ, по крестьянскому повѣрью, „послѣ Благовѣщенья грѣхъ зажигать огонь". Нынѣ по деревнямъ стали распространяться лампы.

Такъ какъ русская печь не держитъ долго тепла, то нынѣ почти повсюду въ деревняхъ завели или чугунки, или сдѣланныя изъ глины малень-

кія печки, отопляемыя щепками, „угарками". Эти печки ставятся только на зиму.

Изъ избы выходъ въ *сѣни*. Въ сѣняхъ помѣщаются лѣстница на „чердакъ", т. е. помѣщеніе надъ потолкомъ избы,—кадка съ водой, ведра, коромысло, ступа, въ которой толкутъ гущу, корзинки и пр. Изъ сѣней, кромѣ вышеупомянутаго, есть входъ (не всегда) въ другую избу или клѣть и два выхода: на дворъ и на улицу. Такъ какъ входъ въ клѣть возвышается надъ сѣннымъ поломъ чуть не на сажень, то, чтобы удобнѣе было лазать въ нее, устраиваютъ передъ входомъ крыльцо или лѣстницу изъ толстыхъ брусьевъ (см. рис. 12). — Дверь, ведущая на улицу, запирается на

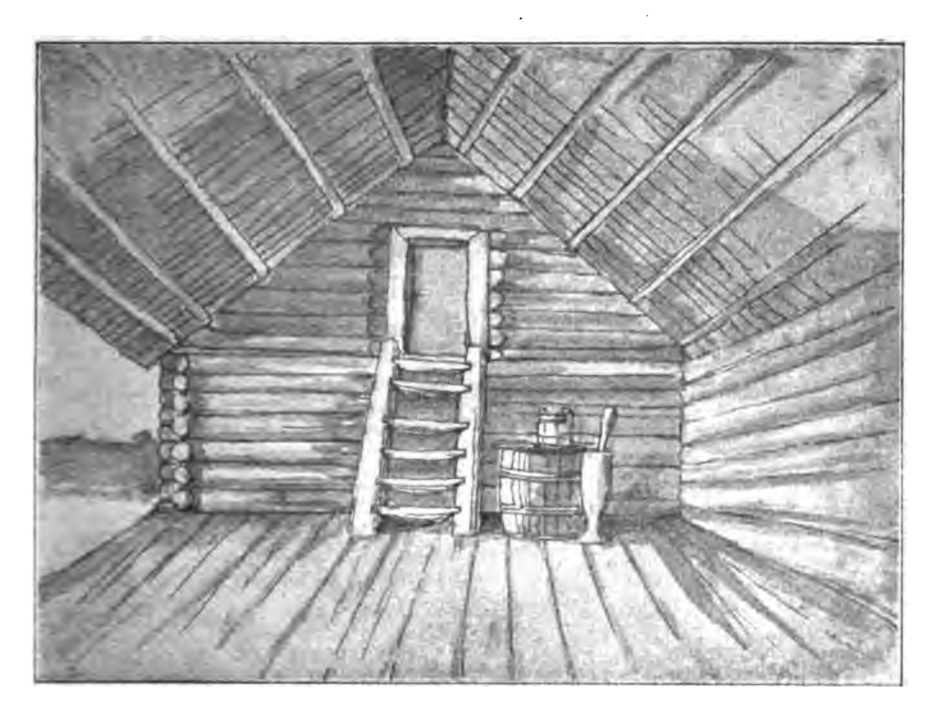


Рис. 12. Ходъ въ клѣть.

защелку, къ которой привязывается веревочка. Свободный конецъ этой веревочки продѣвается сквозь сдѣланную въ двери дырочку наружу такъ, что человѣкъ, идущій съ улицы, чтобы попасть въ сѣни, долженъ дернуть за веревочку.

На улицѣ передъ входомъ въ сѣни устраивается *крыльцо*. Въ старину крыльцо представляло изъ себя простую лѣстницу, состоящую изъ толстыхъ плоскихъ ступенекъ, скрѣпленныхъ продольными брусьями. Лѣстница верхнимъ концомъ упиралась въ площадку (изъ плахъ), поддерживаемую столбами (см. на рис. 5). Нынѣ крыльца́ устраиваются по большей части съ навѣсомъ (см. рис. 6). Прежде всего ставятся на землю столбы, торчащія надъ

уровнемъ земли аршина на $1^1/_2$. Столбы соединяются со стѣною сѣней переводами, концы которыхъ продѣты въ ихъ „уши“. На переводы настилается полъ. Надъ послѣднимъ, на другихъ уже столбахъ держится навѣсъ изъ драницъ. Къ полу придѣлывается лѣстница изъ досокъ.

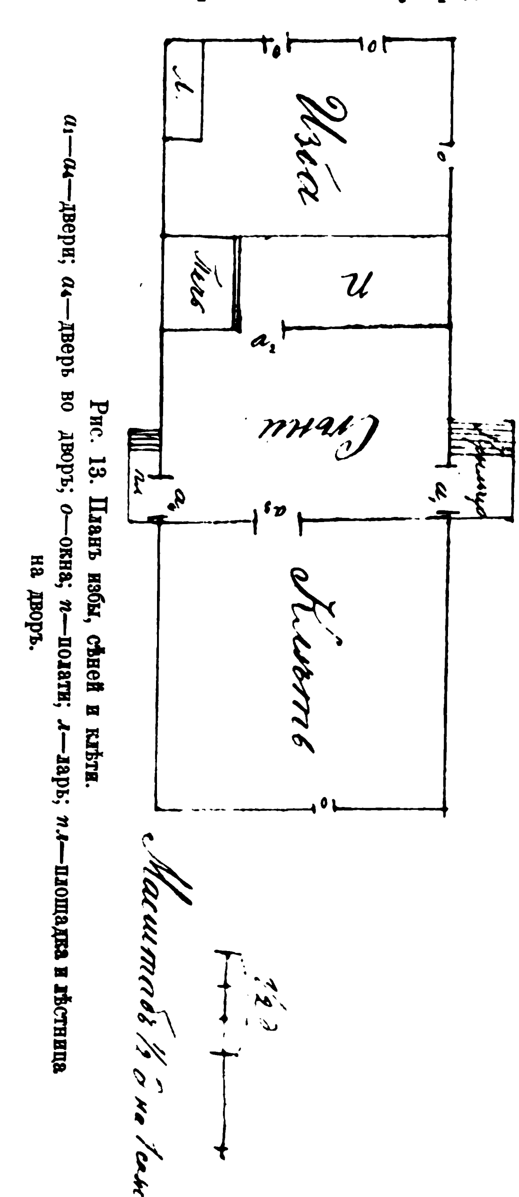


Рис. 13. Планъ избы, сѣней и клѣти. a_1—a_4—двери; a_4—дверь во дворъ; *o*—окна; *n*—полати; *л*—ларь; *n.л*—площадка и лѣстница на дворъ.

Встарь, когда низъ избы подгнивалъ, около него устраивали наружную „*завалину*“. Для завалины дѣлали вокругъ избы изъ тонкаго лѣса невысокую (вѣнца въ три-четыре) обкладку. Послѣдняя строилась или „въ уголокъ“ или же „на столбахъ“, въ бокахъ которыхъ сдѣланы предварительно теслой „пазы“. Пространство между избой и обкладкой заваливалось „омяльемъ“ и иногда засыпалось сверху пескомъ.— Нынѣ уже рѣдко встрѣчаются наружныя „завалины“.

4. Клѣть.

Клѣть есть кладовая. Строится она рядомъ съ сѣнями такъ, что изба, сѣни и клѣть подводятся подъ одну крышу. Размѣры ея одинаковы съ избой, т. е. по три сажени въ длину и ширину (см. рис. 13). Въ клѣти только одинъ полъ, потолка не бываетъ. Полъ, какъ выше упомянуто, настилается гораздо выше, чѣмъ въ сѣняхъ. Подъ нимъ обыкновенно помѣщается мелкій скотъ: овцы или телята или свиньи. Внутри клѣти на жердочкахъ, называемыхъ „грядками“, тянущихся отъ стѣны къ стѣнѣ, висятъ одежда и праздничная сбруя; на полу стоятъ сундуки, кадки и кринки (крестьяне говорятъ: „крынки“) съ молокомъ, сметаной и масломъ. Входъ въ клѣть идетъ изъ сѣней (см. на рис. 12 и планъ). Другой входъ—въ ея подполье—дѣлается изъ двора или съ улицы.—

Свѣтъ падаетъ въ клѣть чрезъ сдѣланное въ стѣнѣ маленькое окошечко вершковъ въ 6 длины и 4 высоты. Окошко задѣлывается желѣзной рѣшеткой, чтобы ни воришки, ни кошки не могли залѣзать.

Въ настоящее время клѣтей не строятъ [1]), а замѣняютъ ихъ второй избой.

5. Дворъ и хлѣвъ (см. рис. 14).

Рис. 14. Планъ двора и хлѣвовъ.

а—столбъ; в—ворота; д—двери; дв—дверь въ подклѣтье; о—окно; с—ворота на сарай, надъ хлѣвомъ; пл—площадка и лѣстница на дворъ изъ сѣней.

[1]) Въ Крестецкомъ уѣздѣ клѣти строятся и понынѣ.

Къ избѣ примыкаетъ дворъ. Дворъ строится „на столбахъ". Изъ нихъ четыре средніе высоки (около 3 саж.), а боковые, по четыре съ каждой стороны, значительно ниже (около $1^1/_2$ саж.). Разстояніе отъ столба до столба равняется приблизительно 3 саж.—Впрочемъ, въ томъ случаѣ, когда у крестьянина лѣсъ мелокъ и коротокъ, разстояніе между боковыми столбами дѣлается меньше, а самое количество столбовъ больше.—Столбы основаніемъ своимъ врываются въ землю. На вершинѣ каждаго столба дѣлается большой продольный вырѣзъ, такъ называемыя „уши". Въ бокахъ столбовъ дѣлаются пазы. Все пространство между боковыми столбами, за исключеніемъ мѣстъ, занятыхъ наружными стѣнами хлѣвовъ, забирается бревенчатымъ заборомъ, концы бревенъ котораго сидятъ въ пазахъ (см. рис. 15).

Рис. 15. Дворъ. Видъ сзади. *С*—столбы; *х*—стѣна хлѣва; *о*—окошко; *в*—ворота; *к*—колодезь.

Одновременно съ дворомъ строятся два (рѣдко одинъ) хлѣва.

Кстати, крестьяне во всей Новгородской губерніи никогда не говорятъ хлѣвъ, а непремѣнно „клѣвъ", „кливъ" или „оклѣвъ".

Хлѣвы строятся „въ уголъ", рядомъ; но стѣнки ихъ, какъ видно на прилагаемомъ планѣ, не соприкасаются одна съ другого, отъ чего между ними образуется простѣнокъ или „межугалокъ". Въ началѣ и въ концѣ этого „межугалка", у угловъ хлѣвовъ и ставятся два средніе столба; у остальныхъ четырехъ угловъ ставятся столбы, какъ выше замѣчено, пониже предыдущихъ.

Надъ хлѣвами настилается сплошной бревенчатый потолокъ.

Стѣны двора и хлѣвовъ продолжаются однѣ въ другія, такъ что наблюдателю, смотрящему на постройку съ боковой стороны, видится одна

сплошная стѣна, раздѣленная столбомъ. Тоже самое увидитъ онъ и на задней сторонѣ хлѣвовъ (см. рис. 15).

Когда стѣнки заборника (стѣны двора) возведены до „ушей" боковыхъ или наружныхъ столбовъ, въ послѣднія пропускаются бревна, называемыя „иглами". Концы „иглъ" встрѣчаются въ „ушахъ". „Иглы", продѣтыя въ „уши" среднихъ столбовъ, носятъ названіе „князька". Теперь на „князекъ" и „иглы" кладутся параллельно другъ другу поперечныя, тонкія бревна, а на нихъ также взаимнопараллельно продольныя толстыя жерди. Получаются такимъ образомъ клѣтки, величиною каждая около квадратной сажени. Это и есть „порѣшетникъ". На порѣшетникѣ утверждаются „кокши" (иногда „кокши" тянутся отъ „князька" черезъ „иглы") и настилается крыша изъ „драницъ" сплошь надъ дворомъ и надъ хлѣвами.

Дворъ по большей части передней стѣны не имѣетъ, такъ какъ этой стороной онъ примыкаетъ, какъ выше сказано, къ избѣ. Только трехугольникъ, возвышающійся надъ стѣною избы и упирающійся вершиною въ крышу, забирается тесомъ, драницами или бревнами. Точно также забирается трехугольникъ и надъ заднею стѣною хлѣвовъ. Кое-гдѣ встрѣчаются въ дворахъ потолки, но пола ни въ дворахъ, ни въ хлѣвахъ никогда у крестьянъ не бываетъ.

Помѣщеніе надъ хлѣвомъ называется с а р а е м ъ. Оно служитъ хранилищемъ для соломы и сѣна.

На дворѣ и въ хлѣвахъ вырубаются небольшія окна. Входъ во дворъ дѣлается, какъ упомянуто въ предыдущей главѣ, изъ сѣней. Со двора устраиваются двери въ подклѣтье и въ хлѣвы (см. рис. 16 и планъ на рис. 14). Съ улицы во дворъ ведутъ громадныя ворота. Ворота устраиваются на столбахъ. Громадныя, сдѣланныя изъ тесу двери ихъ раскрываются на двѣ половинки. Ворота дѣлаются такой ширины, чтобы въ нихъ можно проѣхать въ „навозницу" на телѣгѣ. Кромѣ ихъ устраиваются другія ворота, ведущія на сарай. Эти ворота дѣлаются нѣсколько поменьше тѣхъ, что на дворѣ, потому что въ нихъ ѣздятъ только зимою на дровняхъ. Для въѣзда въ сарай устраивается „съѣздъ" [1]), состоящій изъ бревенчатой мостовой, настланной поверхъ двухъ поставленныхъ наклонно „слѣгъ". „Слѣги" одними концами упираются въ землю, а другими въ потолокъ хлѣвовъ и поддерживаются снизу столбами.

[1]) Въ Крестецкомъ уѣздѣ ворота въ сарай и съѣзды устраиваются въ передней стѣнѣ двора, причемъ съѣздъ тянется вдоль избы.—Въ Никольскомъ у., Вологодской губ., помѣщеніе надъ дворомъ или надъ хлѣвами называется не сараемъ, а «повитью»; то же, что въ Новгородской губ. именуется «съѣздомъ», въ Вологодской носитъ названіе «звоза».

На дворѣ ставятся ясли (см. рис. 16), колода, корыто и иногда устраиваются загородки; въ хлѣвахъ—колоды и поставленныя наклонно къ стѣнѣ, на $^1/_2$ ар. отъ земли рѣшетки, служащія для поддержки сѣна. На землѣ въ хлѣвахъ и на дворѣ настилается солома. Дворъ предназначается для рогатаго скота, хлѣвы для лошадей, иногда для овецъ или свиней.

Рис. 16. Внутренность двора. *X*—стѣна хлѣва; *д*—входъ въ хлѣвъ; *я*—ясли; *к*—корыто.

Выше было упомянуто, что хлѣвы строятся „въ уголъ", но что у угловъ ихъ ставятся столбы. Спрашивается теперь: зачѣмъ же къ хлѣвамъ, почти отдѣльной, независимой постройкѣ, приставляются эти столбы?—Это дѣлается затѣмъ, чтобы въ случаѣ, если дворъ или даже одна крыша сгніетъ, крестьянинъ могъ перестроить ихъ, не тревожа хлѣвы.

6. Амбаръ.

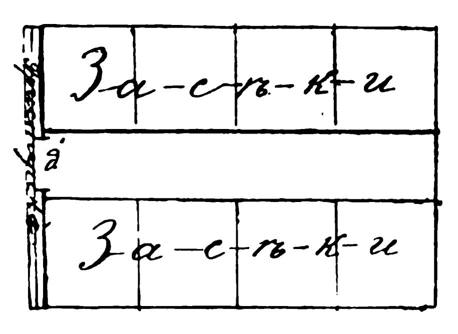
Амбаромъ или „анбаромъ" называется зданіе, служащее хранилищемъ для вымолоченнаго, а иногда и смолотаго хлѣба.

„Анбаръ" ставится рядомъ или противъ избы. Рубится онъ „въ уголъ", съ „пасомомъ", иногда съ „навѣсомъ" (см. рис. 17) и кроется „драницами". „Анбаръ" имѣетъ въ длину отъ $1^1/_2$—2 саж., въ ширину 1—$1^1/_2$ саж. и въ высоту отъ $1^1/_2$ саж.

Полъ въ немъ настилается на разстояніи $^1/_2$ арш., а иногда и выше отъ земли, чтобы предохранить хлѣбъ отъ сырости. На полу, по обѣ стороны входа, вдоль боковыхъ стѣнъ устраиваются „закромы" или „сусѣки" (см. рис.

18) [1]). Засѣкъ или „сусѣкъ“ представляетъ изъ себя огромный ящикъ или ларь, тремя наружными стѣнками котораго служатъ стѣны амбара, а внутреннею

Рис. 17. Анбаръ.



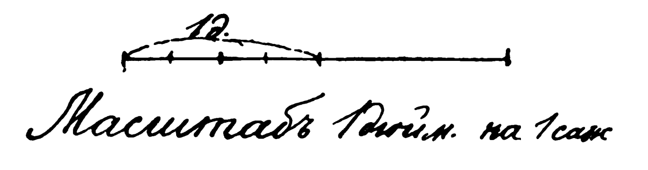


Рис. 18. Планъ амбара.

идущая отъ передней стѣны до задней перегородка, сдѣланная изъ байдаку или изъ тесаныхъ бревенъ. Ящикъ этотъ перегораживается двумя или тремя такими же поперечными перегородками. Ширина засѣка бываетъ различна, отъ $1^1/_2$— 2 ар.; высота около $1^1/_2$ ар.

---

[1]) Въ Боровичскомъ уѣздѣ говорятъ «сусѣкъ», въ Тихвинскомъ «закромъ», въ Новгородскомъ «засѣкъ». Слово «сусѣкъ» употребляется въ Никольскомъ у. Вологодской г.

Въ амбарѣ одна дверь, часто обитая желѣзомъ. Въ ней внизу дѣлается небольшое отверстіе для прохода кошкамъ,—чтобы мыши не заводились. Дверь запирается громадной „личиной“ и висячимъ замкомъ.—Ни оконъ, ни потолка въ амбарѣ не бываетъ.

Снаружи предъ входомъ въ амбарѣ дѣлается крыльцо или „приступка“, состоящая изъ досокъ или идущихъ отъ стѣны до стѣны бревенъ (на рис. 17).

Рис. 19. Планъ гумна съ ригой. *о*—окно; *д*—дверь; *в*—ворота; *с*—съѣздъ; штриховка обозначаетъ въ ригѣ колосники, въ съѣздѣ—бревна.

7. Гумно съ ригой.

Послѣ дома и двора важнѣйшею постройкою для крестьянина является гумно. Но, такъ какъ постройка его требуетъ большихъ затратъ матеріала, времени и труда, что часто бываетъ не подъ силу малолюдному и бѣдному семейству, то въ большинствѣ случаевъ гумно строятъ заразъ нѣсколько семействъ; а если одно, то или богатое, или многолюдное. Въ Левочской волости, да и во всемъ Боровичскомъ уѣздѣ въ деревняхъ строятъ гумна съ ригами и обѣ постройки вмѣстѣ называютъ просто „гумномъ“ (см. рис. 19). Точно также строятся „гумна“ и въ другихъ уѣздахъ Новгородской губерніи: Валдайскомъ, Крестецкомъ, Новгородскомъ, Демянскомъ, Тихвинскомъ и большей части Устюжинскаго уѣзда. Только въ 30—20 верстахъ отъ Устюжны по Тихвинскому тракту крестьяне, какъ я неоднократно видѣлъ, строятъ не гумна, а „овины“ съ „ладонями“ [1]).

[1]) Въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, говорятъ: не «ладонь», а «долонь».

Важнѣйшая часть гумна „рига“, т. е. зданіе, въ которомъ сушатся снопы хлѣба, предназначенные для молоченья.

Строится рига „въ уголъ“, съ поломъ и потолкомъ. Только то мѣсто, гдѣ стоитъ печь, и пространство между нею и переднею стѣною не застилается поломъ. Полъ дѣлается очень гладкій, струганый чтобы ни одно зерно не затерялось —и всегда низко, почти на самой землѣ. Потолокъ же, напротивъ, настилается очень высоко, сажени на 2 надъ уровнемъ земли, что дѣлается съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, во избѣжаніе пожара; съ другой—чтобы было побольше помѣщенія для сноповъ.

Между поломъ и потолкомъ помѣщаются такъ называемые „колосники“, тонкія, длинныя жерди. „Колосники“ кладутся продольно и не сплошь на двѣ поперечныя „матицы“, концы которыхъ со стороны печи утверждаются на продольномъ переводѣ, а съ другой стороны пропускаются сквозь боковую стѣну. „Колосники“ строятся на сажень выше пола. На нихъ помѣщаются стоймя (ставятся на комлевые срѣзы) во время сушки снопы.

Налѣво отъ входа съ улицы, а также и изъ гумна, въ углу кладется громадная печь. Печь эта имѣетъ разное устройство. Въ простѣйшемъ случаѣ она представляетъ изъ себя опрокинутый сводъ съ задѣланною заднею стѣною и съ колпакомъ, поднимающимся надъ устьемъ ея. Въ болѣе сложномъ сводъ этотъ закрывается глиняннымъ опрокинутымъ ящикомъ, но несплошнымъ, такъ что между сводомъ и стѣнами ящика сверху всегда остается пустое пространство. Передней стѣны у глиняной обкладки (ящика) нѣтъ и боковые проходы открываются спереди въ колпакъ, въ которомъ дѣлаются въ передней стѣнкѣ отверстія — „печурки“. Въ сводѣ внутри дѣлается также нѣсколько сквозныхъ отверстій въ боковые проходы.—Дрова кладутся прямо на землю. Дымъ, поднимаясь отъ нихъ, достигаетъ свода, проходитъ чрезъ отверстія въ боковые проходы печи, возвращается по нимъ къ колпаку и, поднявшись по нему, выходитъ чрезъ сквозныя печурки наружу въ ригу, а изъ нея сквозь прорубленное въ боковой стѣнѣ у потолка окно, на улицу. Такъ какъ путь, проходимый огнемъ и дымомъ внутри печи, очень коротокъ; то нерѣдко одновременно съ дымомъ вылетаетъ изъ печурокъ и огонь, что при чрезвычайной сухости и обиліи такого легковоспламеняющагося матеріала, какъ снопы хлѣба, и приводитъ къ пожарамъ.

Длина рижной печи равняется $1^1/_2$ саж., ширина—1 саж. и высота около $1^1/_2$ ар. сзади и около 1 саж. у колпака. Дровами для нея служатъ толстыя, расколотыя на двое, саженныя еловыя плахи.

Кроется рига также драницами.

Въ ригѣ прорубаются и устраиваются двѣ двери: одна на петляхъ, ведущая изъ гумна, другая—приставная съ улицы. Оконъ въ ней три: одно

большое прорубается на сажень отъ гуменнаго пола въ стѣнѣ, прилегающей къ гумну (см. рис. 20); чрезъ него насаживаются на колосники и снимаются снопы; другое надъ печью въ боковой стѣнѣ, и третье, ведущее изъ гумна въ помѣщеніе надъ потолкомъ. Первое и третье окна—ихъ пожалуй можно назвать дверями—дѣлаются на столько велики, что въ нихъ можетъ пролѣзать человѣкъ, согнувшись. Двери и окна во время топки оставляются немного пріоткрытыми; а послѣ того, какъ печь истопилась, всѣ закрываются на глухо досчатыми дверцами, которыя поддерживаются уткнутыми въ полъ или землю подпорами.

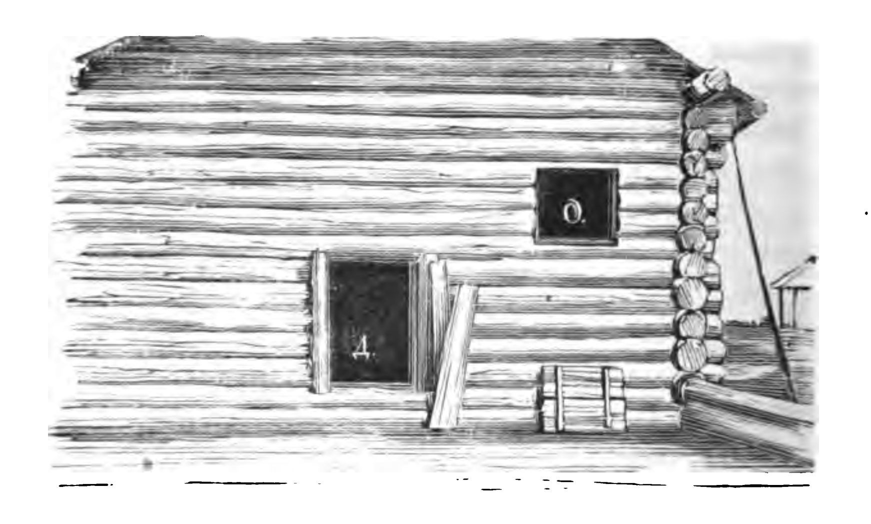


Рис. 20. Ладонь ѓумна и стѣна риги.

Въ помѣщеніи надъ потолкомъ риги или чердакѣ хранятся пріузи, лопаты, крюки и метлы.

Къ ригѣ пристраивается гумно. При этомъ примѣняются два способа стройки. По первому, нынѣ очень рѣдкому, гумно является самостоятельной постройкой, четырехъ—или шести—стѣнной, соединенной съ ригой сдѣланнымъ изъ плахъ проходомъ. Въ случаѣ пожара въ ригѣ, проходъ разламывается и разбирается, такъ что гумно становится отдѣленнымъ отъ риги. По другому—боковыя стѣны гумна, лишеннаго одной изъ поперечныхъ стѣнъ, упираются концами въ углы риги, при чемъ эти концы скрѣпляются въ пазахъ столбовъ, стоящихъ у угловъ. Въ этомъ случаѣ гумно имѣетъ, какъ я уже сказалъ, только три стѣны, четвертою же служитъ для него стѣна риги.

Полъ въ гумнѣ дѣлается изъ байдаку, гладкій, ровный и плотно сколоченный. Потолка нѣтъ. Кроется гумно драницами (см. рис. 21).

Для прохода и проѣзда на гумно служатъ ворота или двери, откры-

вающіяся на двѣ половины. Двери досчатыя, въ ширину и въ высоту по сажени.

Такъ какъ полъ на гумнѣ настилается не ниже $^3/_4$ ар. надъ поверхностью земли, то для въѣзда на гумно устраивается небольшой бревенчатый „съѣздъ“.—Почти противъ воротъ, въ противоположной стѣнѣ прорубается большое окно, высотою 1—$1^1/_2$ ар. и шириною 1—$1^1/_4$ ар. Окно это обыкновенно закладывается досчатымъ сплошнымъ ставнемъ и запирается извнутри

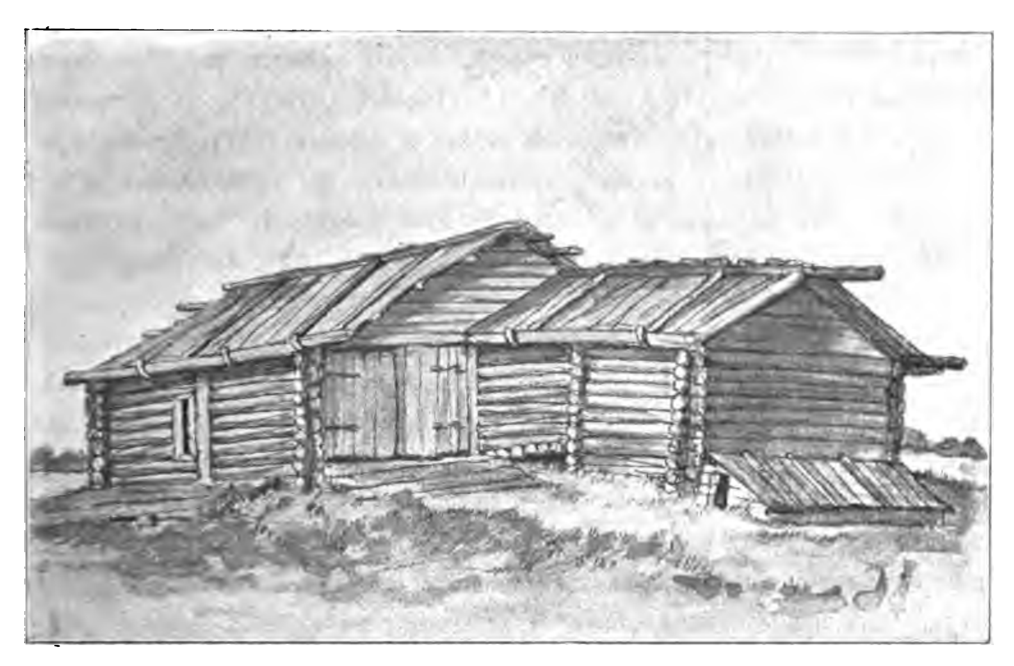


Рис. 21. Гумно.

коломъ или деревяннымъ брусомъ, продѣтымъ во вбитыя въ косяки или стѣну желѣзныя скобки, и только открывается во время вѣянья, причемъ вѣтеръ, дующій сквозь открытыя ворота и окно, относитъ мякину на болѣе дальнее разстояніе, нежели зерна.

По стѣнамъ гумна вбиваются кое-гдѣ деревянныя гвозди, на которые вѣшаются „пріузи“ (цѣпи) и „крюки“, приснаровленные къ носкѣ соломы. На полу иногда помѣщаются кучи не молоченнаго хлѣба, „вороха“, т. е. кучи, непровѣяннаго хлѣба, и во время молоченья кладется „посадъ“ или сложенные двумя рядами, вершинами вмѣстѣ, а комлями врозь снопы. Въ углахъ ставятся къ стѣнѣ лопаты, метлы и „подавалки“.

Около гумна, не смотря на запрещеніе начальства, постоянно съ осени стоятъ хлѣбныя кучи (здѣсь говорятъ „кучи“ хлѣба, а не „скирды“, безразлично: будутъ-ли онѣ сложены полусферически или продольной формы) и сложенная въ „умётъ“ (отъ слова метать) солома.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о постройкѣ „овина“ (см. на рис. 21, справа) и „долони“ или „ладони“.

Въ „овинѣ“ печи не бываетъ; её замѣняетъ вырытая въ землѣ яма. Поэтому, прежде чѣмъ строить овинъ, роютъ яму глубиною въ ростъ человѣка, а въ длину и ширину равную будущему овину. Когда яма готова, въ нее опускаютъ деревянный „срубъ“, состоящій изъ нѣсколькихъ (отъ 8—13) вѣнцовъ, срубленныхъ „въ лапу“. „Срубъ“ этотъ по размѣрамъ равенъ ямѣ и вставляется въ нее для того, чтобы земля со стѣнъ ея не осыпалась. Поверхъ этого „струба“ кладется другой, короче нижняго на $1^1/_2$ ар. и сдѣланный не „въ лапу“, а „въ уголъ“. Верхній „срубъ“, на разстояніи $1^1/_2$ ар. отъ задней стѣны (передней стѣной я называю стѣну, прилежащую къ гумну или ладони, а заднею—противоположную ей) перегораживается поперечною, какъ бы висячею стѣною. Въ этой послѣдней, надъ нижнимъ бревномъ дѣлается продольное отверстіе для прохода дыма, называемое „пазухой“. „Пазуха“ высотою меньше $^1/_2$ ар. и длиною немного менѣе длины стѣны. Надъ отверстіемъ, между задней и висячей стѣнами дѣлается потолокъ.

Надъ нижнимъ „срубомъ“ отъ передней стѣны вплоть до висячей, перегородочной, настилается также сплошной потолокъ. Поверхъ потолка намазывается толщиною вершка въ два глина, которая потомъ утрамбовывается и выравнивается. Это „подъ“.—Надъ подомъ на высотѣ въ $^1/_2$ ар. кладутся на „переводахъ“ или перекладинахъ „колосники“, а надъ ними на сажень выше возводится крыша. „Колосники“ лежатъ свободно на перекладинахъ и могутъ быть при обметаніи „пода“ складываемы въ кучи.

Собственно „овиномъ“ называется помѣщеніе надъ „подомъ“. Помѣщеніе подъ „подомъ“ и потолкомъ называется „подовиномъ“. Излишекъ помѣщенія въ нижнемъ срубѣ, заключенный между задними стѣнами верхняго сруба (эта стѣна часто продолжается вглубь нижняго сруба) и нижняго, носитъ названіе „подлаза“. „Подлазъ“ кроется особой, односкатной крышей.

Въ овинѣ дѣлаются два входа: одинъ сбоку въ „подлазъ“, другой въ собственно „овинъ“. Чрезъ первый бросаются дрова, чрезъ второй насаживаются на „колосники“ снопы. Каждый входъ размѣрами около квадратнаго аршина. Для входа въ „подлазъ“ служитъ лѣстница.

Огонь въ овинѣ разводится на землѣ. Дымъ и жаръ отъ него, поднимаясь до потолка, тянутся по нему и проходятъ черезъ „пазуху“ въ висячей стѣнѣ въ „овинъ“, а изъ него сквозь крышу наружу (см. рис. 22).

Предъ овиномъ обыкновенно помѣщается „ладонь“. Она устраивается слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего отмѣриваютъ на землѣ прямоугольный четырехугольникъ. На этомъ четырехугольникѣ „логъ“ или трава сдирается, вырывается съ

корнемъ и отбрасывается въ сторону. Потомъ это мѣсто уминается, замазывается толсто глиной, утрамбовывается плахами съ вертикальной рукояткой и уравнивается. Получается такимъ образомъ совершенно ровная и гладкая прямоугольная площадка, которая, когда высохнетъ, напоминаетъ по твердости кирпичный полъ (см. на рис. 20). — Понятно, что во время дождей она размокаетъ, дѣлается вязкою и непригодною для молотьбы; вотъ почему на ней молотятъ только во время заморозковъ.

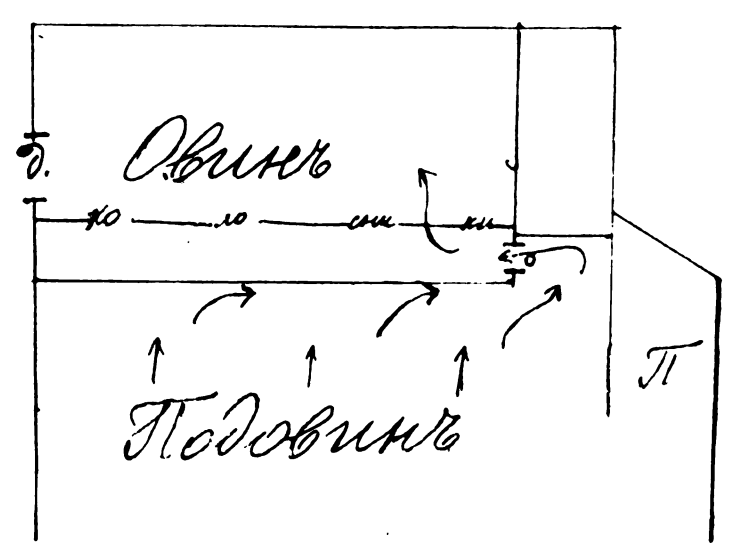


Рис. 22. Овинъ. Вертикальный продольный разрѣзъ. *П*—«подлазъ»; *д*—дверь; *о*—пазуха; стрѣлки обозначаютъ направленіе дыма; *с* — висячая стѣна.

Я слыхалъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ надъ „ладонями" навѣсы на столбахъ, но и это не спасаетъ ихъ отъ сырости.

Въ практическомъ отношеніи гумно съ ригой стоитъ гораздо выше овина съ ладонью, и только бѣдность, недостатокъ лѣсного матеріала и опасеніе предъ частыми пожарами („овинъ легче и дешевле строить, а ладонь-то не сгоритъ!") заставляютъ крестьянина устраивать послѣдніе.

8. Пелевня.

„Пелевней" называется постройка, въ которой хранится солома. Въ Крестецкомъ, Демянскомъ и отчасти въ Валдайскомъ уѣздахъ такія постройки называются „пунями".

Слово „пелевня" произошло отъ „пéлево",— такъ называется самая мелкая и легкая мякина,—и вѣроятно, пелевни въ глубокою старину служили хранилищемъ для мякины, а не для соломы.

„Пелевня" строится „въ уголъ" (см. рис. 23). Въ ней не дѣлаютъ

ни пола, ни потолка. Кроется она обыкновенно соломой, которая кладется толстымъ слоемъ на „порѣшетникъ" и придавливается жердями—гнётами.

Для входа въ „пелевню" служитъ дверь, не менѣе двухъ арш. ширины и въ ростъ человѣка высоты. Оконъ въ ней нѣтъ.

Рис. 23. Пелевня.

Въ пелевнѣ хранится, какъ выше сказано, солома. Послѣдняя приносится послѣ молотьбы при помощи деревянныхъ крюковъ съ гумна. Здѣсь она или складывается въ умётъ или же завязывается въ очень крупные снопы, называемые „кубачами".

Размѣры пелевни бываютъ различны: отъ 4—6 саж. въ длину и сажни 3 въ ширину.

9. Баня.

Зданіе, въ которомъ моются крестьяне въ Боровичскомъ уѣздѣ, называютъ „байной" (или „байна"). Въ другихъ уѣздахъ называютъ или также, или же съ мягкимъ окончаніемъ „байней" (или „байня"), но никогда баней.

„Байна" раздѣляется на собственно „байну", отдѣленіе, въ которомъ моются, и „предбайникъ" или „прибайникъ", гдѣ раздѣваются и одѣваются (см. рис. 24).

Байна маленькое зданіе, сажени 2 длиною и 1—1$^{1}/_{2}$ с. шириною, строится „въ уголъ". Пола очень часто въ самой „байнѣ" нѣтъ, но потолокъ всегда есть. Въ послѣднемъ надъ печью дѣлается отверстіе ($^{1}/_{2}$ ар. длиною

и 1/4 ар. шириною) для прохода дыма. Въ прибайникѣ, наоборотъ, очень часто настилается полъ, но за то потолка нѣтъ.—Крестьяне поступаютъ такъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ байнѣ внизу мокро и слѣд. полъ, еслибъ и былъ, то все равно скоро сгнилъ-бы; а въ „прибайникѣ" зимой на землѣ холодно, слѣд. полъ необходимъ,—да и сырости меньше, а потому и полъ можетъ существовать дольше. Потолокъ же въ байнѣ нуженъ для удержанія тепла, а въ прибайникѣ безъ него (потолка) даже и лучше: скорѣе во время топки дымъ улетитъ черезъ крышу.

Рис. 24. Байна.

Входъ въ „прибайникъ" большею частію бываетъ безъ двери, но изъ „прибайника" въ „байну" дверь всегда существуетъ.—Какъ въ байнѣ, такъ и въ прибайникѣ прорубается по одному очень маленькому окну, размѣрами

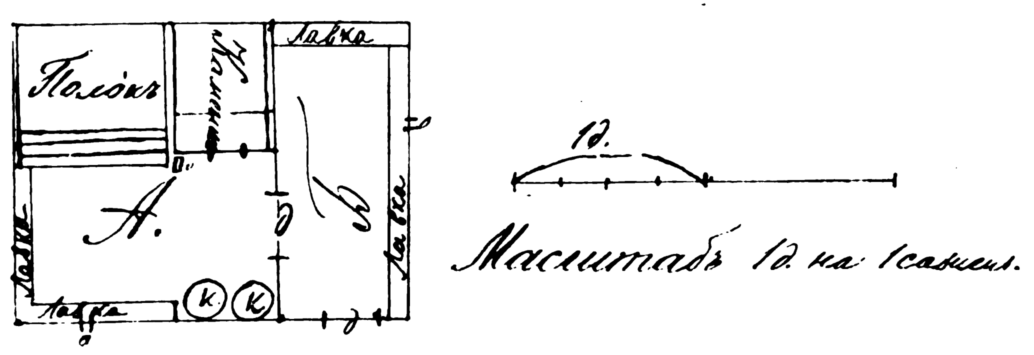


Рис. 25. Баня.
А—баня; *Б*—прибайникъ; *д*—дверь; *о*—окно; *к*—кадка.

иногда доходящими до квадратной четверти. Окно въ байнѣ заставляется стекломъ, а въ „прибайникѣ" ни чѣмъ, или же иногда, какъ и окно надъ печкой, затыкается „затычкой" изъ вѣника, трапокъ и „омялья".

На землѣ, съ правой стороны входа въ „байну“ (см. рис. 25) кладется „каменка“, т. е. печь, въ которой и на которой накаливаются камни. Она кладется такъ.

Сначала выкладывается изъ кирпичей трехстѣнная продолговатая печь (передней стѣны нѣтъ), боковыя стѣны которой соединяются сверху сводомъ. Сводъ этотъ не сплошной, а съ поперечными, сквозными отверстіями. Отверстія въ поперечникѣ не болѣе вершка, идутъ во всю ширину свода и отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи ¼ аршина. Когда сводъ засохнетъ, на него кладутъ массу дикихъ камней средней величины (см. рис. 26, на которомъ полокъ и отверстіе печное изображены не совсѣмъ вѣрно). Иногда надъ

Рис. 26. Внутренность бани. Печь и полокъ.

сводомъ устраивается трехстѣнный сводчатый колпакъ, защищающій стѣны „байны“ и потолокъ отъ пламени. Колпакъ въ длину нѣсколько меньше печи.

Печь имѣетъ въ длину около 2½ ар., въ ширину 1½ ар. и въ высоту безъ колпака 1½ ар., съ колпакомъ въ 2½ ар.

Рядомъ съ печью, у правой же стѣны устраивается „полокъ“, состо-

яющій изъ досокъ, которыя настилаются поверхъ сложенныхъ въ клѣтку бревенчатыхъ брусьевъ. Клѣтки къ срединѣ „байны“ выступаютъ террасами, образуя ступеньки, по которымъ можно лазать на „полòкъ“. „Полòкъ“ дѣлается длиною въ ростъ человѣка и шириною въ $1^1/_2$ ар.

Съ лѣвой стороны входа, у стѣны ставятся двѣ или три кадки для воды и шайки, а за ними вдоль боковой и передней стѣнъ, вплоть до „полкà“ тянутся тесовыя лавки. Такія же лавки устраиваются и въ „прибайникѣ“. Надъ лавками вколачиваются въ стѣны жерди— „грядки“, предназначенныя для сушки бѣлья.

„Байна“ тòпится обыкновенными дровами. Вмѣстѣ съ дровами бросаются въ печь (а не на „каменку“), дикія камни (булыжникъ), которые, понятно, накаливаются въ ней дò-красна. Во время топки женщина, „убирающая“ „байну“, носитъ въ кадки холодную воду.—Всю эту работу она должна совершать въ густѣйшемъ дыму, такъ какъ послѣдній, хотя дверь въ „прибайникъ“ и открыта, при отсутствіи трубы заполняетъ собою всю „байну“, долго не находя выхода наружу.—Когда печь протопилась, женщина выгребаетъ изъ нея крюкомъ камни вмѣстѣ съ угольемъ, и при помощи большихъ желѣзныхъ щипцовъ „садитъ“ первые въ холодную воду, отъ чего камни охлаждаются, а вода нагрѣвается. Остается послѣ этого залить водою угли, подмести на полу, вытереть сырой мочалкой лавки и „полокъ“, и байна готова.

Студентъ Имп. Спб. Унив. *М. Синозерскій.*

26 Сентября
1898 года

АНГЛО-ИНДІЙСКІЙ „КАВКАЗЪ".

Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами.

(Этнико-историческій и политическій этюдъ).

Задачи настоящаго труда — историческій обзоръ столкновеній Англо-Индіи съ авганскими пограничными племенами и очеркъ англійской политики въ отношеніи къ этимъ горцамъ. Но эти восточныя авганскія племена являются лишь частью авганскаго народа и судьба ихъ стоитъ въ тѣсной связи съ судьбами остальныхъ авганскихъ племенъ, находящихся подъ властью эмира Авганистана, а потому оказалось необходимымъ предпослать указаннымъ главнымъ отдѣламъ краткій историческій очеркъ отношеній Англіи къ Авганистану и свѣдѣнія объ авганскихъ племенахъ вообще, ихъ происхожденіи, особенностяхъ народнаго характера и т. д. Наконецъ, въ виду большой аналогичности покоренія Россіею кавказскихъ горцевъ съ борьбою Англіи съ авганскими горцами, я призналъ нужнымъ сдѣлать краткій обзоръ покоренія Кавказа Россіею и воспользоваться полученными при этомъ указаніями для выясненія вѣроятнаго дальнѣйшаго хода столкновеній Англіи съ пограничными племенами и всѣмъ авганскимъ народомъ.

I. Краткій историческій очеркъ отношеній Англіи къ Авганистану.

Еще въ концѣ XVIII столѣтія европейскіе противники Англіи знали, что самые чувствительные и рѣшительные удары ея могуществу могутъ быть нанесены лишь въ Индіи *). Неудачный исходъ египетской экспедиціи Наполе-

*) «Въ 1786 г. Мирабо, разсказывая о русской экспедиціи въ Астрабадъ (1783 г.), высказывалъ мысль, что русскія войска могутъ современемъ черезъ центральную Азію сдѣлать вторженіе въ Индію, и что этимъ путемъ Россія, угрожая Англіи, произведетъ полный переворотъ въ системѣ европейской политики (Histoire secrète la Cour de Berlin, письмо XXIX)». Въ 1791 году французомъ Сенъ-Жени былъ составленъ и чрезъ принца нассаусскаго представленъ императрицѣ Екатеринѣ II проектъ экспедиціи въ Индію. Передъ походомъ Сенъ-Жени совѣтовалъ издать манифестъ, въ коемъ русскому народу

она, имѣвшей конечною своею цѣлью Индію, показалъ, что доступъ къ Индіи чрезъ Средиземное море и турецкія земли невозможенъ, пока Англія сохраняетъ владычество надъ морями. Поэтому, составленный Наполеономъ, при начинавшемся въ 1800 году сближеніи съ Россіей, проектъ похода въ Индію направлялъ союзныя русско-французскія войска изъ Астрахани на Астрабадъ, Хератъ и Кандахаръ, т. е. изъ Россіи чрезъ Персію и Авганистанъ. Съ проектомъ Наполеона, посланнымъ къ Павлу I съ адъютантомъ перваго консула Дюрокомъ, знакомы мы по краткому извлеченію, сохранившемуся въ бумагахъ шведскаго посланника Стедингка (Mémoires postumes du feld-maréchal comte de Stedingk, redigés par le général comte de Björnstjerna, Paris, 1845, T. II, pp. 6—7). Напечатанный въ 1840 году въ брошюрѣ нѣкоего de Hoffmanns полный проектъ былъ вѣроятно одною изъ первоначальныхъ редакцій; хотя въ нѣкоторыхъ русскихъ переводахъ этого проекта помѣщенныя въ брошюрѣ замѣчанія на проектъ и объясненія на нихъ приписываются Наполеону и Павлу I, но въ брошюрѣ не означено—кому они принадлежатъ, стало быть, за положительный фактъ выдается догадка, сдѣланная впервые Dubois de Jancigny, однимъ изъ авторовъ описанія Индіи въ извѣстномъ французскомъ изданіи L'Univers, histoire et description de tous les peuples (Inde, Paris, 1845, p. 109). Въ упомянутой бумагѣ Стедингка, по поводу назначенія командующимъ союзною арміею Массены, пояснено, что это сдѣлано по желанію императора Павла, но это замѣчаніе могло и не содержаться въ проектѣ, привезенномъ Дюрокомъ, а быть простою догадкою Стедингка или его источниковъ. Такъ какъ Дюрокъ прибылъ въ Петербургъ 25 мая 1801 года, чрезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти Павла I, послѣдовавшей въ ночь съ 11 на 12 марта того же года, то до сихъ поръ остается наиболѣе вѣроятнымъ, что императору Павлу проектъ Наполеона остался неизвѣстнымъ, какъ и полагалъ это гр. Д. И. Милютинъ въ „Исторіи войны 1779 года между Россіею и Франціею въ царствованіе имп. Павла I“ (изд. 2-е, Спб., 1857 г., т. I, стр. 537 и 538, т. III, стр. 667 и 668). Во всякомъ случаѣ въ опублико-

было бы возвѣщено, что императрица посылаетъ свои войска для возстановленія Могола (главы старинной династіи) на тронѣ Индіи. Армія направится черезъ Бухару и Кашмиръ въ Индію она спустится съ сѣвера черезъ проходы, извѣстные его агентамъ, которыхъ посылалъ туда графъ Верженъ. Племена, тамъ обитающія, не окажутъ сильнаго сопротивленія Россіи; между ними существуетъ рознь и для нихъ страшно самое имя русскихъ. Императрица немедленно сообщила этотъ проектъ князю Потемкину, но послѣдній его осмѣялъ; вообще, занятый своимъ восточнымъ проектомъ, онъ не находилъ его практически осуществимымъ» (В. Н. Александренко «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в.», Варшава, 1897 г., томъ I, стр. 65 и 66; источниками указаны четыре депеши англійскаго посланника въ С.-Петербургѣ Витворта 1791 года и «сочиненіе Eton'a Survey of the Turkish empire, p. 510»).

ванныхъ пока бумагахъ русскихъ и французскихъ государственныхъ архивовъ, относящихся къ дипломатическимъ сношеніямъ между Россіею и Франціею въ 1800 и 1801 г.г. („Сборникъ имп. русск. историческаго общества“, томъ 70, Спб., 1890 г.), нѣтъ никакихъ указаній на сообщеніе Павлу I предположеній Наполеона о походѣ на Индію ранѣе миссіи Дюрока.

Вѣрнѣе поэтому думать, что русская экспедиція на Индію предпринята была Павломъ I не вслѣдствіе проекта Наполеона, а подъ вліяніемъ египетской экспедиціи и распространеннаго въ то время убѣжденія о легкой уязвимости Англіи въ Индіи. Послѣ совершившагося въ концѣ октября 1800 года разрыва съ Англіею императоръ Павелъ сдѣлалъ распоряженія о защитѣ русскихъ береговъ отъ англійскаго флота. Не ограничиваясь обороною, онъ нашолъ нужнымъ, какъ значится въ рескриптѣ 12 январа 1801 года атаману войска Донскаго Орлову-Денисову, атаковать самихъ англичанъ „тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ“. Атаману предписано было собрать казаковъ и идти съ ними къ Оренбургу, а оттуда „съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ на заведенія англійскія, по ней лежащія“. Въ рескриптѣ отъ 13 января повелѣвалось отъ Инда идти „на Гангесъ и тамъ на англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобы китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ высвободите... нашихъ плѣнныхъ подданныхъ“. По донскимъ архивнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ статьѣ А. Филонова „Оренбургскій походъ“, напечатанной въ №№ 1—3 „Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей“ 1859 г., казаки выступили съ Дона, въ числѣ 22.507 ч. съ 24 орудіями, 27 и 28 февраля, прошли къ 23 марта, нѣсколько болѣе половины пути къ Оренбургу, до сел. Мечетнаго, вольскаго уѣзда саратовской губерніи, и получили здѣсь манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра I съ повелѣніемъ возвратиться на Донъ. На жалованье, провіантъ и фуражъ казакамъ для этого похода отпущено было изъ казны 1.670.285 р. *).

---

*) Авторъ помѣщенной въ 23 выпускѣ «Сборника географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи» (Спб., 1886 г.) монографіи «Проектъ экспедицій въ Индію, предложенныхъ Наполеономъ Бонапарте императорамъ Павлу и Александру I» предполагалъ, что мысль о походѣ въ Индію явилась у Павла I вслѣдствіе сообщеннаго «въ періодъ конца 1800 года» французскимъ посломъ въ Берлинѣ нашему посланнику, для представленія императору, проекта Бонапарте, но признавалъ, что никакихъ указаній объ этомъ въ матеріалахъ его и «въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ» не нашлось (стр. 39 и 40). Напротивъ въ «Описаніи Хивинскаго похода 1873 года» полковника Ф. И. Лобысевича (Спб., 1898 г., стр. 15 и 16) встрѣчаемъ: «Мысль объ этомъ, болѣе чѣмъ рискованномъ въ то время, предпріятіи вызвана была неудовольствіемъ Государя на Англію... Составленъ былъ проектъ франко-русской экспедиціи въ Индію, который и былъ препровожденъ на заключеніе перваго консула, при письмѣ Императора Павла, предлагавшаго совмѣстно, положить конецъ корыстолюбивой, эгоистической политикѣ и несправедливостямъ великобританскаго правительства». Изложивъ затѣмъ сокращенно проектъ, извѣстный п-

Наполеонъ однако не отказался отъ мысли о походѣ на Индію, завелъ съ этою цѣлью сношенія съ Персіею, заключилъ съ нею 4 мая 1807 года союзъ и отправилъ въ Тегеранъ генерала Гардана, съ миссіею значительнаго состава, для собиранія точныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для похода въ Индію. Заключивъ съ Россіею миръ и союзъ въ Тильзитѣ, онъ возобновилъ переговоры о походѣ въ Индію, но война съ Австріею, а потомъ охлажденіе и разрывъ съ Россіею воспрепятствовали окончательному соглашенію и выполненію предполагаемаго похода.

Конечно, до самаго недавняго времени, успѣшный походъ въ Индію въ истекающемъ столѣтіи былъ весьма мало возможенъ для европейской арміи съ Босфора или отъ границъ Россіи, по дальности разстояній, трудностямъ продовольствія арміи и передвиженія ея запасовъ и обозовъ, сопротивленія со стороны воинственныхъ и враждебныхъ иновѣрнымъ европейцамъ мѣстныхъ племенъ и народовъ и т. д. Однако Индія была не разъ покоряема завоевателями съ сѣверо-запада. Подчиненіе ея обществомъ англійскихъ торговцевъ представлялось не менѣе невѣроятнымъ, однако совершилось. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, особенно же при распространеніи владѣній европейской державы на Среднюю Азію и при подчиненіи ей или союзѣ съ нею Персіи и Афганистана, отнятіе у Англіи обладанія Индіею могло сдѣлаться дѣломъ выполнимымъ. Совершенно поэтому понятно, что неизмѣнными задачами англійской политики въ продолженіе XIX вѣка были противодѣйствіе распространенію русскихъ владѣній въ Средней Азіи по направленію къ Индіи и поддержаніе цѣлости и силы Турціи, Персіи и Афганистана, съ исключеніемъ преобладанія въ этихъ странахъ вліянія Россіи и съ подчиненіемъ ихъ англійскому вліянію или владычеству.

брошюрѣ 1840 года и перепечаткѣ въ l'Univers, г. Лобысевичъ продолжаетъ: «Генералъ Бонапарте... отнесся, однако, скептически къ такому грандіозному проекту и сдѣлалъ на него нѣкоторыя замѣчанія, которыя императоръ старался опровергнуть. Тѣмъ не менѣе соглашенія о совмѣстномъ предпріятіи Россіи и Франціи противъ Индіи не состоялось, и императоръ Павелъ рѣшился одинъ привести свою мысль въ исполненіе»... Такъ какъ г. Лобысевичъ не указалъ источниковъ своихъ, хотя и изложенныхъ въ категорической формѣ, но идущихъ въ разрѣзъ со всѣмъ, что было извѣстно по данному предмету, утвержденій, то приходится пока полагать, что эти утвержденія суть лишь личныя его предположенія, представляющіяся совершенно неосновательными. Достаточно внимательно прочесть и сравнить рескрипты и проектъ, чтобы убѣдиться, что авторъ первыхъ былъ незнакомъ съ проектомъ, ибо иначе онъ пріобрѣлъ бы нѣкоторое понятіе о томъ, какъ снаряжаются непредназначенныя для вѣрной гибели экспедиціи въ Индію. Изъ содержанія проекта видно, что онъ могъ быть составленъ лишь французами (цѣлью экспедиціи, сверхъ изгнанія англичанъ изъ Индостана, поставлено открытіе новыхъ путей для промышленности и торговли «въ особенности Франціи»), обладавшими свѣдѣніями тогдашней географической и исторической литературы по Азіи, тогда какъ авторъ рескриптовъ былъ имъ совершенно чуждъ и повидимому представлялъ себѣ что путь въ Хиву изъ Оренбурга идетъ чрезъ Бухарію, что китайцы могутъ и желаютъ овладѣть Бухаріей, что англійскія «заведенія» лежатъ на Индѣ и т. д.

Значительная отдаленность странъ Средней Азіи отъ англійскихъ владѣній, трудности сообщеній съ ними и враждебность ихъ владѣтелей и народовъ ко всему немусульманскому помѣшали Англіи выполнить первую задачу ея политики. Послѣ мучительнаго заключенія и совершенной 17 іюня 1842 года въ Бухарѣ казни англійскихъ посланцевъ Стоддарта и Конолли, оставшейся неотомщенною, Англія была вынуждена отказаться почти отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ войти въ сношенія съ средне-азіатскими странами и организовать ихъ сопротивленіе распространенію русскаго владычества. Однако, обладаніе средне-азіатскими пустынями съ немногими въ нихъ оазисами было такъ мало заманчиво, а усилія и жертвы для того такъ тяжелы, что лишь въ 1864—1868 г.г. Россія подчинила бассейны Сыръ-Дарьи и Зеравшана, въ 1873 году—Хиву и, наконецъ, въ 1880—1884 г.г. Туркменію. Ограничившись по необходимости предѣлами Авганистана, Англія дипломатическими соглашеніями съ Россіею въ 1873, 1885 и 1895 годахъ достигла достаточно выгоднаго и точнаго опредѣленія границъ Авганистана, признаннаго состоящимъ въ сферѣ ея вліянія или власти. Но при этомъ русская граница подошла такъ близко къ Херату, что съ окончаніемъ къ декабрю 1898 г. начатой въ 1896 году вѣтви закаспійской желѣзной дороги отъ Мерва до Кушка русскіе рельсы оказываются не доходящими до Херата лишь около 120 верстъ. Между тѣмъ, отъ Херата до Кандахара только около 550 верстъ и отъ Кандахара до Инда почти столько же.

По мѣрѣ приближенія русскихъ владѣній къ границамъ Авганистана значеніе Турціи для обороны Индіи противъ Россіи падало, что и высказалось достаточно ясно въ англійской политикѣ послѣднихъ лѣтъ по турецкимъ дѣламъ. Значеніе Персіи также упало. Взамѣнъ того стало еще болѣе важнымъ положеніе Авганистана, который, съ землями независимыхъ авганскихъ племенъ, одинъ теперь отдѣляетъ русскія владѣнія и военныя силы отъ предѣловъ Индіи. Подчиненіе Авганистана или по крайней мѣрѣ прочный союзъ съ нимъ сдѣлались окончательной необходимостью для успѣшнѣйшей защиты Индіи. Потерявъ пріобрѣтенное было оставшимся не ратификованнымъ трактатомъ Малькольма 1800 г. (History of the War in Afghanistan, by J. W. Kaye, London, 1851, vol. I, pp. 1—10) вліяніе въ Персіи, которая, какъ выше упомянуто, заключила въ 1807 году союзъ съ Наполеономъ, Англія не замедлила въ слѣдующемъ году отправить къ владѣтелю Авганистана Шахъ-Шуджѣ посольство. Посолъ Эльфинстонъ,—который потомъ издалъ въ 1815 году прекрасное описаніе Авганистана съ любопытнѣйшими свѣдѣніями по этнографіи авганъ (An Account of the Kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghan Nation, and the History of

the Dooraunee Monarchy. By the hon. Mountstuart Elphinstone, London),—былъ принятъ съ большимъ почетомъ и легко достигъ союзнаго договора, по которому Шахъ-Шуджа между прочимъ обязался не допускать въ предѣлы Авганистана ни одного француза. Не успѣло еще посольство на своемъ обратномъ пути достигнуть англо-индійской территоріи, какъ Шахъ-Шуджа былъ свергнутъ съ престола, который снова былъ занятъ братомъ его Махмудомъ. Возстановивъ вскорѣ свое вліяніе въ Персіи (договоръ 12 марта 1809 г.) и сблизившись съ Россіею въ борьбѣ съ Наполеономъ, завершившейся его паденіемъ, Англія обращала мало вниманія на Авганистанъ до второй половины тридцатыхъ годовъ, когда Персія, въ которой русское вліяніе стало преобладать надъ англійскимъ, предприняла подчиненіе своей власти сосѣднихъ частей раздробленнаго и ослабѣвшаго Авганистана. Смуты въ этой послѣдней странѣ были послѣдствіемъ убіенія, по распоряженію Махмуда, доставившаго ему престолъ визиря Фетхъ-хана, главы самой многочисленной въ племени дурани вѣтви баракзи. Братья убитаго вынудили Махмуда удалиться въ Хератъ и стали править остальными областями Авганистана независимо другъ отъ друга. Враждовавшимъ между собою братьямъ грозили и внѣшніе враги: изъ Хората наслѣдовавшій Махмуду сынъ его Камранъ, на востокѣ могущественные сейки, заставившіе себѣ платить дань пишаверскихъ братьевъ, наконецъ, съ юго-востока Шахъ-Шуджа, нашедшій убѣжище въ англо-индійскихъ владѣніяхъ. Послѣдній, съ согласія англичанъ, заключилъ въ 1833 году союзъ съ сейками, собралъ войско и напалъ на Синдъ, намѣреваясь затѣмъ идти на Кандахаръ и Кабулъ. Считая свои силы недостаточными противъ соединенныхъ войскъ Шахъ-Шуджи и сейковъ, опирающихся на англичанъ, владѣтель Кабула и Газни Достъ-Мохаммедъ-ханъ, въ 1834 году, отъ имени кандахарскихъ и пишаверскихъ братьевъ и владѣльцевъ Синда и отъ себя, отправилъ посольство въ Россію съ просьбою о помощи, разсчитывая, что она можетъ ее оказать ему, если не непосредственно, то чрезъ Персію, находившуюся подъ ея вліяніемъ и враждовавшую въ это время съ Хератомъ. Посланецъ его Хуссеинъ-Али-ханъ добрался до Оренбурга лишь въ 1836 году. Донося въ Петербургъ о прибытіи этого посланца, военный губернаторъ Перовскій представилъ о пользѣ вступить въ сношенія съ Достъ-Мохаммедъ-ханомъ какъ для учрежденія торговли съ Авганистаномъ, такъ и для противодѣйствія Англіи: въ случаѣ утвержденія Шахъ-Шуджи въ Авганистанѣ, вся Средняя Азія „можетъ подчиниться вліянію англичанъ и они могутъ вооружить противъ насъ... азіатскіе народы, снабдить ихъ порохомъ, оружіемъ и особенно деньгами... и... ничтожныхъ противниковъ нашихъ превратить въ опасныхъ враговъ“. На этомъ основаніи Перовскій полагалъ оказать Достъ-Мохаммедъ-хану помощь

предметами обмундированія арміи и послать въ Кабулъ русскихъ офицеровъ и оружейниковъ „подъ видомъ частныхъ путешественниковъ“ („Русская Старина“, 1880 года, томъ 28, стр. 784—791). Результатомъ представленія Перовскаго было отправленіе изъ Петербурга, въ 1837 году, состоявшаго при Перовскомъ адъютантомъ поручика Витќевича въ распоряженіе русскаго посланника въ Персіи графа Симонича, съ письмомъ Достъ-Мохаммедъ-хану о желательности развитія торговыхъ сношеній. Во время прибытія Витќевича въ Персію шахъ шелъ съ своею арміею на Хератъ, вопреки протестовъ Англіи, но съ одобренія русскаго посланника, и велъ переговоры съ владѣльцами Кандахара о союзныхъ дѣйствіяхъ противъ владѣтеля Херата Камрана, съ отдачею Херата, по овладѣніи имъ, кандахарскимъ сердарямъ въ качествѣ вассальнаго персидскаго владѣнія. Въ сентябрѣ 1837 года Витќевичъ выѣхалъ изъ Нишабура, гдѣ находилось шедшее на Хератъ персидское войско, въ Кандахаръ, съ порученіемъ содѣйствовать завершенію переговоровъ между Персіею и кандахарскими сердарями, подъ гарантіею Россіи. Изъ Кандахара Витќевичъ, въ декабрѣ 1837 года, прибылъ въ Кабулъ, гдѣ уже три мѣсяца находился англійскій посланецъ Бернсъ, который сообщилъ уже своему правительству о согласіи Достъ-Мохаммедъ-хана на отказъ его кандахарскихъ братьевъ отъ союза съ Персіею, съ тѣмъ, чтобы Англія, во 1-хъ, дала имъ денежную субсидію въ случаѣ нападенія на нихъ Персіи, и, во-2-хъ, оказала содѣйствіе къ передачѣ Пишавера сейками Достъ-Мохаммеду, хотя бы въ качествѣ вассальнаго владѣнія, съ платежомъ дани. Въ виду этихъ переговоровъ, Достъ-Мохаммедъ-ханъ принялъ русскаго посланца сухо и сообщилъ привезенныя имъ бумаги Бернсу, но когда полученъ былъ отвѣтъ англо-индійскаго правительства, отказавшаго въ домогательствахъ относительно Пишавера и требовавшаго союза съ Англіею и разрыва съ Персіею безъ всякихъ условій, то обращеніе владѣтеля Кабула съ Витќевичемъ измѣнилось и Бернсъ въ апрѣлѣ 1838 года выѣхалъ изъ Кабула. По англійскимъ свѣдѣніямъ, Витќевичъ обѣщалъ Достъ-Мохаммеду субсидіи и посредничество Россіи для полученія Пишавера, по русскимъ же источникамъ извѣстно пока лишь то, что при отправленіи Витќевича, директоръ азіатскаго департамента Родофиникинъ «далъ ему понять, что наше правительство было расположено ссудить Досту-Магоммеду-хану два милліона наличными деньгами и два милліона товарами“ („Автобіографія Дюгамеля“ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1885 года, вып. 5, стр. 108). Занявшій по смерти Родофиникина его мѣсто, Сенявинъ писалъ замѣстившему въ Персіи Симонича Дюгамелю: «Витќевичъ очень хорошо исполнилъ данныя ему приказанія“ (тамъ же, стр. 112). Наше министерство иностранныхъ дѣлъ винило Симонича, но преемникъ его Дюгамель доказывалъ, что хотя Симоничъ „былъ

опрометчивъ и дѣлалъ ошибки“, „но въ сущности онъ держался того направленія, которое ему было указано императорскимъ министерствомъ... Достаточно пробѣжать инструкціи, данныя министерствомъ Витковичу, чтобы убѣдиться, что мы въ ту пору намѣревались принять дѣятельное участіе въ авганистанскихъ событіяхъ. Зачѣмъ было отправлять офицера въ Кабулъ, если эта миссія не должна была привести ни къ какимъ результатамъ? Вѣдь вы согласитесь, что наши торговые интересы только могли служить предлогомъ, въ сущности же были ничтожны и еще долго будутъ оставаться ничтожными“ (тамъ же, стр. 108). Хотя графъ Нессельроде въ депешѣ отъ 20 октября 1838 года, отвергая существованіе какихъ-либо замысловъ противъ Индіи, ничѣмъ не вызванныхъ и практически неосуществимыхъ, завѣрялъ лондонскій кабинетъ, что командировка Витковича была слѣдствіемъ прибытія агента Достъ-Мохаммедъ-хана „съ цѣлію завязать торговыя сношенія съ Россіей“, имѣла въ виду только выяснить „какія выгоды“ можетъ доставить нашимъ торговцамъ предлагаемая торговля и „не имѣла цѣлію ни заключенія торговаго трактата, ни какихъ-либо политическихъ комбинацій“. и хотя вслѣдствіе ультиматума Англіи персидскій шахъ снялъ 28 августа 1838 года осаду Херата и удалился въ свои предѣлы, тѣмъ не менѣе Англія рѣшила не оставить Достъ-Мохаммедъ-хана безъ примѣрнаго наказанія за сношенія съ Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить англійскую власть надъ Авганистаномъ на будущее время. Еще 1 октября 1838 года декларація вице-короля Индіи объявила, что такъ какъ баракзійскіе сердари „по распрамъ между собою и непопулярности не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ полезными союзниками британскаго правительства“, то оно въ союзѣ съ сейками рѣшило замѣнить ихъ Шахъ-Шуджою, „монархомъ, который, находясь во власти, дружески согласился на мѣры союзнаго противодѣйствія внѣшнему врагу, каковыя въ то время находило нужными британское правительство, и который, когда нынѣшніе правители лишили его престола, нашелъ почетное убѣжище въ британскихъ владѣніяхъ“ (History of the war in Afghanistan, by J. W. Kaye, London, 1841, vol. I, p. 358).

Выступивъ съ Инда въ декабрѣ, англійскія силы дошли до Кандахара и заняли его безъ сопротивленія 25 апрѣля 1839 года. Вышедши отсюда 27 іюня, англичане достигли Газны, защищенной 3.500 авганцевъ, 21 іюля и черезъ день взяли ее штурмомъ. 6 августа англійскія войска вступили безъ сопротивленія въ Кабулъ, Шахъ-Шуджа совершилъ торжественный въѣздъ въ столицу Авганистана, а Достъ-Мохаммедъ-ханъ, войска котораго разсѣялись, едва успѣлъ спастись на сѣверъ отъ Хиндукуша и бѣжалъ въ Бухару. Русское правительство опасалось, что эти событія поведутъ къ неминуемому упадку нашего вліянія въ Персіи и Средней Азіи, но не находило

никакой возможности „воспрепятствовать успѣхамъ англичанъ и оказать помощь сердарямъ кабульскому и кандахарскому“. „Дѣйствовать прямо на Авганистанъ и послать подкрѣпленія сердарямъ было положительно невозможно. Дѣйствовать посредствомъ персовъ? Но осада Герата ясно показала намъ, чего можно ожидать отъ такого союзника. Все, что мы могли предпринять съ этой стороны, потребовало бы отъ насъ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами, безъ всякаго удовлетворительнаго результата, и, сверхъ того, вовлекло бы насъ въ войну съ Англіею, войну, которой императоръ, конечно, не боится, но которую не желалъ бы вызывать изъ-за столь отдаленныхъ интересовъ“ (письмо Сенявина въ Автобіографіи Дюгамеля, „Р. А.“, 1885, вып. 5, стр. 112). Думали поднять нашъ престижъ въ Средней Азіи походомъ, предпринятымъ зимою 1839 — 1840 г.г. на Хиву, но послѣ безплодной борьбы съ снѣгами и морозами отрядъ Перовскаго долженъ былъ вернуться на линію, потерявъ болѣе 3 т. человѣкъ и почти весь обозъ.

Успѣхи англичанъ достигли апогея 3 ноября 1840 года, когда оставившій Бухару и появившійся въ Хулмѣ, а затѣмъ въ Кохистанѣ, гдѣ нашолъ сочувствіе населенія и не безъ успѣховъ воевалъ съ высланными противъ него войсками, Достъ-Мохаммедъ-ханъ неожиданно и добровольно отдался въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Индію. Но черезъ годъ, 2 ноября 1841 года, въ Кабулѣ и его окрестностяхъ неожиданно вспыхнуло возстаніе и добравшійся до стѣнъ Джелальабада, гдѣ находился англійскій гарнизонъ, полумертвый и израненый докторъ Брайдонъ оказался 13 января 1842 г. единственнымъ человѣкомъ, спасшимся отъ смерти или плѣна изъ занимавшаго Кабулъ англійскаго отряда, состоявшаго изъ 4.500 строевыхъ и болѣе 12.000 нестроевыхъ. Эта катастрофа внушила англичанамъ такое отвращеніе имѣть дѣло съ авганами, что посланнымъ въ 1842 году для освобожденія плѣнныхъ и отмщенія Кабулу войскамъ приказано было очистить предѣлы Авганистана немедленно, по выполненіи данныхъ имъ задачъ, и затѣмъ Англія болѣе десяти лѣтъ воздерживалась отъ всякихъ сношеній съ Авганистаномъ. Даже, когда освобожденный безъ всякихъ условій и занявшій свой престолъ въ Кабулѣ Достъ-Мохаммедъ-ханъ заключилъ въ 1849 году союзъ противъ Англіи съ сейками, получивъ за это Пишаверъ, англичане, разбивъ союзниковъ и присоединивъ къ своимъ владѣніямъ всѣ земли сейковъ, ограничились относительно Достъ-Мохаммедъ-хана тѣмъ, что выгнали его изъ Пишавера, но не коснулись авганскихъ земель, удержавъ границу, существовавшую при сейкахъ. Наконецъ восточная война и опасеніе возобновленія связей Россіи съ Авганистаномъ побудили Англію вступить въ сношенія съ присоединившимъ къ своимъ владѣніямъ Кандахаръ Достъ-Мохаммедъ-ханомъ и заключить съ нимъ 30 марта 1855 года договоръ, по которому обѣ сто-

роны обязались уважать владѣнія другъ друга, а эмиръ кабульскій сверхъ того принялъ на себя обязательство быть другомъ друзей и врагомъ враговъ остъ-индской компаніи. Вслѣдствіе возобновленія притязаній Персіи на Хератъ и объявленія ей Англіею войны, съ кабульскимъ эмиромъ заключенъ былъ 17 января 1857 года дополнительный договоръ, по которому Англія обязалась уплачивать десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячно на содержаніе войскъ, предназначенныхъ эмиромъ противъ Персіи. Англія выговорила себѣ право имѣть въ мѣстахъ нахожденія войскъ, выставленныхъ по договору, своихъ агентовъ для надзора за употребленіемъ субсидій по назначенію. Посланный съ этою цѣлію въ Кандахаръ маіоръ Лэмсденъ оставался здѣсь многіе мѣсяцы, до подавленія возстанія въ Индіи сипаевъ, и субсидія продолжала уплачиваться, хотя война съ Персіею прекратилась миромъ еще 4 марта 1857 года: опасаясь непріязненныхъ дѣйствій со стороны Авганистана, которыя затруднили бы и безъ того критическое положеніе англичанъ въ Индіи, правительство рѣшило переплатить Достъ-Мохаммедъ-хану милліона полтора рублей, чтобы удержать его отъ попытокъ овладѣть Пишаверомъ и т. д. По свѣдѣніямъ Маллесона, кандахарскій губернаторъ, сообщивъ эмиру извѣстія о возстаніи сипаевъ и о томъ, что всѣ англичане въ Индіи по слухамъ, перебиты, спрашивалъ „не свернуть ли шеи и тѣмъ тремъ, что здѣсь находятся?“—„Не годится“—отвѣтилъ эмиръ. „Я хорошо знаю англичанъ. Можетъ быть и вѣрно, что всѣ англичане въ Индіи перебиты, но новыя тысячи англичанъ прибудутъ изъ-за моря и снова завоюютъ Индію. Лучше этихъ трехъ не трогать“ (History of Afghanistan etc. by colonel G. B. Malleson, London, 1879, second edition, p. 420).

Достъ-Мохаммедъ-ханъ умеръ 9 іюня 1863 года, чрезъ нѣсколько дней послѣ овладѣнія Хератомъ, закончивъ этимъ объединеніе Авганистана. Назначенный имъ въ наслѣдники сынъ его Ширъ-Али-ханъ утвердился на престолѣ, оспариваемомъ другими братьями, лишь къ концу 1868 года. Англо-индійское правительство оказало ему нѣкоторую помощь деньгами и доставленіемъ оружія только въ самое послѣднее время, когда перевѣсъ Ширъ-Али надъ соперниками былъ несомнѣненъ. Недовольный такимъ отношеніемъ Англіи къ законному наслѣднику ея союзника и убѣжденный, что союзъ Авганистана нужнѣе Англіи, чѣмъ обратно, новый эмиръ, при свиданіи съ вице-королемъ Индіи въ Умбалла въ началѣ апрѣля 1869 года, заявилъ желаніе дополнить заключенные съ отцомъ его договоры гарантіею со стороны Англіи не только цѣлости его владѣній, но и владычества надъ страною его династіи и назначеннаго имъ наслѣдника, обязательствомъ уплачивать ежегодно опредѣленную субсидію и пр. Лордъ Майо отклонилъ эти домогательства, но обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Авгани-

стана и довольствоваться содержаніемъ въ Кабулѣ векиля (довѣреннаго) изъ мусульманъ, вообще изъ туземцевъ, а не изъ европейцевъ. Эмиръ однако не отказался отъ своихъ домогательствъ и возобновилъ ихъ въ 1873 году при переговорахъ по поводу желанія Англіи послать на сѣверную границу офицера, для ея осмотра, съ цѣлью возведенія укрѣпленій для защиты отъ внѣшнихъ нападеній. Получивъ снова отказъ, эмиръ уклонился отъ отвѣта относительно поѣздки офицера и не воспользовался предоставленною въ его распоряженіе значительною денежною субсидіею. Въ 1876 году министерство Дизраэли поручило вице-королю добиться согласія эмира на назначеніе въ Кабулъ и другіе города агентовъ изъ англичанъ, удовлетворивъ, при этомъ непремѣнномъ условіи, въ возможной степени прежнія требованія эмира. Хотя во время переговоровъ лордъ Литтонъ угрожалъ, въ случаѣ упорства эмира, прекращеніемъ существованія его государства, по соглашенію съ Россіей, будто бы дѣлавшей такое предложеніе *), однако Ширъ-Али-ханъ рѣшительно отклонялъ допущеніе резидента и агентовъ изъ европейцевъ, видя въ этомъ покушеніе на вмѣшательство Англіи во внутреннія дѣла страны и опираясь въ своемъ отказѣ на договоры съ Достъ-Мохаммедъ-ханомъ и обѣщанія прежнихъ вице-королей. 30 марта 1877 года лордъ Литтонъ прекратилъ не приводившіе къ желаннымъ результатамъ переговоры, отозвалъ изъ Кабула векиля и остановилъ такимъ образомъ сношенія съ эмиромъ, надѣясь этимъ путемъ сломить его упорство.

Въ такомъ положеніи находились отношенія между Англіею и Авганистаномъ, когда, съ цѣлью повліять на общественное мнѣніе и правительство Англіи, желавшей, не отступая предъ войною, уничтожить достигнутые санъ-стефанскимъ договоромъ съ Турціею результаты тяжкой войны, русское правительство въ началѣ лѣта 1878 года сформировало три небольшихъ отряда въ Туркестанѣ и одинъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, въ видѣ угрозы Индіи. Силы отрядовъ были слишкомъ незначительны и сверхъ того „мы не знали ни мѣстности, по которой придется идти, ни населенія, съ которымъ встрѣтимся“; туркестанскій генералъ, которому принадлежатъ эти замѣчанія и который лично имѣлъ возможность нѣсколько ознакомиться съ авганами, допускалъ, что мы могли приняты быть ими „не въ качествѣ друзей“. Во всякомъ случаѣ предпринятая демонстрація могла получить серьезное значеніе только при соглашеніи съ эмиромъ, нелады котораго съ Англіею были общеизвѣстны, а потому 2 іюня 1878 года изъ Самарканда выѣхало русское посольство къ авганскому эмиру. Большинство совѣтниковъ эмира полагало не пускать этого посольства въ предѣлы Авганистана, чтобы избѣжать столкно-

*) The Eastern Question from the Treaty of Paris 1856 etc., by the Duke of Argyll. London, 1879, vol. 2, p. 425.

венія съ Англіею, но Ширъ-Али-ханъ, принявъ мнѣніе меньшинства, разрѣшилъ русской миссіи прибыть въ Кабулъ. Хотя наканунѣ въѣзда посольства въ Кабулъ, состоявшагося 29 іюля, получены были извѣстія объ улаженіи столкновеній Россіи съ Англіею на берлинскомъ конгрессѣ, съ предложеніемъ сообразоваться при переговорахъ съ измѣнившимися обстоятельствами, однако, по свѣдѣніямъ состоявшагося при миссіи доктора И. Л. Яворскаго, „представитель Россіи обѣщалъ—на свой собственный страхъ—эмиру Ширъ-Али оказать помощь въ случаѣ столкновенія его съ Англіею". Когда, ссылаясь на пріемъ русскаго посольства, англо-индійское правительство извѣстило, что отправляетъ въ Кабулъ и свое посольство, русскій уполномоченный „посовѣтовалъ эмиру не принимать въ Кабулъ англійское посольство". Результатомъ были со стороны Англіи ультиматумъ и объявленіе войны. Обѣщанной „помощи Россія не могла оказать эмиру, и онъ былъ разбитъ англійскими войсками" („Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—79 гг. Изъ дневниковъ члена посольства д-ра И. Л. Яворскаго", Спб., 1882—83 гг., томъ I, стр. 312 и 335, т. 2, стр. 325).

Преемникъ умершаго 9/21 февраля 1879 года Ширъ-Али, старшій его сынъ Якубъ-ханъ, вмѣсто энергичнаго сопротивленія англичанамъ,—которые заняли Кандахаръ, но встрѣтили большія затрудненія въ продовольствіи и транспортныхъ средствахъ, и располагали пока нѣкоторою возможностью наступленія лишь со стороны Пишавера,—предпочелъ заключить унизительный миръ. По гандамакскому трактату 26 мая 1879 года эмиръ подчинилъ свои внѣшнія отношенія волѣ Англіи, допустилъ постоянное пребываніе въ Кабулѣ британскаго резидента, предоставилъ Хайберскій проходъ и соотвѣтствующій лѣвый берегъ Кабулъ-дарья власти Англіи и уступилъ на неопредѣленное время въ управленіе и обладаніе Англіи долину Корама, Сиби и Пишинъ съ принадлежностями и контролемъ надъ смежными племенами, т. е. обладаніе Сулеймановыми горами; за все это Англія обязалась уплачивать ежегодную субсидію въ 600 т. рупій. Но авганскій народъ не могъ признать этого мира. Народныя пѣсни, относящіяся къ этому времени, приписываютъ торжество англичанъ подкупу и измѣнѣ, и клеймятъ афридіевъ и вождя ихъ Хаваса, продавшихся невѣрнымъ, и слабость Якубъ-хана (Chants populaires des Afghans, recueillis par James Darmesteter. Paris, 1888—90, p.p. 49—59). 3 сентября 1879 года возмутившіеся полки эмира и населеніе напали на помѣщеніе англійскаго резидента въ Кабулѣ маіора Каваньяри; всѣ европейцы и значительная часть туземцевъ состава миссіи, ея конвоя и прислуги были перебиты. Быстро снаряженный и двинутый корамскимъ путемъ англійскій отрядъ уже 11 октября занялъ Кабулъ, не встрѣтивъ успѣшнаго сопротивленія, отчасти, быть можетъ, потому.

что Якубъ-ханъ явился въ англійскій лагерь и сопровождалъ англійскія войска. Несмотря на жестокую расправу генерала Робертса съ дѣйствительными или предполагаемыми виновными въ избіеніи миссіи Каваньяри, враждебность авганцевъ не уменьшалась. 28 октября Робертсъ объявилъ объ отреченіи Якубъ-хана отъ престола и 1 декабря отослалъ его подъ конвоемъ въ Индію, но собравшіяся авганскія ополченія заставили англичанъ очистить Кабулъ и запереться съ 14 декабря въ Ширпурскомъ укрѣпленномъ лагерѣ. Осада продолжалась до 24 декабря, когда ополченія разсѣялись, но страна продолжала находиться въ возстаніи. Въ Хератѣ собиралъ силы для нападенія на занимавшихъ Кандахаръ англичанъ братъ Якубъ-хана Эюбъ.

Въ январѣ 1880 года въ Авганскомъ Туркестанѣ появился проживавшій съ 1870 года въ Самаркандѣ претендентъ на авганскій престолъ, племянникъ Ширъ-Али-хана, Абдэррахманъ-ханъ. Въ мартѣ его власть была признана войсками и населеніемъ всѣхъ авганскихъ земель на сѣверѣ отъ Хиндукуша. Между тѣмъ, въ февралѣ, на выборахъ въ палату общинъ, пало министерство Биконсфильда, между прочимъ вслѣдствіе его авганистанской политики. Новое либеральное министерство, желая ликвидировать предпріятія своихъ предмѣстниковъ въ Авганистанѣ, рѣшило войти въ сношенія съ Абдэррахманъ-ханомъ, который началъ пріобрѣтать сторонниковъ и на югѣ отъ Хиндукуша. Состоявшееся соглашеніе заключалось въ томъ, что, оставляя за собою сдѣланныя по гандамакскому договору земельныя пріобрѣтенія и исключая Кандахаръ, гдѣ посаженъ былъ особый правитель, Англія признавала Абдэррахмана эмиромъ остальнаго Авганистана, въ томъ числѣ и Херата, которымъ ему предоставлялось овладѣть собственными силами; отказываясь отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла страны и отъ содержанія въ Авганистанѣ британскаго резидента, Англія находила достаточнымъ имѣть въ Кабулѣ векиля изъ мусульманъ; эмиръ устранился отъ всякихъ политическихъ сношеній съ другими государствами, предоставивъ веденіе ихъ Англіи, которая за то обязалась защищать цѣлость его владѣній отъ невызванныхъ нападеній и выдавать эмиру субсидіи. 20 іюля Абдэррахманъ-ханъ прибылъ въ Чарикаръ. 22 числа англичане объявили въ Кабулѣ о признаніи его эмиромъ. 30 іюля, въ Акъ-Сераѣ, въ 29 миляхъ на сѣверъ отъ Кабула, состоялось свиданіе эмира съ англійскимъ уполномоченнымъ Лепель Гриффиномъ, на которомъ эмиру было вручено отъ имени вице-короля Индіи письменное изложеніе состоявшагося соглашенія. 7—11 августа англійскія войска очистили Кабулъ. Часть ихъ ушла въ Пишаверъ, другая же направилась съ генераломъ Робертсомъ противъ Эюбъ-хана хератскаго, который 15/27 іюля разбилъ на голову бригаду генерала Берро (Burrows) и осадилъ Кандахаръ. 1 сентября Робертсъ поразилъ Эюбъ-хана, вынужденнаго бѣжать въ Хератъ.

Такъ какъ вали Кандахара Шеръ-Али отказался отъ своего поста, убѣдившись въ своей непопулярности (войска его перешли на сторону Эюбъ-хана предъ пораженіемъ Берро), то, послѣ долгаго колебанія, Англія передала Абдэррахманъ-хану и Кандахаръ, очищеніе котораго отъ англійскихъ войскъ произведено въ апрѣлѣ 1881 года. Въ іюлѣ того же года Эюбъ-ханъ завладѣлъ Кандахаромъ, но 22 сентября Абдэррахманъ-ханъ, на сторону котораго перешла вслѣдствіе подкупа часть войскъ Эюбъ-хана, разбилъ его подъ Кандахаромъ и вынудилъ бѣжать въ Персію, такъ какъ Хератъ въ это время оказался уже занятымъ войсками эмира изъ Авганскаго Туркестана. Такимъ образомъ въ сентябрѣ 1881 года Абдэррахманъ-ханъ завершилъ объединеніе Авганистана подъ своею властью въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣлъ онъ при Достъ-Мохаммедѣ и Ширъ-Али, за исключеніемъ земель, уступленныхъ по гандамакскому трактату.

Возлагавшіяся Англіею на Абдэррахманъ-хана надежды,—основанныя на томъ правильномъ положеніи, что послѣ недавнихъ и дорого стоившихъ опытовъ ни одинъ разумный человѣкъ на престолѣ Авганистана, какъ въ собственныхъ интересахъ, такъ и для блага своего народа, не уклонится отъ политическаго руководства и подчиненія Англіи въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, при условіи невмѣшательства ея во внутреннее управленіе,—вполнѣ оправдались. Черезъ 18 лѣтъ послѣ признанія Абдэррахманъ-хана эмиромъ, сэръ Лепель Гриффинъ могъ утверждать, не встрѣчая опроверженія: „Его высочество эмиръ кабульскій есть надежнѣйшій изъ союзниковъ Англіи въ Европѣ и Азіи" (см. статью его въ Nineteeth Century, 1897, october, p. 507). Дѣйствительно, Абдэррахманъ-ханъ строго воздерживается отъ всякихъ сношеній съ сѣверными сосѣдями и конечно справедливо утверждаетъ, что у русскихъ не найдется отъ него ни одной строки. На дурбарахъ онъ неоднократно высказывался о необходимости покровительства и дружбы Англіи и о гибельности для Авганистана сближенія съ Россіей. Но удовлетворяя такимъ образомъ главному требованію Англіи, эмиръ съ своей стороны еще болѣе энергично устраняетъ всякое англійское вмѣшательство во внутреннія дѣла Авганистана и доступъ европейцевъ, не исключая англичанъ, въ его предѣлы. Первымъ его дѣломъ, по вступленіи въ Кабулъ въ 1880 году, было жесточайшее преслѣдованіе всѣхъ его противниковъ, не исключая людей, оказывавшихъ услуги англичанамъ и пользовавшихся ихъ расположеніемъ. Многіе почему-либо подозрительные люди были казнены, отравлены или иначе лишены жизни, заточены или изгнаны изъ Авганистана. Въ 1882 году, на дружественныя представленія англо-индійскаго правительства, просившаго разрѣшенія нѣкоторымъ изъ изгнанныхъ возвратиться въ отечество, эмиръ отвѣтилъ, что люди эти никогда не будутъ его друзьями, а потому, если они будутъ

присланы въ предѣлы его владѣній, они будутъ убиты. Усмиренія возстаній эмиръ производилъ съ необыкновенной жестокостью. На совѣты англо-индійскаго правительства относительно большей гуманности, по поводу свирѣпыхъ казней, произведенныхъ эмиромъ въ Авганскомъ Туркестанѣ послѣ возмущенія Исхакъ-хана въ 1888 году, Абдэррахманъ-ханъ отозвался, что онъ лучше знаетъ своихъ подданныхъ и принимаемыя имъ мѣры необходимы. Гораздо болѣе, чѣмъ жестокія казни, укрѣплявшія власть вѣрнаго вассала, возбуждали неудовольствіе и опасенія Англо-Индіи стремленія эмира распространить свою власть на пограничныя племена и независимыя земли на восточныхъ предѣлахъ его владѣній. Такъ онъ пытался подчинить авганскія племена, обитающія въ горахъ и долинахъ между уступленными по гандамакскому договору округами, и имѣлъ притязанія на овладѣніе Читраломъ. Довольно обострившіяся недоразумѣнія по этому поводу были устранены состоявшимся въ 1893 году соглашеніемъ эмира съ англійскимъ уполномоченнымъ сэромъ Мортимеромъ Дьюрандомъ, по которому Абдэррахманъ-ханъ окончательно отказался отъ всякихъ притязаній на пограничныя племена и земли въ Сулеймановыхъ горахъ, призналъ надъ ними власть Англіи и согласился на проведеніе точной границы своихъ владѣній на востокѣ; за это Англія допустила включеніе во владѣнія эмира ханства Асмаръ и Кафиристана, и увеличила до 1.800.000 рупій ежегодную субсидію, производившуюся съ 1883 года въ размѣрѣ 1.200.000 рупій. Съ іюня 1880 года до іюля 1881 года эмиру было выдано въ субсидіи 3.615.000 рупій (The Ameer Abdur-Rahman, by Stephen Wheeler, London, 1895, гдѣ можно найти и большую часть помѣщенныхъ выше свѣдѣній за время эмира Абдэррахманъ-хана). Поведеніе эмира во время позднѣйшихъ столкновеній Англіи съ пограничными племенами вполнѣ соотвѣтствовало, какъ увидимъ, принятымъ имъ обязательствамъ.

II. Авганскія племена, ихъ происхожденіе и краткія историческія о нихъ свѣдѣнія, важнѣйшія особенности народнаго характера и быта и данныя о численности авганъ и народностей, имъ подвластныхъ.

Простираясь отъ долины Инда до границъ Персіи, страна, занимаемая нынѣ авганами, составляетъ юго-восточную часть древняго Ирана. Уже это географическое положеніе авганскихъ племенъ указываетъ на вѣроятную принадлежность ихъ къ семьѣ иранскихъ народовъ, но окончательно эта принадлежность, не встрѣчающая опроверженій ни въ историческихъ, ни въ иныхъ данныхъ, доказывается ихъ языкомъ. Непосредственное сосѣдство съ Индіею

и культурно-политическія связи съ нею avгановъ имѣли естественнымъ послѣдствіемъ столь сильное вліяніе языка Индіи на авганскій, что при первоначальномъ изученіи послѣдняго многіе ученые относили авганскій языкъ къ индійскимъ. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ, повидимому окончательно, авганскій языкъ принадлежащимъ къ группѣ языковъ иранскихъ. а не индійскихъ. Доказывается это, какъ показалъ Дарместетеръ, отсутствіемъ въ авганскомъ языкѣ нѣкоторыхъ весьма характерныхъ особенностей индійскихъ діалектовъ. Авганскій языкъ „не есть, однако, діалектъ персидскаго или пехлевійскаго языковъ, ибо онъ переработалъ значительное число первоначальныхъ звуковъ способами, исключающими всякую возможность происхожденія его, въ какую бы то ни было эпоху, отъ настоящихъ формъ персидскаго или (предка его) пехлевійскаго“. Фонетика и лексика авганскаго языка показываютъ, что онъ „происходитъ отъ зендскаго или отъ діалекта, очень похожаго на зендскій“ (Chants populaires des Afghans, recueillis par James Darmesteter, Paris, 1888—1890, Introduction, p.p. LIX—CLII). Зендскимъ же языкомъ, на которомъ написаны древнѣйшія части Авесты, по мнѣнію того же ученаго, говорило населеніе юго-восточнаго Ирана, сосѣдившаго съ Индіей и заключавшаго въ себѣ, между прочимъ, область рѣки Хильменда, которая дала Ирану древнѣйшую династію кеянидовъ и въ которой, по Авестѣ, явятся послѣдовательно три мессіи, имѣющіе возстановить религію Зороастра (Le Zend-Avesta, vol. III, Paris, 1893, p. XC). Съ другой стороны, начинающіяся изслѣдованія нарѣчій горныхъ таджиковъ или галча при-памирскихъ странъ Шигнана, Сарыкола, Вахана и пр. выяснили въ этихъ остаткахъ языка древнихъ восточныхъ иранцевъ на сѣверѣ Хиндукуша нѣкоторыя характерныя грамматическія и фонетическія особенности, общія имъ съ афганскимъ языкомъ (W. Tomaschek, Central-asiatische Studien, II Die Pamir-Dialecte, Wien, 1880, s.s. 10—14, и академикъ К. Г. Залеманъ въ сдѣланномъ въ собраніи русскаго географическаго общества 11 февраля 1898 года сообщеніи объ особенностяхъ говора памирскихъ горцевъ). Слѣдовательно, лингвистическія данныя указываютъ въ авганахъ вѣтвь восточныхъ иранцевъ, обитающую на югѣ отъ Хиндукуша.

Слово авганъ (такъ, а не афганъ, произносятъ сами авганы, въ языкѣ которыхъ звука *ф* нѣтъ)—неизвѣстнаго происхожденія *). Восточныя

*) «Слово афганецъ значитъ разбойникъ»—утверждаетъ К. А. Скальковскій въ книгѣ своей «Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ» (Спб., 1897, стр. 398), но это столь же достовѣрно, какъ свѣдѣнія его о томъ, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ «бѣжалъ въ Россію, гдѣ умеръ» (стр. 401), или о томъ, что «Англія была обязана своими успѣхами въ Средней Азіи», неизвѣстно какими, «дипломатическимъ талантамъ», «знаменитаго Бернса» (стр. 400) и т. д. Подобнымъ образомъ, доказывая важность обладанія Авганистаномъ для обороны Индіи, одинъ изъ британскихъ стратеговъ полковникъ М. С.

авганскія племена отвергаютъ для себя названіе авгановъ и именуются пуштунъ или пухтунъ *), во множественномъ числѣ пуштана или пухтана, откуда вѣроятно получилось у индійцевъ для авгановъ имя патан'овъ. Авганскій языкъ носитъ у всѣхъ авгановъ названіе пушту или пухту (послѣднее произношеніе, т. е. пухту вмѣсто пушту, принадлежитъ племенамъ на сѣверѣ отъ Кабулъ-дарьи). Первыя безспорныя историческія упоминанія объ авганахъ относятся къ послѣдней четверти X вѣка. Именно, историкъ первыхъ газневидовъ, писавшій въ первой четверти XI столѣтія, Отби говоритъ, что при вторженіи Себукъ-Тегина въ предѣлы принадлежавшаго индійскому государю Кабула округа Лемгана „большое число авгановъ и халаджей, тамъ обитавшихъ, поступило къ нему на службу, онъ же оставилъ въ ихъ обладаніи все, чѣмъ они пользовались, съ обязательствомъ выставлять 100 т. всадниковъ каждый разъ, какъ онъ будетъ имѣть надобность для какого-нибудь похода“ (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale, t. IV, Paris, An 7, p. 335) **). Въ особой своей, къ сожалѣнію слишкомъ краткой, „Замѣткѣ объ авганахъ“ Отби говоритъ только то, что племя это живетъ на вершинахъ возвышенныхъ горъ и на высочайшихъ скалахъ и занимается грабежомъ въ окрестныхъ ущельяхъ („Иранъ К. Риттера. Перевелъ и дополнилъ Н. В. Ханыковъ“, Спб., 1874 года, стр. 555). Около того же времени, Аль-Бируни (1030 г.) писалъ, что „въ горахъ, образующихъ границу Индіи, обитаютъ разныя племена авганскія, простираясь до долины Синда“ (India, transl. by Ed. Sachau, I, p. 208, по цитатѣ Дарместетера). Слѣдовавшій въ 1333 г. въ Индію чрезъ Кабулъ арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, говоритъ слѣдующее: „Это (т. е. Кабулъ) былъ нѣкогда значительный городъ, теперь же это деревня, населенная персидскимъ племенемъ, именуемымъ авганъ. Авганы занимаютъ горныя ущелья и довольно сильны, но большинство изъ

Белль (The Defence of India въ Journal of the R. U. S. Institution, № 154, 1890) привелъ такой аргументъ: «Естественной оборонительной линіей Индіи является хребетъ Хинду кушъ. Древніе, кажется, понимали это отлично, потому что въ мудрости своей наименовали этотъ хребетъ Хинду-кушъ т. е. Защита Индіи». На самомъ дѣлѣ Хинду-кушъ значитъ Индо-убійца (см. «Кабулистанъ и Кафиристанъ» Риттера въ переводѣ съ дополненіями В. В. Григорьева, Спб., 1867, стр. 7 и 192).

*) Слово пушта или пухта означаетъ «гора», такъ что пуштунъ или пухтунъ выходитъ «горецъ» (Afghanistan and the Afghans etc., by H. W. Bellew, London 1879, p. 216).

**) Переводъ того же мѣста въ The History of India etc., edited from the posthumous papers of sir H. Elliot by prof. Dowson, vol. II, London, 1869, p. 24, нѣсколько отличается отъ передачи С. де-Саси, именно: по вступленіи въ Лемганъ и по разбитіи Джейпала съ полученіемъ огромной добычи, Себекъ-тегинъ «увеличилъ свою армію, и такъ какъ авганы и хильджіи подчинились ему, то онъ принималъ тысячи ихъ, когда хотѣлъ, въ ряды своихъ войскъ и располагалъ ихъ жизнями для своей службы».

нихъ грабители. Главная гора ихъ называется Кухъ-Солейманъ... На ней-то и обитаетъ государь авганскій" (Voyages d'Ibn-Batoutah, trad. par Defrémery et Sanguinetti, Paris, 1855, t. III, p. 89). По Шерефъ-эддину, Тимуръ около 1397 г. повелѣлъ внуку своему Пиръ-Мохамеду, правителю Кундуза, Кабула, Газны и пр., собрать войска этихъ провинцій и овладѣть сосѣдними областями Индіи. Пиръ-Мохаммедъ и эмиры его „начали съ того, что ограбили авгановъ (Ouganis), жителей горы Солиманъ-кухъ, и опустошили всю ихъ страну". Затѣмъ перешли Индъ, взяли приступомъ Уча, осаждали Мультанъ. На обратномъ пути авганскій родъ парни (у Pètis de la Croix-Pervians; но въ рукописяхъ, служившихъ для печатнаго изданія Зоферъ-намэ, стоитъ, по Дарместетеру, парни, существующій и нынѣ авганскій родъ) преградилъ дорогу, отнялъ часть добычи и безнаказанно удалился въ горы. Въ сентябрѣ 1398 года, на походѣ для завоеванія Индіи, Тимуръ отправился изъ крѣпости Нагаръ въ горныя убѣжища парніевъ, дошелъ въ три дня, употребилъ нѣсколько дней для ихъ истребленія и 30 сентября пошелъ обратно въ Нагаръ, откуда чрезъ Бану достигъ 7 октября берега Инда (Histoire de Timur-bec par Cherefeddin..., Paris, 1722, t. III, p.p. 6, 7, 42—45).

Описывая въ своихъ запискахъ кабульское свое царство, Баберъ показываетъ на юго-востокѣ отъ него Авганистанъ *) (Mémoires de Baber, trad. par A. Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 287), разумѣя подъ этимъ названіемъ всю Сулеймановскую горную систему отъ бассейна Хильменда до Инда и отъ Сефидъ-куха и Пишавера до Белучжистана. Въ 1505 г. Баберъ, прибывъ изъ Кабула въ Пишаверъ, совершилъ отсюда походъ на Кохатъ, Тиль (Таль), Бану, спустился по берегу Инда, по крайней мѣрѣ, до нынѣшняго Дере-гази-хана и отсюда чрезъ Чотіали вышелъ къ озеру Абъ-истадэ и далѣе въ Газну (id., p.p. 320 — 341). Упоминая потомъ объ этомъ походѣ, Баберъ замѣчалъ, что обошелъ тогда „добрую часть Авганистана и подвергнулъ ограбленію всю его низменную часть" между горами и Индомъ (t. II, p. 59). Внѣ Авганистана, въ означенныхъ предѣлахъ Баберъ указываетъ авгановъ только въ вилайетѣ Газны (t. I, p. 302), между Кабуломъ и нынѣшнимъ Джелальабадомъ (t. II, p. 28 и слѣд.) и въ Баджаурѣ, Сватѣ и долинѣ Пишавера, замѣчая, что послѣднія три обла-

*) Названіе Авганистанъ встрѣчается впервые, сколько мнѣ извѣстно, у Зіяэддина Берни, автора Тарихи-Фирузъ-шахи, писавшаго во второй половинѣ XIV вѣка, который упоминаетъ во второй четверти того же вѣка о возмущеніи въ Мультанѣ нѣкоего Шаху-Авгана и о бѣгствѣ его «съ его авганами въ Авганистанъ» (см. переводъ извлеченій изъ указаннаго сочиненія въ The History of India etc., edited from the postumous papers of sir H. Elliot by prof. Dowson, vol. III, London, 1871, p. 245).

сти „зависѣли нѣкогда отъ Кабула, но теперь эти страны опустошены насиліями авгановъ или находятся подъ ихъ владычествомъ“ (t. I, 287).

Рядъ приведенныхъ историческихъ извѣстій показываетъ, что въ X вѣкѣ мѣстомъ обитанія авганскаго народа служили Сулеймановы горы, но уже къ XI столѣтію часть авганскихъ племенъ подалась за ихъ предѣлы въ Лемганъ; позже авганы распространяются въ бассейнъ Хильменда и на сѣверозападъ къ Кабулу, и еще позже, незадолго до временъ султана Бабера, на сѣверъ отъ низовьевъ Кабулъ-дарьи въ бассейны Свата и Пенджкоры. Замѣчаемый рядъ выселеній, продолжавшихся, какъ увидимъ, и позднѣе, даетъ основаніе полагать, что Сулеймановы горы и ранѣе X столѣтія были главнымъ мѣстомъ жительства авганскаго народа и первоначальнымъ его гнѣздомъ, какъ на это указываютъ и лингвистическія данныя, дѣлающія авганъ крайней юго-восточной отраслью иранскаго семейства, намѣчая этимъ для его обитанія Сулеймановы горы. Въ такомъ случаѣ, именно къ авганамъ, подъ ихъ кореннымъ именемъ пуштуновъ, должны относиться извѣстія Геродота V вѣка до Р. Х. о пактіяхъ и китайскихъ историковъ о владѣніи или народѣ пу-ту. Геродотъ упоминаетъ о пактіяхъ четыре раза, но представляютъ интересъ только два мѣста. Въ одномъ (кн. III, 102) страна пактіевъ означена, какъ находящаяся на границѣ земель нѣкоторыхъ сѣверныхъ индійскихъ племенъ, во второмъ же, въ росписи войскъ Ксеркса, пактіи названы послѣ заренговъ (кн. VII, 67), т. е. сеистанцевъ. Изъ этихъ упоминаній слѣдуетъ заключить, что пактіи, т. е. пухтуны, обитали и въ V вѣкѣ до Р. Х. въ Сулеймановыхъ горахъ. Китайская исторія династіи Младшихъ Ханей (25 — 221 г.г. послѣ Р. Х.) повѣствуетъ, что владѣвшій Бактріаною кушанскій государь Кіоцзюкю, около Р. Х., началъ воевать съ парфянами, „покорилъ Гаофу, уничтожилъ Пуду и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ“ (Іакинфъ Бичуринъ „Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, Спб., 1851 г., ч. III, стр. 119). Гаофу обыкновенно признаютъ за Кабулъ, а Гибинью именовалось у китайцевъ владѣніе въ низовьяхъ Кабулъ-дарьи. Пуду, въ транскрипціи западноевропейскихъ синологовъ Pou-tou или Po-ta, должно было находиться между верховьями бассейна Кабулъ-дарьи и его низовьями, т. е. занимать среднее теченіе Кабулъ-дарьи, именно нынѣшній округъ Джелальабада и Лемганъ. Возможно, что Пу-ту было китайскою транскрипціею пуштунъ, и что этимъ именемъ названо было владѣніе, основанное авганами, вторгшимися въ область средняго теченія Кабулъ-дарьи изъ Сулеймановыхъ горъ.

Такъ какъ вообще историческія свѣдѣнія о странахъ въ долинѣ Инда и въ бассейнахъ Кабулъ-дарьи и Хильменда крайне отрывочны и скудны, имѣя пробѣлы въ нѣсколько вѣковъ, и о существованіи въ нихъ многихъ

обширныхъ и могущественныхъ государствъ мы знаемъ лишь по монетамъ и надписямъ, то нисколько не удивительно, что о малочисленномъ пуштунскомъ народѣ, обитавшемъ въ бѣдной и труднодоступной горной странѣ и находящемся и понынѣ на одной изъ начальныхъ ступеней развитія человѣческихъ обществъ, историческія упоминанія до X вѣка, когда онъ сталъ сосѣдить съ мусульманскими государствами, обладавшими письменностью и исторіею, очень смутны или отсутствуютъ. Однако родовой бытъ, въ которомъ авганскій народъ пребываетъ съ глубочайшей древности, имѣетъ нѣкоторыя принадлежности, могущія въ извѣстной степени восполнить отсутствіе историческихъ данныхъ относительно этническаго состава этого народа и его племенъ. Я разумѣю генеалогическія сказанія, въ которыя у живущихъ въ родовомъ бытѣ народовъ отливаются ихъ свѣдѣнія и представленія о происхожденіи племенъ и ихъ дѣленій или вѣтвей. По причинѣ важнаго значенія родства въ родовомъ бытѣ каждый авганъ знаетъ не только имена 6—7 своихъ предковъ въ восходящей линіи, но иногда можетъ назвать предковъ до 7 колѣна и у постороннихъ людей (Elphinstone — An Account of the Kingdom of Caubul, London, 1842, T. I, p. 328). Въ отношеніяхъ между племенами и ихъ вѣтвями близость родства и происхожденія также имѣетъ большое значеніе, а потому генеалогическія сказанія о происхожденіи племенъ и ихъ вѣтвей прочно хранятся въ народной памяти и должны отличаться значительнымъ согласіемъ съ дѣйствительными фактами. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, авганскія генеалогическія народныя преданія могутъ быть цѣннымъ источникомъ для выясненія происхожденія племенъ и ихъ вѣтвей, если относиться къ нимъ съ надлежащею критикою и пользоваться извѣстными ихъ особенностями. Изъ послѣднихъ для насъ особенно важно то, что иноплеменныя примѣси, вошедшія въ составъ народа, по принятіи его языка и обычаевъ, хотя и включаются въ генеалогіи, на подобіе кровныхъ потомковъ старшихъ предковъ, но съ поясненіемъ ихъ въ дѣйствительности чуждаго происхожденія при помощи именованія пріемными сыновьями, рожденія отъ связи или брака женщинъ съ инородцами и т. под.

Почти по всѣмъ облеченнымъ въ письменныя формы мусульманскими писателями XVI—XVIII вѣковъ авганскимъ генеалогическимъ обобщеніямъ (History of the Afghans, translated from the Persian of Neamet Ullah, by Bernhard Dorn, London, 1836, Part II, p. 40 и слѣд. Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857, etc., by H. W. Bellew, London, 1862, p. p. 50—65), авганскія племена дѣлятся на четыре группы, происходящія отъ трехъ сыновей мифическаго Авгана или столь же фантастическаго Каиса, будто бы прозваннаго Патаномъ, и отъ нѣкоего Керларни. Этого послѣдняго составители генеалогій считаютъ не кровнымъ потомкомъ

Авгана или Каиса, а пріемышемъ одного изъ потомковъ, неизвѣстнаго происхожденія. Съ своей стороны, племена керларнійской группы отвергають имя авгановъ и зовутъ себя пуштунами. Изъ общаго числа 395—405 всѣхъ хейлей, т. е. родовъ, въ смыслѣ конечныхъ племенныхъ дѣленій, керларнійской группѣ принадлежитъ 105—128 хейлей. Керларнійскую группу составляютъ племена африди (произносится априди, за отсутствіемъ въ пушту звука ф), оракзи, отманзи, хаттакъ, везири и др., которыя занимаютъ всю сѣверную половину Сулеймановской горной системы отъ рѣки Гомула до долины Пишавера и Кабулъ-дарьи. Именованіе себя керларнійцами именемъ пуштунъ, отрицаніе ими названія авганъ, несомнѣнно поздняго и присвоеннаго лишь западными племенами, а также обитаніе ихъ въ наиболѣе труднодоступной части Сулеймановыхъ горъ, которыя по всѣмъ вѣроятіямъ были отечествомъ пуштуно-авганской народности, все это заставляетъ видѣть въ керларнійскихъ племенахъ потомство первобытныхъ пуштуновъ-авгановъ, сохранившееся наиболѣе свободнымъ отъ постороннихъ этническихъ примѣсей и долженствующее наиболѣе ярко обладать коренными особенностями авганской расы. Главныя занятія керларнійцевъ—скотоводство и земледѣліе. Разводятъ козъ, овецъ, немного рогатаго скота, еще меньше и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ—лошадей. Пахотныхъ земель мало, а потому хлѣба производится недостаточное количество. Живутъ небольшими деревнями, иногда въ пещерахъ; значительная часть горцевъ обитаетъ въ палаткахъ и ведетъ кочевой образъ жизни. Керларнійцы распадаются на небольшія родовыя общины, другъ отъ друга независимыя и управляемыя собраніемъ главъ семей (джирга); старшины общинъ, выбираемые и смѣняемые джиргами, являются простыми исполнителями рѣшеній джирги и не пользуются никакой самостоятельной властью. Въ случаѣ войны, общины и союзы ихъ иногда избираютъ предводителя, пользующагося по военнымъ дѣламъ диктаторской властью.

Если считать керларнійцевъ за первоначальный корень авганской народности, то остальныя авганскія племена и ихъ группы могутъ быть разсматриваемы какъ выселившіяся изъ керларнійскаго гнѣзда части его племенъ, образовавшія на новыхъ мѣстахъ,—принявъ большія или меньшія постороннія примѣси,—самостоятельныя племена и группы. Это тѣмъ болѣе вѣроятно что мы знаемъ нѣкоторыя керларнійскія племена внѣ Сулеймановыхъ горъ. выселившіяся на памяти исторіи, нѣсколько вѣковъ однако назадъ. Такъ, пришедшіе предъ временемъ султана Бабера юсуфзіи выгнали изъ низовьевъ Кабулъ-дарьи за Индъ керларнійское племя дилазакъ, которое само заняло эти земли вѣроятно послѣ нашествія Чингизъ-хана. Такъ, присоединившаяся къ юсуфзіямъ часть керларнійскаго племени отманзи получила въ XV вѣкѣ часть дилазакскихъ земель на сѣверѣ отъ Кабулъ-Дарьи. Такъ, керларній-

ское племя вардакъ оказывается занимающимъ часть земель между Кабуломъ и Газною, попавъ сюда въ неизвѣстное давнее время. Выселявшіяся отъ керларнійцевъ въ отдаленныя времена части легко могли терять память о своемъ происхожденіи. Къ такимъ древнѣйшимъ выселенцамъ принадлежатъ племена, составляющія группу гургуштъ (Ghurghusht), во главѣ которой стоитъ племя какоръ, численностью болѣе 200 т. д., и которая занимаетъ юго-западную часть Сулеймановыхъ горъ до границъ Белучжистана. Одно изъ главныхъ отличій племенъ группы гургуштъ отъ керларнійцевъ заключается въ томъ, что ихъ вѣтви большею частью управляются наслѣдственными старшинами, меликами или ханами, пользующимися болѣе или менѣе деспотической властью. Сосѣдство съ Белучжистаномъ и населяющими страну эту племенами брахуи и белучжей, изъ которыхъ послѣдніе распространены и въ долинѣ Инда, даютъ основаніе предполагать, что гургуштскія племена представляютъ собою густую помѣсь керларнійцевъ съ брахуи и белучжами, заимствовавшую у этихъ племенъ управленіе чрезъ наслѣдственныхъ хановъ съ деспотической властью. Хотя и белучжи,—являющіеся персидскимъ племенемъ съ сильною примѣсью семитовъ, проникшихъ по берегамъ Персидскаго залива,—суть древніе обитатели страны, но истинными аборигенами Белучжистана, сохраняющими въ немъ и по нынѣ политическое господство, должны быть почитаемы брахуи, языкъ и раса которыхъ отличны отъ арійскихъ. Подобно дравидскимъ племенамъ Индіи, найденнымъ въ ней индійской вѣтвью арійцевъ, брахуи должны были занимать болѣе или менѣе значительную часть странъ, которыми послѣ нихъ завладѣли иранцы. Поэтому и въ самыхъ керларнійцахъ слѣдуетъ допустить послѣдовавшую при первоначальномъ занятіи ихъ иранскими предками Сулеймановыхъ горъ помѣсь съ брахуи, а затѣмъ и помѣсь съ белучжами: первая можетъ объяснять горячность, неукротимость и отважность авганскаго народнаго характера, отличающія авганъ отъ многихъ другихъ иранскихъ народовъ, примѣсь же белучжей, походящихъ, по свидѣтельству сэра Генри Роулинсона (The Journal of the Royal Geographical Society, vol. 43, 1873, p. 289 и слѣд.), болѣе на арабовъ, чѣмъ на персовъ, тюрковъ или индусовъ, можетъ служить объясненіемъ нѣкоторыхъ семитскихъ чертъ авганскихъ физіономій, давшихъ опору вымысламъ о происхожденіи авгановъ отъ евреевъ.

Къ третьей группѣ авганскихъ племенъ, родоначальнику которой даютъ имя Сарбани, принадлежатъ дурани и нѣкоторыя мелкія племена; къ ней же нѣкоторые причисляютъ вѣтвь хаши или хахи, состоящую изъ племенъ юсуфзи, мандаръ, теркаларни и гаджіани. По авганскимъ исторіямъ, юсуфзіи первоначально обитали на югѣ отъ Кандахара, на границахъ Белучжистана, и перешли отсюда въ окрестности Кабула около начала XIV столѣтія. Въ

первой четверти XV вѣка, тѣснимая владѣльцемъ Кабула тимуридомъ Мирза-Улугъ-бекомъ, избившимъ ея старѣйшинъ, вѣтвь или союзъ хаши переселилась въ низовья Кабулъ-дарьи и, на сѣверъ отъ нихъ, въ бассейнъ Свата и Пенджкоры, отнявъ сѣверное прибрежье у дилазаковъ, у которыхъ послѣдовавшая за хаши вѣтвь гари или гвари,—къ которой принадлежатъ между прочимъ племена момендъ, халиль и даудзи,—завладѣла, уже въ XVI вѣкѣ. остальными землями, вытѣснивъ ихъ за Индъ. Въ настоящее время юсуфзи съ мандарами занимаютъ сѣверную часть пишаверской долины, область Буниръ и бассейны Свата и Пенджкоры; изъ постороннихъ племенъ между ними (на востокѣ. у Инда) живетъ лишь племя джзадунъ или гадунъ, принадлежащее къ гургуштской вѣтви парни, но присоединившееся къ юсуфзіямъ съ начала ихъ переселеній, за что имъ и даны земли на склонахъ хребта Махабанъ. Въ долинѣ же Кабулъ-дарьи и прилегающихъ горахъ, съ ея сѣверной стороны, обитаютъ участвовавшіе въ переселеніяхъ юсуфзіевъ племена: непосредственно съ запада отъ юсуфзіевъ—мухамедзи, родственной съ хаши, но особой вѣтви; далѣе на западъ гаджіани, изъ вѣтви хаши; къ этимъ двумъ племенамъ прилегаютъ съ запада и сѣвера земли керларнійскаго племени отманзи или отманхель; западнѣе ихъ, частію переходя во владѣнія авганскаго эмира, находятся земли момендовъ, вѣтви гари, называемыхъ верхними для отличія отъ части ихъ племени, нижнихъ момендовъ, обитающихъ въ южной части пишаверской долины смежно съ остальными племенами вѣтви гари халиль и даудзи; наконецъ на западѣ отъ Пенджкоры, въ области Баджауръ, обитаетъ послѣднее племя вѣтви хаши теркаларни. Изъ перечисленныхъ племенъ только часть юсуфзіевъ (главнымъ образомъ на Пенджкорѣ, въ верховьяхъ которой находится ханство Диръ, глава котораго получаетъ субсидіи и считается надежнымъ слугою Англіи), моменды и теркаларни управляются наслѣдственными ханами съ деспотическою властью, остальныя же имѣютъ демократическо-общинное управленіе, сходное съ керларнійскимъ. съ добавленіемъ ежегоднаго или періодическаго передѣла земель, вслѣдствіе чего къ обыкновеннымъ между авганскими родами поводамъ для раздоровъ и вооруженныхъ столкновеній присоединяются у нихъ ссоры изъ-за передѣла земель: „земля въ Сватѣ золотая,—поется въ одной описывающей Сватъ пѣснѣ,—но жители—нищіе. Они все дѣлятъ земли и вѣчно воюютъ между собою. Оттого земля дурно обработывается, ибо постоянно мѣняетъ хозяевъ“ (Chants populaires des Afghans par Darmesteter, p. 44).

Приведенныя свѣдѣнія, хотя частію, быть можетъ, заимствованныя изъ преданій, но во многомъ подтверждаемыя султаномъ Баберомъ и другими достовѣрными мусульманскими историками, выясняютъ, что составляющее нынѣ около милліона душъ авганское населеніе долины Пишавера и земель

независимыхъ племенъ на сѣверѣ отъ нея образовалось изъ племенъ сарбанійской, гургуштской и керларнійской группъ, появлявшихся на юго-западѣ и западѣ отъ Сулеймановыхъ горъ и затѣмъ направлявшихся къ Кабулъ-дарьѣ и внизъ по ея теченію къ Пишаверской долинѣ и на сѣверъ отъ нея Источники наши молчатъ—отвуда являлись эти племена на юго-западѣ и западѣ отъ Сулеймановыхъ горъ; но нахожденіе въ Сулеймановыхъ горахъ и въ настоящее время большинства племенъ керларнійской и гургуштской группъ, равно и части сарбанійскихъ, указываетъ, что выходили эти племена именно изъ Сулеймановыхъ горъ, чѣмъ подтверждается, что эти послѣднія были первоначальнымъ гнѣздомъ авганской народности. Несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ, что по выходѣ изъ Сулеймановыхъ горъ, какъ въ бассейнѣ Хильменда, такъ и въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, переселявшіяся авганскія племена находили иноплеменниковъ и должны были получать въ свой составъ различныя постороннія примѣси. Бросающимся въ глаза примѣромъ чуждыхъ примѣсей можетъ служить въ вѣтви хаши племя терваларни: и имя его употребляемое и въ формѣ торкани, и слово базъ, служащее для означенія главы племени, видимо тюркское бас, баш, глава, старшина, показываютъ, что это племя тюркское.

Что племена сарбанійской группы, главнымъ изъ которыхъ является абдалли-дурани, занимающее нынѣ южную и юго-западную окраины бассейна Хильменда, отъ Кандахара къ Херату, вышли изъ Сулеймановыхъ горъ, на это указываетъ нахожденіе нѣкоторыхъ сарбанійскихъ племенъ на южной окраинѣ названныхъ горъ и въ настоящее время; такъ племя этой группы кихтранъ есть самое южное изъ юго-восточныхъ авганскихъ племенъ; за нимъ на западъ встрѣчаются другія сарбанійскія племена, которыя за Пишиномъ примыкаютъ наконецъ къ дураніямъ. О близкой кровной связи по происхожденію абдалліевъ съ гургуштской группой можно заключить изъ генеалогическихъ сказаній, по одному изъ которыхъ, напр., Ширани, старшій братъ Терина, отца Абдала, присоединился къ гургуштской группѣ, которой принадлежала его мать, дочь Какера, вслѣдствіе того, что его отецъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ въ качествѣ главы племени младшаго своего сына Терина вмѣсто старшаго Ширани. Племя ширани, обитающее нынѣ въ окрестностяхъ высочайшей въ Сулеймановыхъ горахъ вершины Тахти-Сулейманъ, считается поэтому гургуштскимъ. Перейдя изъ Сулеймановыхъ горъ въ долину Хильменда, племя абдалли должно было принять здѣсь многія иноплеменныя примѣси. Кажущееся сходство имени Абдалъ съ Ефталъ, именемъ, принятымъ кушанами, владѣвшими послѣ Р. Х. землями на сѣверѣ и югѣ Хиндукуша, побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать въ абдалліяхъ объавганенное потомство ефталовъ. Какъ бы то ни было, конечно

не авганской крови и не однимъ благопріятнымъ случайностямъ абдаліи одолжены тѣми политическими качествами, которыя поставили ихъ во главѣ западныхъ авганскихъ племенъ и, главное, сдѣлали ихъ способными сохранить свое господство въ Авганистанѣ до настоящаго времени. Возвышеніе абдалліевъ, о которыхъ ранѣе не имѣется историческихъ извѣстій, началось при Надиръ-шахѣ, старавшемся этимъ подорвать значеніе хильджіевъ, лишенныхъ имъ владычества надъ Персіей и Кандахаромъ. Съ этою цѣлію онъ набиралъ въ свою армію много абдалліевъ и ставилъ ихъ старшинъ во главѣ своихъ авганскихъ войскъ. Послѣ убіенія Надиръ-шаха въ 1747 году, около Мешеда, авганскія войска отдѣлились отъ персидскихъ и ушли въ Кандахаръ, гдѣ начальники ихъ провозгласили главу саддозійской вѣтви абдалліевъ Ахмедъ-хана государемъ. Опираясь главнымъ образомъ на старшинъ абдалліевъ, которымъ даны были имъ наслѣдственныя должности по управленію государствомъ, Ахмедъ-ханъ овладѣлъ принадлежавшимъ потомкамъ Бабера, властвовавшимъ въ Индіи, Кабуломъ и отнялъ у нихъ Пенджабъ; затѣмъ онъ завоевалъ Хератъ и Мешедъ, овладѣлъ Балхомъ и землями до Аму-дарьи, а также Кашмиромъ, предпринималъ нѣсколько походовъ въ Индію и заставилъ императора ея платить дань. Сынъ его Тимуръ-шахъ (1773—1793 г.г.) перенесъ столицу въ Кабулъ и успѣлъ удержать въ своей власти почти всѣ владѣнія отца, но при дѣтяхъ его, низвергавшихъ другъ друга съ престола, почти всѣ неавганскія земли были потеряны и въ 1818 г. династія садозіевъ замѣнилась баракзійской, стоявшей во главѣ наиболѣе многочисленной вѣтви племени абдалліевъ, которое было Ахмедъ-ханомъ переименовано въ дурани.

Къ четвертой группѣ авганскихъ племенъ принадлежитъ, въ числѣ другихъ, самое многочисленное авганское племя хильджи, иначе хильзи, гильджи, гильзи, гильзай. Это племя имѣетъ тюркское происхожденіе. Арабскій путешественникъ X вѣка Истахри писалъ о немъ: „Хильджи (читаютъ и халаджи) есть племя тюркское, вторгшееся въ древности въ страны между Индомъ и Седжестаномъ, за Гуромъ (т. е. къ востоку отъ Гура); это скотоводы, у которыхъ наружность, обычаи и одежда (варіантъ „языкъ") суть тюркскія". Онъ же замѣчаетъ „Мы помѣстили (въ картѣ при сочиненіи) страну хильджи на границахъ Кабула" (Das Buch der Länder, übers. von Mordtmann, 1845, s. 111, и также Darmesteter. Chants popul., CLXIII). Младшій современникъ Истахри, пользовавшійся его трудомъ путешественникъ Ибнъ-Хаукалъ говоритъ почти то же самое: „Хильджи есть племя тюркское, водворившееся въ древности между Индустаномъ и Седжестаномъ; они походятъ на тюрковъ по своей наружности, сохраняютъ одежду и обычаи тюрковъ и всѣ говорятъ на тюркскомъ языкѣ" (The Oriental

Geography.... Transl. by W. Ouseley, 1800, p. 207, а также варіантъ у Reinaud въ Mémoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XVIII, partie 2, 1849, Paris, p. 246). Истахри и Ибнъ-Хаукалъ не упоминаютъ объ авганахъ, но Отби, какъ приведено выше, въ концѣ X вѣка говоритъ о подчиненіи Себукъ-тегину тѣхъ и другихъ. И хильджіи, и авганы входили въ составъ войскъ, съ которыми газневиды, а потомъ смѣнившіе ихъ султаны Гура совершали походы въ Индію. Продолжали они поступать на службу султановъ тюркскихъ изъ полководцевъ гуридовъ, которымъ достались послѣ паденія гуридовъ владѣнія ихъ въ Индіи, и достигали въ ихъ войскахъ начальствованія и большого значенія. Полководцамъ изъ хильджіевъ удалось, первымъ изъ авгановъ, завладѣвать и править самостоятельно провинціями Индіи и основать династію, властвовавшую въ Дели съ 1288 по 1321 годъ. Хильджіи въ это время считались еще особымъ отъ авгановъ народомъ, такъ какъ въ рѣчи, приписываемой однимъ мусульманскимъ историкомъ основателю хильджійской династіи, авганы изображаются чуждымъ и враждебнымъ племенемъ (Chants populaires des Afghans par Darmesteter, p. CLXIV). Объавганеніе хильджіевъ ко времени султана Бабера, т. е. въ XVI в., было однако дѣломъ законченнымъ, такъ какъ Баберъ, описывая одну свою экспедицію противъ Guéldji'евъ, называетъ ихъ авганами (Mémoires,. t. 2, p. 2). Приключенія хильджіевъ и авгановъ въ Индіи и основаніе ими династій, владѣвшихъ Дели (авганскія династіи лоди 1450—1526 г. г. и сури 1538—1556 г. г.), были частными дѣлами отдѣльныхъ лицъ, искавшихъ счастія и богатства въ далекой Индіи. Напротивъ завоеваніе Персіи хильджіями и основаніе авганскаго царства въ томъ же XVIII вѣкѣ абдалліями были предпріятіями племенными и народными. Успѣхи хильджи противъ персіянъ начались съ убіенія въ 1709 г. персидскаго губернатора Кандахара и овладѣнія этимъ городомъ однимъ изъ хильджійскихъ родоначальниковъ Миръ-Вейсомъ, который затѣмъ счастливо отразилъ нѣсколько попытокъ персовъ возвратить Кандахаръ въ свои руки. Сынъ Миръ-Вейса Махмудъ въ 1722 году вторгнулся въ Персію съ 25 т. войска, взялъ Испахань и овладѣлъ престоломъ Ирана. Наслѣдовавшій ему въ 1725 году племянникъ Ашрефъ потерялъ господство надъ Персіею и жизнь въ бою съ Тахмасъ-кули-ханомъ въ 1730 году. Въ 1737 году побѣдитель, восшедшій между тѣмъ подъ именемъ Надиръ-шаха на персидскій престолъ, взялъ послѣ продолжительной осады Кандахаръ и плѣнилъ отчаянно защищавшагося брата Махмуда Хуссейна, сокрушивъ этимъ могущество хильджіевъ. Оставшись и затѣмъ многолюднѣйшимъ изъ авганскихъ племенъ, хильджіи неохотно выносили подчиненіе дуранійскимъ династіямъ и неоднократно пытались свергнуть ихъ владычество. Попытки ихъ не имѣли

успѣха вслѣдствіе вражды и соперничества между вѣтвями племени и ихъ родоначальниками. Пользуясь этимъ, вожди дураніевъ, всегда дружно соединяющіеся противъ общаго опаснаго врага, успѣвали разсорить между собою хильджіевъ, привлечь на свою сторону многихъ хильджійскихъ старѣйшинъ деньгами и обѣщаніями, расправляясь затѣмъ съ остальными силою оружія. Таковъ былъ, напр., исходъ возстанія хильджіевъ въ 1801 г., когда они объявили государемъ Авганистана Абдэррахманъ-хана изъ рода завоевателя Персіи Махмуда, но потерпѣли неудачу въ двухъ сраженіяхъ и окончательно побиты были въ маѣ 1802 года (Notes on Afghanistan etc. by major Raverty, London, 1880, p. 57). Много хлопотъ доставили между прочимъ хильджіи нынѣшнему эмиру въ первые годы его царствованія, поддерживая нѣкоего Ширъ-Джана, выдававшаго себя за покойнаго эмира Ширъ-Али, пока самозванецъ этотъ не былъ схваченъ и казненъ. Въ то же время, по распоряженію эмира, былъ арестованъ и повѣшенъ хильджійскій Азметуллаханъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Эюбъ-ханомъ, когда послѣдній овладѣлъ было Кандахаромъ. Еще опаснѣе было возстаніе хильджіевъ въ 1886 году, возбужденное хильджійскимъ вліятельнымъ муллою Абдулъ-Керимомъ, который объявилъ противъ эмира священную войну, обвиняя его въ отступленіи отъ мусульманства и дружбѣ съ невѣрными англичанами. Войска эмира лишь въ іюлѣ 1887 г. усмирили возстаніе. Абдулъ-Керимъ успѣлъ бѣжать изъ владѣній эмира, но братъ его подвергнутъ пыткамъ и замученъ до смерти (The Ameer Abdul-Rahman, by St. Wheeler, 1895). Въ народныхъ возстаніяхъ, вынудившихъ Англію въ 1842 и 1880 годахъ отказаться отъ попытокъ утвердиться въ Авганистанѣ, главныя массы наиболѣе фанатичныхъ и воинственныхъ ополченій состояли изъ хильджіевъ.

По Эльфинстону, роды хильджіевъ дѣлятся на два отдѣла: туранъ и бурханъ (vol. 2, p. 147). Массонъ дѣлитъ хильджіевъ на западныхъ и восточныхъ, называя изъ первыхъ роды отекъ, токи, тереки и эндери и относя къ восточнымъ родъ сулейманъ-хель, дѣлящійся на множество частей, управляемыхъ независимыми другъ отъ друга меликами, занимающій земли на востокъ отъ Газны и извѣстный приверженностью къ грабежамъ и насиліямъ (Narrative of various journeys in Balochistan, Afghanistan etc. by Charles Masson, London, 1842, vol. 2, p.p. 204—212).

Тюркское происхожденіе хильджіевъ, особенно западныхъ, подтверждаемое между прочимъ приведенными именами ихъ родовъ, признается всѣми изслѣдователями, но время и обстоятельства прибытія этихъ тюрковъ въ бассейнъ Хельменда остаются невыясненными. По многимъ даннымъ и соображеніямъ, изложеніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, можно думать, что хильджіи суть потомки тѣхъ саковъ, которые, по извѣстіямъ клас-

сическихъ писателей, вторглись въ бассейнъ озера Заре во II вѣкѣ до Р. Х. и утвердились въ странѣ, получившей съ того времени названіе Сакастана, которое уцѣлѣло до сихъ поръ для ея части въ формѣ Сеистанъ. Что эти саки были тюрки, это между прочимъ удостовѣряется именами городовъ Сакастана, приводимыми Исидоромъ Хараксимъ—Минъ, Палакенти (т. е. Балакентъ), Барда, несомнѣнно принадлежащими тюркскому языку. Китайскія извѣстія соотвѣтствующаго времени даютъ возможность выяснить, что эти тюрки принадлежали племени канглы (у китайцевъ Кангюй), которое въ то время кочевало на Сыръ-Дарьѣ и отняло у грековъ Согдіану.

Подтверждаютъ чуждое происхожденіе хильджіевъ и народныя генеалогическія сказанія въ свойственной имъ формѣ: хильджіи происходятъ не отъ сыновей родоначальника всей группы Бетенія,—составляющіе потомство которыхъ 25 хейлей обитаетъ въ западной и отчасти восточной части Сулеймановыхъ горъ,—а отъ дочери Бетенія по имени Матя, которая вступила въ незаконную связь съ изгнаннымъ изъ Гура членомъ тамошней княжеской фамиліи Хуссейномъ, нашедшимъ у Бетенія убѣжище. Хотя Хуссейнъ вступилъ въ бракъ съ Мати, но зачатый отъ связи до брака сынъ ихъ получилъ имя Хильзай, т. е. сынъ грѣха, потому что хиль по авгански значитъ грѣхъ, а зай-сынъ, во множественномъ числѣ зи, такъ что племенное имя выходитъ хильзи или хильджи. Таково авганское объясненіе имени тюркскаго племени, которое впрочемъ и въ тюркскомъ языкѣ не имѣетъ удовлетворительной этимологіи, потому что производства отъ калач, „останься голоднымъ“ (Рашидъ-эддинъ), отъ клыч, мечь (Вамбери), и т. д. сомнительны. Указавъ незаконностью рожденія иноплеменное, неавганское происхожденіе хильджіевъ, составители авганскихъ генеалогій не остановились на этомъ, но надѣлили хильджіевъ родствомъ съ авганскими племенами лоди и сури: у Хусейна и Мати, уже въ законномъ бракѣ, родились сыновья Лоди (что по авгански значитъ великій) и Суръ, отъ которыхъ произошли племена тѣхъ же именъ. Не трудно догадаться, что все это, какъ и выдумка гурскаго князя Хуссейна, есть вымыселъ временъ династій лоди и сури, явившійся для того, чтобы связать династіи хильджіевъ, лоди и сури, властвовавшія въ Индіи, небывалымъ родствомъ происхожденія отъ гуридскихъ завоевателей Индостана. Сообразно съ этимъ авганскіе историки поздняго времени и повѣрившіе имъ позднѣйшіе мусульманскіе историки изъ не-авганъ стали считать первоначальнымъ мѣстообитаніемъ авгановъ Гуръ, водворяя сюда миѳическаго Каиса. Нѣкоторые первоначальные англійскіе изслѣдователи и переводчики мусульманскихъ исторій Индіи и авгановъ приняли эти вымыслы за чистую монету, но изученіе компетентныхъ мусульманскихъ историковъ и основанныхъ на древнѣйшихъ авганскихъ исторіяхъ сочиненій выяснило, что

для помѣщенія отечества авгановъ въ Гурѣ и для ихъ гурійскаго происхожденія не имѣется никакихъ основаній (Who were the Patan or Pathan Sultans of Dihli? By major Raverty, въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, 1875, vol. 44, p.p. 24—38). Какія нелѣпости иногда выдавались за подлинныя народныя генеалогическія сказанія можно судить по утвержденію авганскаго писателя Муллы-Ахтара, въ его исторіи авгановъ, написанной въ 1741 г., о томъ, что по народному преданію Белучъ, Узбекъ и Авганъ, прародители соотвѣтствующихъ народовъ, были родными братьями, сыновьями пресловутаго Каиса (Journal of Political Mission to Afghanistan etc., by H. W. Bellew, London, 1862, p. 62).

Каладжи-Гильджія были не единственными тюрками, вошедшими въ составъ авганскаго народа. Немного ранѣе прихода ихъ въ нынѣшній Сеистанъ, прибыло въ низовья Кабулъ-дарьи другое тюркское племя сай или сей у китайскихъ писателей, саки у индійцевъ; оно прошло чрезъ Памиръ и Читралъ изъ западнаго Тяньшаня, откуда было вытѣснено тибетскимъ племенемъ юечжей. Послѣдніе, имѣвшіе по разнымъ даннымъ тюркскія примѣси, впослѣдствіи значительно увеличившіяся, вскорѣ и сами покинули западный Тяньшань и овладѣли Бактріаной, откуда, около Р. Х., распространили свою власть и на югъ отъ Хиндукуша, овладѣвъ бассейномъ Кабулъ-Дарьи и значительными частями Индіи. Можно думать, что когда, во второй половинѣ VI вѣка туркитукю уничтожили господство евталитовъ (подъ этимъ именемъ стали съ V в. извѣстны юечжіи, принявшіе передъ Р. Х. имя кушановъ) въ бассейнахъ Аму-дарьи и Зеравшана, то часть евталитовъ ушла за Хиндукушъ и здѣсь слилась съ мѣстнымъ населеніемъ, войдя впослѣдствіи въ составъ авганскихъ племенъ. Новый притокъ тюрковъ за Хиндукушъ послѣдовалъ во второй половинѣ X вѣка съ Альпъ-тегиномъ и утвердившеюся въ Газнѣ династіею газневидовъ, которая имѣла тюркское происхожденіе и ядро своихъ военныхъ силъ формировала изъ тюрковъ. Около 1162 г. Газну и Кабулъ отняли у газневидовъ турки-гузы, изъ-за Гиндукуша, которые владѣли здѣсь 12 лѣтъ. Въ 1174 году, эти города и ихъ области были покорены государями Гура, сокрушившими могущество газневидовъ, но часть гузовъ утвердилась въ верховьяхъ р. Курама (Tabakat-i-Nasiri, translated by Raverty, London, 1881, p.p. 112, 376—7, 449), гдѣ обитающее нынѣ авганское племя тури является вѣроятно ихъ потомствомъ.

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что корнемъ авганской народности была юго-восточная отрасль иранцевъ, водворившаяся въ до-историческое время въ средней и сѣверной части Сулеймановыхъ горъ. Многіе вѣка пуштуны оставались малочисленнымъ и незначительнымъ горнымъ народцемъ, распространяясь, вѣроятно, главнымъ образомъ лишь въ южную

часть Сулеймановыхъ горъ. Хотя въ X вѣкѣ авганы вмѣстѣ съ кильджіями оказываются уже появившимися на сѣверо-западѣ Сулеймановыхъ горъ и могущими выставлять газневидамъ до 100 т. ратниковъ, но рѣшительное и властное распространеніе ихъ на западъ и на сѣверъ за предѣлы Сулеймановыхъ горъ и Сефидъ-куха началось послѣ Чингизъ-хана, послѣ истребленія монголами большей части населенія бассейна Кабулъ-дарьи и всего нынѣшняго западнаго Авганистана, и главнымъ образомъ при тимуридахъ, когда безсильные владѣльцы Кабула, Газны и Кандахара уже не въ состояніи были удержать напоръ авганскихъ племенъ, въ составъ которыхъ окончательно вошли въ это время гильджіи. Въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII столѣтій распространеніе авгановъ на западъ и утвержденіе ихъ тамъ и на сѣверѣ продолжались подъ болѣе или менѣе номинальнымъ владычествомъ Бабера и его потомковъ въ восточномъ и сѣверномъ Авганистанѣ и подъ властію Персіи, съ половины XVII вѣка, въ Кандахарѣ. Наконецъ, съ основаніемъ въ 1747 году авганскаго государства Ахмедъ-шахомъ, авганы достигли и политическаго господства, при которомъ процессъ объавганенія пошелъ быстрѣе, не только на западѣ, но и въ долинахъ Сулеймановыхъ горъ, заселенныхъ издревле индійцами и таджиками.

Этническій составъ авганской народности оказывается вообще весьма пестрымъ. Пухтунская ея основа все время сильно смѣшивалась съ сосѣдними народами индійскими и иранскими и приняла обильныя примѣси сѣверныхъ тюркскихъ и иныхъ племенъ. Тѣмъ не менѣе пухтунская кровь, хотя и разной густоты и обилія, особенно же пуштунскій языкъ, пуштунское соціальное устройство, нравы и обычаи создали изъ разнородныхъ этническихъ матеріаловъ единую народность, составляющую въ настоящее время прочное этническое цѣлое, несмотря на нѣкоторыя различія по племенамъ и на отличія въ политическомъ положеніи нѣкоторыхъ групъ послѣднихъ.

Всѣ авганскія племена находятся еще на той ступени эволюціи человѣческихъ обществъ, которой обыкновенно присвоивается именованіе родового быта, но въ существующихъ у авгановъ ея формахъ есть значительныя различія. Эти формы могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ, такъ какъ остальныя являются переходными между ними ступенями. Первою изъ двухъ главныхъ должно быть признано демократически-родовое устройство керларнійскихъ племенъ, второю же—деспотически-патріархальная организація западныхъ племенъ. У керларнійцевъ и вообще у большей части восточныхъ племенъ дѣла каждой племенной вѣтви рѣшаются собраніями или джиргами. Джирга мельчайшихъ или, такъ сказать, первичныхъ племенныхъ вѣтвей или родовыхъ общинъ состоитъ изъ всѣхъ главъ семей, составляющихъ общину или родовую вѣтвь; исполненіе рѣшеній джирги поручается старшинѣ или

мелику, который однако никакой самостоятельной властью не пользуется и является простымъ исполнителемъ. Дѣла, касающіяся нѣсколькихъ первичныхъ вѣтвей или родовыхъ общинъ, составляющихъ въ совокупности вторую или высшую вѣтвь племени, рѣшаются джиргами изъ меликовъ первичныхъ или низшихъ родовыхъ общинъ, а такъ какъ мелики эти никакихъ самостоятельныхъ правъ не имѣютъ, то, для выраженія мнѣнія первичной общины, они должны естественно заручиться рѣшеніемъ своей джирги; рѣшенія высшей джирги исполняются старшиною или меликомъ вѣтви. Дѣла, касающіяся совокупности второстепенныхъ вѣтвей, рѣшаются джиргами вторичныхъ вѣтвей и т. д., такъ что общеплеменныя джирги составляются изъ меликовъ главныхъ племенныхъ вѣтвей. Такъ какъ мелики назначаются своими джиргами и должны въ высшей джиргѣ являться лишь выразителями рѣшеній каждый своей джирги, то вся власть въ восточныхъ племенахъ, управленіе которыхъ основано на изложенныхъ началахъ, принадлежитъ въ концѣ концовъ первичнымъ джиргамъ или собраніямъ главъ семей.

Въ западныхъ племенахъ и части восточныхъ старшины (муширы, мелики, ханы) не назначаются джиргами, а отправляютъ свои должности наслѣдственно, вслѣдствіе чего, хотя теоретически старшины эти должны быть лишь вѣрными исполнителями рѣшеній каждый своей джирги и являться въ высшей джиргѣ лишь выразителями мнѣній своей же джирги, но на практикѣ наслѣдственные старшины нерѣдко или не отдаютъ дѣла на обсужденіе своей джирги, или рѣшеніями ея не руководствуются, дѣйствуя по своему усмотрѣнію. Это часто вело къ отложенію подчиненныхъ меликовъ, съ образованіемъ независимыхъ или номинально числящихся подвластными вѣтвей, къ войнамъ и къ распаденію племени и вѣтвей его на болѣе мелкія и враждующія между собою части. Существованіе у западныхъ юго-восточныхъ племенъ наслѣдственной ханской власти имѣло важное политическое значеніе, такъ какъ эмиры Авганистана получили, благодаря ему, возможность держать племена въ покорности и зависимости, пользуясь лишь соперничествомъ между ханами, не говоря уже о склоненіи ихъ къ подчиненности почестями, поддержкою ханской власти внутри племенъ, жалованьемъ, подарками и т. д. Подобнымъ же образомъ ханская власть служила удобнымъ орудіемъ для подчиненія авганскихъ племенъ владычеству иностранныхъ державъ. Демократическая организація восточныхъ племенъ была напротивъ главнѣйшею причиною сохраненія ими независимости, такъ какъ ни одинъ изъ возможныхъ въ западныхъ племенахъ способовъ пріобрѣтенія внутреннихъ приверженцевъ и вліянія здѣсь къ цѣли не приводитъ.

Возникновенію и утвержденію ханской или вообще деспотически-патріархальной власти у западныхъ авганскихъ племенъ могли способствовать гео-

графическія условія, особенно значительность въ земляхъ ихъ равнинъ, затрудняющихъ самозащиту для стремящихся къ самостоятельности мелкихъ общинъ, въ которыхъ только и возможно демократическое устройство, тогда какъ горная природа территоріи восточныхъ племенъ представляла большія удобства для сопротивленія самыхъ малочисленныхъ племенныхъ вѣтвей постороннему насилію. Однако главной основой различія въ соціально-политическомъ строѣ восточныхъ и западныхъ племенъ были всего скорѣе расовыя особенности, ибо горныхъ пространствъ не мало и въ территоріяхъ западныхъ племенъ. Не далѣе какъ на сѣверо-западѣ у хезарейцевъ и аймаковъ и на югѣ у брахуи и белучжей земли гористы, однако у нихъ царитъ деспотически-патріархальная власть наслѣдственныхъ хановъ. Вѣроятно, демократически-родовой строй восточныхъ авганскихъ пленемъ есть преимущественно результатъ расовыхъ особенностей авганской народности, ослабленіе же его и переходъ въ деспотически-патріархальному режиму у западныхъ племенъ является слѣдствіемъ расовыхъ особенностей иноплеменныхъ примѣсей, тюркскихъ главнымъ образомъ на западѣ и белучжскихъ на югѣ.

Наука еще не выяснила отношеній темперамента, характера и вообще психической стороны человѣческихъ расъ съ ихъ физическими особенностями. Хотя антропологія стремится классифицировать расы по черепу и другимъ признакамъ, но успѣхи ея въ этомъ отношеніи пока не велики. За отсутствіемъ антропологическихъ измѣреній и изслѣдованій авганской народности и ея племенъ *), приходится довольствоваться пока наблюденіями путешественниковъ и другихъ писателей, имѣвшихъ дѣло съ авганами. Почти всѣ сходятся, описывая авгановъ, какъ народъ довольно высокаго роста, мускулистаго сложенія, красивый, съ орлиными носами, съ выдающимися обыкновенно скулами, съ черной, рѣдко русой, длинной, густой бородой, съ ниспадающими на плечи длинными локонами волосъ съ головы, которая обривается отъ лба до темени. Окраска кожи у восточныхъ племенъ темнѣе, приближается къ индусской; западныя племена бѣлѣе, оливковаго цвѣта, болѣе коренасты, черты лицъ у нихъ болѣе разнообразны, скулы выдаются болѣе (см. между прочимъ Elphinstone, An Account etc., I, p. 321). Эльфинстонъ резюмируетъ свои свѣдѣнія о характерѣ, умственныхъ и нравственныхъ качествахъ авгановъ такимъ образомъ, что признаетъ ихъ недостатками мстительность, зависть, скупость, алчность и упрямство; но съ другой стороны они страстно

*) У Элизэ Реклю («Земля и люди. Всеобщая географія», т. IX., Спб., 1887 г., стр. 49, изд. Ильина) приведенъ головной указатель въ 77,00 по семи измѣреніямъ (Duhousset-Etudes sur les populations de la Perse), такъ что авганы оказываются субдолихоцефалами, но конечно столь малаго количества людей, измѣренныхъ гдѣ нибудь въ Персіи, совершенно недостаточно, ибо необходимы измѣренія и изслѣдованія въ каждомъ племени и въ ихъ главнѣйшихъ вѣтвяхъ.

привязаны къ свободѣ, вѣрны друзьямъ, ласковы съ подчиненными и зависящими, гостепріимны, храбры, смѣлы, трезвы, трудолюбивы и благоразумны; они менѣе, чѣмъ сосѣдніе народы (имѣются въ виду главнымъ образомъ конечно индусы и персы), расположены къ вѣроломству, интригамъ и обману (vol. I, p. p. 330, 331). По Бернсу, „авгановъ вообще можно назвать народомъ простымъ и трезвымъ...; въ характерѣ авгановъ есть много дѣтскаго...; они не въ состояніи скрывать одинъ отъ другого своихъ чувствъ, такъ что человѣкъ проницательный во всякое время можетъ открыть ихъ намѣренія. Если вѣрить ихъ собственнымъ словамъ, то зависть составляетъ ихъ господствующую страсть, зарождающуюся даже и въ самыхъ близкихъ родственникахъ. Нѣтъ народа, который былъ бы болѣе способенъ къ веденію интригъ. Я былъ въ особенности пораженъ ихъ лѣностью" („Путешествіе въ Бухару" и пр., русскій переводъ, изд. Голубкова, Москва, 1848 г., часть 2, стр. 211 и 212).

Считая описанія Эльфинстона и Бернса отражающими въ извѣстной степени впечатлѣніе ихъ личныхъ благопріятныхъ столкновеній съ авганами и потому нѣсколько односторонними, Юль суммируетъ слѣдующимъ образомъ отзывы позднѣйшихъ писателей, признавая однако, что темныя стороны авганскаго народнаго характера, можетъ быть, слишкомъ ими сгущены: Съ дѣтства пріученные къ рѣзнѣ авганцы не боятся смерти; они отважны въ нападеніяхъ, но легко падаютъ духомъ при неудачахъ; чрезвычайно строптивы и не любятъ подчиняться ни закону, ни дисциплинѣ; наружно откровенные и привѣтливые, въ особенности когда имѣютъ въ виду какую-нибудь выгоду, они способны на величайшую грубость, какъ только исчезаетъ надежда на успѣхъ любезнаго обращенія. Они безсовѣстно нарушаютъ клятвы, тщеславны, ненасытны и страстны въ мести, которую готовы удовлетворить цѣною собственной жизни и самымъ жестокимъ образомъ. Авганецъ—хищникъ по природѣ. Если въ силу обычая онъ и уважаетъ странника, переступившаго порогъ его дома, то считаетъ себя въ правѣ предупредить сосѣда о предстоящей добычѣ, или самъ нападетъ на гостя, по оставленіи имъ его дома. На наказанія за преступленія и на взиманіе податей авганецъ смотритъ какъ на притѣсненія и мучительства. Авганы тщеславятся своей народностью, своей независимостью и храбростью. Авгановъ они считаютъ первымъ народомъ въ мірѣ, а себя каждый считаетъ первымъ изъ авгановъ. Первое впечатлѣніе, производимое авганами на иностранца, благопріятно для нихъ. Европеецъ, въ особенности если онъ ѣдетъ изъ Индіи, бываетъ очарованъ ихъ повидимому откровеннымъ и радушнымъ обращеніемъ и гостепріимствомъ. Но очарованіе длится недолго, и подъ оболочкой радушія вскорѣ обнаруживается

лицемѣріе, столь же закоренѣлое, если не столь же хорошо скрытое, какъ у индуса (Afghanistan въ Encyclopaedia Britannica, изд. 7, 1878 г.).

Сэръ Ричардъ Темпль, секретарь пенджабскаго управленія, изображалъ въ шестидесятыхъ годахъ, въ Report upon the Independent Tribes of the North-west Frontier, нравы пограничныхъ авганскихъ племенъ такъ: Это— дикари, можетъ быть благородные дикари, не безъ нѣкоторыхъ чертъ добродѣтелей и великодушія, но все же совершенные дикари. У нихъ нѣтъ ничего приближающагося къ правительству и гражданскимъ учрежденіямъ; по большей части они чужды всякаго воспитанія; номинально у нихъ есть религія, но магометанство, какъ они его понимаютъ, не лучше, а пожалуй хуже, чѣмъ вѣрованія самихъ дикихъ племенъ земного шара. Въ ихъ глазахъ единственная великая заповѣдь: кровь за кровь, и огонь и мечъ всѣмъ невѣрнымъ, т. е. всѣмъ не-мусульманскимъ народамъ. Они суевѣрны и вполнѣ подчиняются руководству своего духовенства. Между тѣмъ духовенство (муллы) ихъ столь же невѣжественно, сколь изувѣрно, и пользуется своимъ вліяніемъ для проповѣди священной войны противъ невѣрныхъ, внѣдряя ученіе объ ограбленіи и избіеніи беззащитнаго населенія равнины. Горцы горячо привязываются къ своимъ женамъ, но ихъ относящіеся къ браку и сватовству обычаи противны всякому соціальному прогрессу. Въ то же время это чувственная раса. Они крайне алчны; за деньги они готовы на все, кромѣ нарушенія обычая гостепріимства. Къ воровству и грабительству склонны они въ самой крайней степени. Патанская мать часто молится о томъ, чтобы ея сынъ былъ счастливымъ хищникомъ. Они совершенно безсовѣстны въ отношеніи исполненія всякихъ обязательствъ; они не могутъ понять, чтобы присяга на коранѣ могла заставить ихъ дѣйствовать противно личнымъ выгодамъ. Надо добавить, что они люты и кровожадны. Они не разлучаются съ оружіемъ: пасутъ-ли они стада, ведутъ-ли навьюченныхъ животныхъ, пашутъ-ли землю, они всегда вооружены. Они постоянно воюютъ между собою. Каждое племя, каждая вѣтвь племени имѣетъ свои междоусобныя войны, каждая семья имѣетъ свои наслѣдственныя кровомщенія и каждое лицо имѣетъ личныхъ враговъ. Почти нѣтъ человѣка, руки котораго не были бы запятнаны кровью. Каждое племя ведетъ счетъ съ своими сосѣдями о кровомщеніяхъ. Не щадя жизни другихъ, они не дорожатъ и своей. Они смотрятъ на отмщеніе, какъ на главнѣйшую обязанность. Обладая сами удалью и храбростью, они почитаютъ эти качества у другихъ. Они охотно занимаютъ въ опасныхъ случаяхъ мѣста товарищей. Гостепріимство есть, по ихъ мнѣнію, первѣйшая добродѣтель. Каждый, вступившій въ ихъ жилище, не только пользуется неприкосновенностью, но принимается ласково. Однако, какъ только онъ выступилъ за порогъ хозяина, онъ можетъ быть ограбленъ и убитъ. Они милосердны къ бѣднымъ сво-

его племени. У нихъ есть родовая гордость и почтеніе къ завѣтамъ предковъ. Они не пренебрегаютъ цивилизаціей, если разъ вкусили ея благъ; они склонны къ торговому дѣлу, а также къ земледѣлію, но слишкомъ непостоянны и склонны къ горячности (excitable), чтобы дѣлаться рачительными (industrious) въ земледѣліи или въ какомъ бы то ни было промыслѣ. Они охотно поступаютъ въ военную службу, и хотя съ трудомъ подчиняются дисциплинѣ, оказываются, однако, вѣрными знамени, вопреки возбужденіямъ фанатизма. Таковъ, вкратцѣ, ихъ характеръ, преисполненный непонятныхъ несообразностей и смѣшенія противоположныхъ пороковъ и добродѣтелей, свойственныхъ дикарямъ (England and Russia in Central Asia, by D. Ch. Boulger, London, 1879, vol. 2, p.p. 297, 298). Одинъ изъ наиболѣе разумныхъ и гуманныхъ англо-индійскихъ дѣятелей генералъ Джонъ Эдай справедливо призналъ сдѣланное Темплемъ опредѣленіе авганскаго характера и нравовъ слишкомъ рѣзкимъ и категорическимъ; „мы слишкомъ строго, да еще по европейской мѣркѣ, мѣряемъ людей, развивавшихся при совершенно иныхъ условіяхъ“ (Sitana, by Colonel John Adye, London, 1867, p. 8. а русскій переводъ М. Н. Анненкова въ „Военномъ Сборникѣ“, 1873 г., іюль, стр. 159). Но вотъ другой отзывъ, въ которомъ краски тоже сильно сгущены и который мало разнится отъ приведеннаго: „Въ общихъ чертахъ можно изобразить ихъ (авганскихъ горцевъ на границѣ Индіи), какъ совершенныхъ варваровъ, погрязшихъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ. По рожденію они дикари, по промыслу хищники. Кромѣ ухода за своими стадами и пашнями они не имѣютъ никакихъ промышленныхъ занятій. За отсутствіемъ какой-либо власти надъ ними, они постоянно враждуютъ между собою и вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Убійства и хищничества составляютъ ихъ главное времяпрепровожденіе, месть и грабежъ—главное занятіе ихъ жизни. Условія, въ которыхъ они живутъ, надѣлили ихъ весьма противоположными качествами—разнородной смѣсью добродѣтелей и пороковъ. Такъ они отважны, храбры и горды, и въ то же время вѣроломны, безчестны и коварны. Воздержные въ своемъ обиходѣ, они гостепріимны къ иностранцамъ и милосерды къ бѣднымъ. Они даютъ пріютъ ищущимъ убѣжища и защищаютъ ихъ съ опасностію для собственной жизни, но грабятъ и убиваютъ ни въ чемъ неповиннаго путешественника изъ одного удовольствія совершить такое дѣло *). Будучи патріотами въ высокой степени и исполненные родовой гордости, они, ни мало не совѣстясь, продаютъ за деньги священнѣйшіе интересы свои или своихъ близкихъ родственниковъ. По вѣроисповѣданію они мусульмане, но ихъ понятія о вѣроученіи совер-

*) По Эльфинстону (vol. I, p. 301), напротивъ, «грабежи во всякомъ случаѣ не отягчаются убійствами, когда прекращается (со стороны жертвъ) защита имущества».

шенно смутны, и они не стѣсняются нарушать требованія религіи, если они не согласны съ ихъ желаніями или выгодами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они изувѣры. вполнѣ подчинены руководству муллъ и во всякое время готовы къ джихаду (священная война) противъ невѣрныхъ, бѣлыхъ или черныхъ. Надѣясь на безопасность въ своихъ горныхъ трущобахъ, они съ незапамятныхъ временъ отвергали власть всѣхъ правительствъ, предшествовавшихъ намъ на ихъ границахъ и, почерпая мужество въ своихъ успѣхахъ, были многіе вѣка страшилищемъ для мирныхъ обитателей долины, на жатвы и стада которыхъ и на ихъ дѣвушекъ и женъ они смотрѣли какъ на добычу для хищничества. Разъединенные взаимной завистью и родовыми междоусобіями, они не въ состояніи были совершать какія-либо предпріятія общими силами вдали отъ своихъ горъ; но они не упускали случая при проходѣ съ запада завоевательныхъ армій умножать собою ряды хищниковъ въ надеждѣ воспользоваться долею богатой добычи въ долинахъ Индіи" (Our Panjàb Frontier, by a Panjàb Official, Calcutta, 1868, цитировавшій откуда въ своей History of Afghanistan, London, 1879, p.p. 51, 52, приведенный отзывъ Col. Malleson называетъ авторомъ этой книги доктора Bellew).

Конечно, у англійскихъ писателей съ сороковыхъ годовъ не всегда можно найти вполнѣ безпристрастныя отношенія къ авганамъ. Не лишне поэтому привести мнѣніе французскаго географа Элизэ Реклю. „Въ мирное время,—когда людямъ становятся чуждыми дурныя страсти, которыя въ нихъ развиваетъ война—жестокость, мстительность, лукавство и жажду грабежа, — авганецъ гостепріименъ, искрененъ и великодушенъ... Женщины у авганцевъ въ большомъ почетѣ и ведутъ хозяйство съ умѣньемъ и увѣренностью... Воздержный и скрытный, пылкій въ предпріятіяхъ, авганецъ охотно жертвуетъ удовольствіями для труда; но онъ не такъ дешево разстается съ своею независимостью, какъ персъ или индусъ. Несчастія, которыхъ нельзя избѣжать, онъ переноситъ съ покорностью, но въ то же время энергично защищается отъ притѣсненій... Когда въ авганцахъ возбуждена чѣмъ-либо ненависть, они предаются ей съ ожесточеніемъ и упорствомъ... „Мы всѣ равны (говорятъ авганы)... Мы предпочитаемъ наши раздоры, предпочитаемъ наши боевыя схватки; пускай льется наша кровь, если это надо, но мы не хотимъ властелина". Большинство племенъ не имѣло никогда рабовъ („Земля и люди. Всеобщая географія", томъ IX, Спб., 1887 г., стр. 49—51, изд. Ильина, къ сожалѣнію въ весьма неважномъ переводѣ).

Изъ сравненія съ ранѣе приведенными англійскими описаніями можно видѣть, что послѣднія, несмотря на сгущенность въ нѣкоторыхъ красокъ въ дурную сторону и несмотря на поспѣшныя заключенія изъ единичныхъ фактовъ, все же въ существѣ не далеки отъ истины. Другое дѣло принадлежа-

щіе многимъ англійскимъ публицистамъ выводы, состоящіе въ томъ, что, по недостижимости мирнаго сосѣдства съ авганами и въ виду невозможности исправленія ихъ характера и нравственности, Англо-Индія въ правѣ прибѣгнуть къ обезоруженію, выселенію наиболѣе опасныхъ и неукротимыхъ племенъ и даже къ истребленію ихъ, дабы получить въ свое спокойное обладаніе горную страну, раздѣляющую Индію отъ владѣній эмира, и сдѣлать изъ нея надежную преграду противъ нашествія съ сѣверо-запада.

Чтобы правильно опредѣлить возможность измѣненія авганскихъ нравовъ къ лучшему или худшему, необходимо выяснить причины и условія, ихъ создавшія и поддерживающія, такъ какъ нравы всякаго народа есть слѣдствіе его расовыхъ особенностей, его темперамента и характера, ступени соціальнаго развитія, на которой народъ находится, и свойственныхъ ей принадлежностей и учрежденій, наконецъ условій среды, природныхъ и историческихъ, и пр.

Основная отличительная черта авганскаго народнаго характера есть несомнѣнно пылкость, горячность, зависящая отъ расоваго сангвиническаго темперамента. Не что иное, какъ сангвиническій темпераментъ, причиняетъ крайности авганскаго характера и нравовъ, хорошія и дурныя: съ одной стороны пылкое мужество, горячая привязанность къ близкимъ, къ роду, племени, національности и готовность для нихъ на всѣ жертвы, щедрость и радушіе въ гостепріимствѣ, пылкость и неукротимость въ защитѣ свободы и независимости личной, племенной, національной и т. д.; съ другой стороны— горячность въ мести, жестокость въ обращеніи съ врагомъ, алчность и жадность, тщеславіе и т. д.

Родовой бытъ, въ которомъ находятся авганы, есть конечно, необходимая ступень соціальной эволюціи всякаго народа, но только ступень. Если народъ продолжаетъ, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, находиться на этой ступени тысячелѣтія, какъ это произошло съ авганами, то родовой бытъ вырождается, и свойственные ему, въ свое время благодѣтельные, институты развиваютъ свои худшія стороны, въ зависимости отъ народнаго темперамента.

Такъ, переходъ первоначальнаго патріархально-родового строя въ демократическо-родовой у коренныхъ авганскихъ племенъ совершился, конечно. подъ вліяніемъ расоваго сангвиническаго темперамента, естественно увеличивая значеніе личности и личнаго представительства на счетъ власти родоначальниковъ, до ея упраздненія. Но тотъ же темпераментъ былъ и является причиною слабости власти джирги, ибо пылкость темперамента ея членовъ производитъ частыя между ними при рѣшеніи дѣлъ несогласія, ссоры и насилія. Вслѣдствіе этого джирга собирается и дѣйствуетъ лишь въ крайне необходимыхъ случаяхъ, предоставляя членамъ общины удовлетворять свои нужды и защищать свои права и интересы собственными силами и при помощи бли-

жайшихъ родныхъ и друзей, пока безпорядки, смуты и насилія не вынудятъ общину требовать вмѣшательства джирги для возстановленія спокойствія и общей безопасности.

Тотъ же расовый сангвиническій темпераментъ и созданный подъ его вліяніемъ демократическо-родовой строй произвели неблагопріятныя измѣненія въ дѣйствіи важнѣйшаго для обезпеченія жизни и имущества института родового быта—родовой мести. При патріархально-родовомъ строѣ, право и обязанность отмщенія за причиненіе вреда личности и имуществу членовъ рода принадлежитъ всему роду, хотя конечно объ отмщеніи заботятся главнымъ образомъ ближайшіе родственники потерпѣвшаго. Возмездіе первоначально заключается въ причиненіи обидчику вреда одинаковаго и равнаго съ имъ нанесеннымъ (око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь), но эта простѣйшая мѣра мести, легко переходящая предѣлы и влекущая за собою нескончаемыя насилія и кровопролитія между родами, вскорѣ замѣняется имущественнымъ вознагражденіемъ въ опредѣляемыхъ обычаями размѣрахъ. Въ западныхъ авганскихъ племенахъ вознагражденіе за убійство мужчины опредѣляется въ двѣнадцать дѣвушекъ или молодыхъ женщинъ, поступающихъ въ замужество за родственниковъ убитаго, безъ уплаты за нихъ калыма, а напротивъ съ безвозмезднымъ за половиною изъ нихъ приданымъ; за лишеніе руки, носа, глаза полагается шесть дѣвушекъ, за зубъ три и т. д. Подобные же выкупы существуютъ и въ восточныхъ племенахъ, замѣняясь чаще деньгами и имуществомъ, въ меньшихъ противъ западныхъ племенъ размѣрахъ (Elphinstone, I, p. 223) *), вѣроятно вслѣдствіе большей бѣдности восточныхъ племенъ. Отчасти по причинѣ той же бѣдности, главнымъ же образомъ вслѣдствіе ослабленія имущественной родовой солидарности, а также по большей сангвиничности, примиренія съ уплатою обычнаго вознагражденія въ восточныхъ племенахъ, внѣ предѣловъ своей общины, совершаются рѣдко, а потому удовлетвореніе за убійства достигается преимущественно кровомщеніемъ со стороны ближайшихъ родственниковъ убитаго. Кровомститель убиваетъ виновнаго или его ближайшаго родственника при удобномъ случаѣ, когда можетъ совершить убійство безъ немедленной собственной гибели. Ра-

*) У авгановъ британскаго округа Бану, «цѣна крови, при убійствѣ взрослаго мужчины, опредѣлялась джиргою въ 1000—1200 рупій, которыя обыкновенно уплачивались не деньгами, а скотомъ и дѣвушками, по опредѣленной таксѣ, по которой взрослыя дѣвушки цѣнились въ 200 рупій, а подростки въ половину этой суммы. Бѣдный человѣкъ не приводился такимъ штрафомъ въ окончательное раззореніе, потому что ему помогали друзья и родственники, если его собственная семья не была въ состояніи дать достаточное количество молодыхъ женщинъ и скота. Положеніе дѣвушекъ не измѣнялось съ перемѣною владѣльцевъ: она лишь переходила въ новую семью, глава которой располагалъ ея рукою для выдачи замужъ вмѣсто естественнаго главы» (Bannû or our Afgan Frontier, by S. S. Thornburn. settlement officer of Bannû district, London, 1876, p.p. 88, 89).

зумѣется находящійся подъ угрозою кровомщенія съ своей стороны постоянно принимаетъ мѣры самозащиты и предосторожности, и вслѣдствіе этого месть долго не можетъ осуществиться. Такъ какъ долгъ мести переходитъ отъ отца къ сыну и тяготѣетъ часто на смѣняющихъ другъ друга поколѣніяхъ много времени спустя послѣ того, какъ даже причина перваго пролитія крови давно позабыта, то, по завѣренію полковника Хольдича, кровомститель часто не чувствуетъ къ наслѣдственному врагу никакой личной злобы и исполняетъ лишь лежащую на немъ обязанность (The Tirah въ Geographical Journal, 1898, October, p.p. 352, 350). Тотъ же Хольдичъ приводитъ любопытный примѣръ междуродовой вражды: во время войны англичанъ съ афридіями въ 1897 году, состоявшій проводникомъ при англійскомъ отрядѣ, уничтожавшемъ деревни афридіевъ рода закка, афридіецъ рода мерикдинъ, враждующаго съ закка, настоятельно обратилъ вниманіе начальства отряда на то, что деревня одного старшины закка осталась случайно нераззоренною и что, пожалуй, вслѣдствіе этого упущенія, старшина закка избѣжитъ общаго всѣмъ афридіямъ наказанія (тамъ же, p. 350). Этотъ случай междуродовой злобы заслуживаетъ вниманія между прочимъ и потому, что какъ мерикдины, такъ и закка, будучи вѣтвями племени африди, одинаково вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежатъ къ союзу самель (An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, by H. W. Bellew, Woking, 1891, p.p. 92, 93). Дѣло въ томъ, что въ средѣ части восточныхъ племенъ, особенно у керларнійскихъ, существовали особые союзы, имѣющіе цѣлью защиту своихъ членовъ и именуемые гунди (goondee). Связь между членами гунди считалась болѣе крѣпкою, чѣмъ связи кровныя; каждый изъ членовъ долженъ былъ жертвовать за своихъ союзниковъ всѣмъ, что имѣетъ, даже жизнью. Такихъ союзовъ существовало два, носившіе имена гара и самель, но уже ко времени Эльфинстона значеніе ихъ пало (vol. II, p. 4). По свѣдѣніямъ Белью, къ тому или другому изъ названныхъ двухъ союзовъ принадлежатъ авганы всѣхъ племенъ, обитающихъ между Кабулъ-дарьею и Гомуломъ, но они сами не знаютъ происхожденія этихъ союзовъ и ссылаются на отцовъ и дѣдовъ, слѣдуя лишь ихъ примѣру. Белью съ своей стороны готовъ относить происхожденіе двухъ союзовъ къ до-мусульманскимъ временамъ и предполагать въ одномъ изъ нихъ приверженцевъ буддизма, а въ другомъ огнепоклонниковъ, но эти догадки рѣшительно ни на чемъ не основаны. На мой взглядъ, союзы эти скорѣе были попыткою достигнуть защиты, безопасности и порядка помимо не дающихъ ихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ. Кровно-родовыя связи однако оказались сильнѣе, ибо члены одного и того же гунди вынуждены были сражаться противъ союзниковъ въ рядахъ воиновъ своихъ родовъ

и племенъ: естественно, что отъ этихъ гунди ничего нынѣ не осталось кромѣ именъ, безъ всякаго практическаго значенія.

Уже сангвиническаго темперамента и соціальнаго строя авгановъ достаточно для объясненія дурныхъ особенностей ихъ народнаго характера, но происхожденіе ихъ и крайности должны были много зависѣть, сверхъ того, отъ неблагопріятныхъ хозяйственныхъ условій природы ихъ страны и связаннаго съ ними экономическаго положенія населенія, а также и отъ вліянія внѣшнихъ политическихъ отношеній. Голыя или со скудной растительностью скалы Сефидъ-куха и Сулеймановыхъ горъ, недостатокъ въ водѣ, слишкомъ незначительныя пространства годной для культуры земли—все это дѣлало страну первобытныхъ авгановъ возможною для сноснаго обитанія лишь небольшого числа племенъ, питающихся звѣроловствомъ, незначительнымъ скотоводствомъ и весьма ограниченнымъ земледѣліемъ. Какъ только племена размножались, страна оказывалась не въ состояніи ихъ прокармливать, по скудости пастбищъ для скота и по недостатку земли для посѣвовъ. Неизбѣжны становились, съ одной стороны внутреннія ожесточенныя распри между племенами и ихъ частями за пастбища и культурныя земли, съ другой—выселеніе избытка населенія въ сосѣднія страны и набѣги въ долину Инда и въ бассейны Кабулъ-дарьи и Хильменда съ цѣлью грабежа. Эти набѣги естественно вызывали возмездіе со стороны властителей сосѣднихъ странъ, которые впрочемъ предпринимали походы на авгановъ, нерѣдко, и безъ всякой ихъ вины. Достаточное понятіе о такихъ нашествіяхъ даютъ записки султана Бабера. Этотъ тимуридъ, лишившись унаслѣдованной отъ отца Ферганы и потерявъ захваченный имъ самимъ Самаркандъ, успѣлъ въ 909 г. хиджры (1503—1504 по Р. Х.) завладѣть Кабуломъ и Газною. Въ 910 году, съ цѣлью доставленія добычи своему войску, онъ предпринялъ походъ въ Авганистанъ. Спустившись по долинѣ Кабулъ-дарьи до пишаверской долины, Баберъ проникъ чрезъ кохатскій проходъ въ долину Кохата, гдѣ и началъ грабежъ захватомъ множества быковъ и буйволовъ. Продолжая грабежи, онъ прошелъ, чрезъ Бану, до р. Гомула и далѣе по берегу Инда, по крайней мѣрѣ, до мѣстности нынѣшняго Дере-Гази-хана, откуда чрезъ Чотіали, озеро Абъистадэ и Газну вернулся въ Кабулъ (Mémoires, t. I, p.p. 320—341), „обойдя съ оружіемъ въ рукахъ добрую часть Авганистана и подвергнувъ грабежу всю его низменность“ (t. II, p. 59). Добыча заключалась главнымъ образомъ въ рогатомъ скотѣ и баранахъ, но почти всю ее пришлось побросать вслѣдствіе недостатка фуража на пути отъ Инда до Абъ-истадэ, гдѣ войско Бабера лишилось едва не всѣхъ лошадей отъ безкормицы. Кромѣ этого большого похода Баберъ упоминаетъ о нѣсколькихъ мелкихъ набѣгахъ на разныя авганскія племена (Mémoires, t. II, p.p. 2, 33, 34, 43 и пр.).

Авганы болѣе или менѣе упорно защищались отъ грабежей въ своихъ сенгерахъ или горныхъ укрѣпленіяхъ, дѣлали ночныя нападенія на лагерь Бабера, но хорошо вооруженные и опытные въ бояхъ воины султана всегда одерживали верхъ. „Когда авганы видятъ себя въ невозможности сопротивляться, они являются къ своимъ врагамъ, держа въ зубахъ траву и какъ бы говоря этимъ: я твой быкъ. Мы были очевидцами этого въ данномъ случаѣ“. Именно во время упомянутаго большого похода, войско Бабера окружило авганъ, занявшихъ одну гору, напало на нихъ со всѣхъ сторонъ, большую часть перебило, нѣсколькихъ же взяло въ плѣнъ и доставило къ султану. Эти „побѣжденные прибыли къ намъ, имѣя во рту траву. Я велѣлъ предать смерти тѣхъ, которыхъ привели ко мнѣ живыми. Головы (этихъ и перебитыхъ ранѣе на горѣ) были сложены въ пирамиду на мѣстѣ, гдѣ мы стали лагеремъ“ (Mém., I, p. 325). Такія пирамиды упоминаются или подразумѣваются въ описаніяхъ всѣхъ стычекъ Бабера съ авганами. Между тѣмъ это былъ одинъ изъ гуманнѣйшихъ и великодушнѣйшихъ людей своего времени. Онъ часто прощалъ измѣны и даже покушенія на его жизнь со стороны родственниковъ и дружинниковъ, заслуживавшихъ строгой казни. Но ограбленіе авганскихъ горцевъ и воздвиженіе пирамидъ изъ головъ тѣхъ изъ нихъ, кто защищалъ свое имущество и свободу отъ насилія, онъ считалъ дѣломъ нормальнымъ. Конечно отношенія и обращеніе съ авганами предшествовавшихъ Баберу владѣтелей Кабула, Газны, Кандахара, Синда и пр. были такія же и болѣе жестокія, какъ свидѣтельствуетъ подмѣченный Баберомъ обычай побѣжденныхъ авгановъ являться къ побѣдоносному врагу съ сѣномъ во рту: соотвѣтственно взглядамъ побѣдителей, плѣнные признавали себя не рабами ихъ только, а вьючнымъ скотомъ *).

Если дурныя стороны авганскихъ нравовъ и обычаевъ являются слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, ненормальной задержки авганскаго народа въ родовомъ бытѣ, въ такой стадіи эволюціи человѣческихъ обществъ, которая давно уже должна была быть имъ покинута, какъ не соотвѣтствующая болѣе потребностямъ его культурнаго, соціальнаго и политическаго развитія, то съ переходомъ на новую ступень соціальной эволюціи, по упраздненіи причинъ, должны упраздниться и ихъ слѣдствія, и авганскіе нравы освободятся отъ многаго, что не связано съ особенностями расоваго характера и темперамента.

*) Дармстетеръ предположилъ, что формула «я твой быкъ» индійскаго происхожденія. По этому поводу проф. С. Ф. Ольденбургъ замѣтилъ: «Формула эта дѣйствительно индійская и къ тому же очень старая, такъ какъ еще въ старинномъ санскритскомъ сборникѣ законовъ Гаутамы мы находимъ постановленіе, гдѣ, въ числѣ лицъ, которыхъ не дозволено трогать въ битвѣ, поименованы назвавшія себя коровами или брахманами» («Живая Старина», 1890 года, вып. 2, стр. 192). Но каково бы ни было первоначальное происхожденіе обычая, это не мѣшаетъ ему имѣть въ позднѣйшее время въ сознаніи его примѣняющихъ смыслъ, соотвѣтствующій ихъ времени и обстоятельствамъ.

Долгое пребываніе авганскихъ племенъ въ родовомъ бытѣ, неблагопріятно отразившееся на нѣкоторыхъ сторонахъ авганскихъ нравовъ, было однако необходимо, чтобы изъ этихъ племенъ выработался мощный и многочисленный народъ, обладающій достаточными силами для полученія своего особаго мѣста въ средѣ остальныхъ отдѣловъ или народовъ человѣчества. Если бы ничтожныя по своей численности первобытныя авганскія племена Сулеймановыхъ горъ оставили родовой бытъ и выступили на арену политической дѣятельности десять или болѣе вѣковъ тому назадъ, то по всей вѣроятности маленькій авганскій народъ былъ бы раздавленъ массами индійцевъ съ одной стороны и иранцевъ съ другой, подвергшись также истребленію и со стороны тюркскихъ и тюрко-монгольскихъ завоевателей. Напротивъ, оставшись въ родовомъ бытѣ, лишавшемъ возможности національно-политической дѣятельности, авганскія племена не только удержали свою самобытность, но послѣ массовыхъ истребленій населенія сосѣднихъ долинъ газневидами и въ особенности Чингизъ-ханомъ заняли опустѣвшія земли, принимая въ свой составъ остатки этого населенія. Процессъ объавганенія большей части уцѣлѣвшихъ остатковъ иранскаго, индійскаго и тюркскаго населенія долинъ и горъ, смежныхъ съ авганскимъ гнѣздомъ Сулеймановской горной системы, естественно потребовалъ многихъ вѣковъ, въ продолженіе которыхъ, пользуясь независимостью, болѣе или менѣе полною, въ своихъ горахъ, распространившіяся далеко за предѣлы ихъ авганскія племена признавали власть государей Индіи или Персіи. Лишь въ 1747 году, когда численность авгановъ достигла уже не менѣе 2—3 мил. душъ, воспользовавшись разложеніемъ Персіи послѣ гибели Надиръ-шаха и дряхлостью индійской имперіи потомковъ Бабера, одинъ изъ старѣйшинъ самаго западнаго изъ авганскихъ племенъ абдаліевъ Ахмедъ-ханъ успѣлъ основать національно-авганское государство, существующее съ другой династіей изъ того же племени и понынѣ. Это возникновеніе авганскаго государства и полутора-вѣковое уже его существованіе не есть только слѣдствіе „генія“ и выдающихся талантовъ Ахмедъ-шаха и основателя второй династіи Достъ-Мохаммедъ-хана, какъ обыкновенно утверждаютъ, а являются началомъ осуществленія назрѣвшей въ теченіе вѣковъ потребности авганскаго народа въ переходѣ отъ родоваго быта къ высшей стадіи соціальной эволюціи. Переходъ этотъ долженъ былъ получить начало именно въ западныхъ племенахъ, гдѣ власть наслѣдственныхъ хановъ давала прочную основу для возникновенія власти государственной, тогда какъ строй демократическихъ общинъ восточныхъ племенъ, исключалъ,—при отсутствіи по крайней мѣрѣ необоримой иными способами внѣшней опасности,—возможность политическаго объединенія племенъ и подчиненія ихъ постоянной единой власти.

Процессъ перехода авганскаго народа къ гражданскому быту сдѣлалъ конечно въ полтора столѣтія нѣкоторые успѣхи, но и теперь еще успѣхи эти не велики, такъ какъ родовой бытъ продолжаетъ господствовать не только въ восточныхъ племенахъ, но и въ западныхъ, гдѣ успѣла до нѣкоторой степени прочно утвердиться національно-государственная власть въ формѣ верховенства эмира кабульскаго. Тѣмъ не менѣе дальнѣйшее продолженіе процесса неизбѣжно и необходимо уже для возможности самаго существованія авганскаго народа въ видѣ самостоятельной народности, потому что иначе она не будетъ въ состояніи устоять предъ ставшими ея сосѣдями могущественными цивилизованными державами. Несомнѣнно также, что конечною цѣлью начавшейся у авганскаго народа соціальной эволюціи должно быть пріобщеніе къ европейской цивилизаціи. Обыкновенныя начальныя попытки къ этому пріобщенію уже выразились въ стремленіи эмировъ баракзійской династіи усвоить европейское оружіе и военную организацію. Регулярныя войска, по англо-индійскому образцу, заведены еще Ширъ-Али-ханомъ, а эмиръ Абдэррахманъ-ханъ пытается устроить въ Кабулѣ всевозможныя мастерскія, заводы и фабрики отъ оружейныхъ до производящихъ свѣчи и мыло. Заимствованіе европейской техники должно необходимо повести за собою усвоеніе и европейской науки, на которой основана техника. Между тѣмъ Абдэррахманъ-ханъ до сихъ поръ не рѣшился приступить къ учрежденію въ Кабулѣ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ европейскихъ наукъ, опасаясь вѣроятно упорнѣйшаго сопротивленія мусульманскаго духовенства, опирающагося на народную массу. Во всякомъ случаѣ мусульманство, какъ и въ другихъ странахъ, исповѣдующихъ исламъ, является едва-ли не главнѣйшимъ препятствіемъ пріобщенію авгановъ къ европейской цивилизаціи.

Историческихъ свѣдѣній о вѣрованіяхъ авгановъ до мусульманства нѣтъ. Вѣроятно нѣкогда пуштунская вѣтвь раздѣляла общеиранское поклоненіе огню, но свѣдѣнія Вендидада о томъ, что въ окружающихъ Сулеймановы горы странахъ господствовали враждебныя религіи, заставляютъ полагать, что вѣра Зороастра у авгановъ не имѣла того преобладанія, какимъ пользовалась у другихъ иранскихъ народовъ. Такъ въ Кабулистанѣ (Ваекерета) царила Pairika Khnathaiti, совратившая героя Кересаспу въ идолопоклонничество (Le Zend-Avesta, par James Darmesteter, vol. II, Paris, 1893, p. 10); въ области Кандахара (Harahvaiti, Арахозія) совершалось „неизгладимое преступленіе“—погребеніе мертвыхъ (p. 12), нарушающее священный законъ Зороастра; въ Сеистанѣ (Hâetumant, Этимандросъ, Хильмендъ) чинились злоупотребленія волшебства, магіи, очевидно индійскаго происхожденія (id., p. p. 12, 13). По всей вѣроятности, у древнихъ авганцевъ преобладали обычныя народамъ родоваго быта и горныхъ странъ обожанія

духовъ предковъ, горъ и пр., на ряду съ поклоненіемъ огню и богамъ сосѣднихъ Ирана и Индіи. Кроткій и мирный буддизмъ едва ли имѣлъ у авгановъ большіе успѣхи. Въ началѣ 640-хъ годовъ Сюань Цзанъ нашелъ буддизмъ въ соотвѣтствовавшей Сулеймановымъ горамъ странѣ Фа-ла-на (т. е. Varana, вѣроятно бассейнъ р. Курама, гдѣ нынѣ есть городъ и округъ Бану, см. Cunningham, Ancient Geography of India, 1871, London, p. 84) въ большомъ упадкѣ: существовавшіе ранѣе нѣсколько десятковъ монастырей представляли большею частію лишь развалины, тогда какъ пять храмовъ иновѣрныхъ боговъ „посѣщались множествомъ еретиковъ, натирающихъ себѣ тѣло пепломъ"; большая часть страны была занята горами и лѣсами; нравы были свирѣпые и жестокіе; жители отличались врожденной склонностью къ насилію и безчеловѣчію, чувствами низкими и подлыми, языкъ же ихъ немного походилъ на языкъ Средней Индіи (Mémoires sur les contrées occidentales, trad. par St. Julien, Paris, 1858, t. II, p. 184).

Арабы начали насажденіе ислама въ бассейнѣ Хильменда около времени путешествія Сюань Цзана, завоевавъ въ 642 г. Сеистанъ, но въ Фалана или Бану проникли они лишь въ 664 г.: по извѣстіямъ Беладори, въ этомъ году Мухаллабъ сынъ Абу-Самра „доходилъ до Banna и Alahwaz, которые лежатъ между Мультаномъ и Кабуломъ" (The History of India as told by its own historians, by sir Henry Elliot, ed. Dowson, London, 1867, vol. I. p. 16). Этотъ Банна обыкновенно признаютъ за нынѣшній Бану, Фалана Сюань Цзана. Въ 705—714 г.г. Мохаммедъ сынъ Касима, пройдя изъ Шираза чрезъ Белучжистанъ на устье Инда, завоевалъ Синдъ и Мультанъ (id., p. p. 119—123).

По мнѣнію Дарместетера, символъ вѣры, гласящій, что имущество невѣрныхъ принадлежитъ правовѣрнымъ, долженъ былъ сразу привлечь авгановъ къ мусульманству (Chants populaires des Afghans, Introduction, p. CLVI). Но во-первыхъ, весьма сомнительно, чтобы авганы, нравы которыхъ изображены Сюань Цзаномъ, нуждались въ религіозной санкціи грабежей, практиковавшихся ими и до мусульманства и продолжаемыхъ послѣ принятія ислама, безразлично противъ язычниковъ и магометанъ. Во-вторыхъ, на самомъ дѣлѣ мусульманство распространялось среди авгановъ весьма медленно, потому что въ концѣ XIV вѣка авганы Сулеймановыхъ горъ, по крайней мѣрѣ частію, еще пребывали въ язычествѣ: въ 1383 г.,—когда Тимуръ покорялъ и опустошалъ Сеистанъ,—опасаясь его нашествія, „авганы (ouganians), обитавшіе въ горахъ на югѣ отъ Кандахара", прислали изъ горъ Сулеймансвихъ (Couh Solyman) посла съ заявленіемъ покорности и съ просьбою дать для управленія ими даругу (deroga). Просьба была исполнена, но чрезъ нѣкоторое время получились извѣстія, что авганы возмутились. Посланнымъ

для усмиренія съ Хильменда отрядамъ авганы оказали упорное и успѣшное сопротивленіе, причемъ нѣсколько военачальниковъ Тимура было ранено, а эмиръ „Никпейшахъ, потерявъ жизнь въ бою противъ этихъ невѣрныхъ, пріобрѣлъ вѣнецъ мученика". Тимуръ долженъ былъ послать подкрѣпленія. Войска его окружили наконецъ авганскую крѣпость, овладѣли ею и побили всѣхъ авгановъ, не исключая и сдавшихся (Histoire de Timur-bec, par Cherefèddin, trad. par Pétis de la Croix, Paris, 1722, t. I, p. 383—385). Такъ какъ Баберъ не называетъ авгановъ невѣрными,—что не упустилъ бы онъ сдѣлать въ оправданіе своихъ грабежей и насилій противъ нихъ,—то слѣдуетъ полагать, что къ началу XVI вѣка уже всѣ авганы обратились въ исламъ и что, слѣдовательно, на омусульманеніе ихъ потребовалось семь или восемь столѣтій. Распространеніе мусульманства между авганами совершилось, надо полагать, двумя путями: съ одной стороны принятіемъ ислама авганами, служившими въ войскахъ и вообще на службѣ газневидовъ, гуридовъ и позднѣйшихъ мусульманскихъ государей Индіи и Газны, съ другой—проповѣдью мусульманъ-торговцевъ изъ Сеистана, Кабула и Мультана, которые водворяли мусульманство первоначально среди таджиковъ и тюрковъ, занимавшихъ долины Авганистана, а затѣмъ и среди авганъ, встрѣчая при этомъ содѣйствіе возвращавшихся въ свои племена на покой съ накопленными на службѣ богатствами и добычею воиновъ газневидскихъ, гуридскихъ и т. д. армій. Хотя въ средѣ авганскаго духовенства въ настоящее время множество сеидовъ, т. е. потомковъ дочерей пророка, какъ и въ другихъ магометанскихъ странахъ, но по всей вѣроятности большая часть этихъ сеидовъ составляетъ въ дѣйствительности потомство мѣстныхъ таджиковъ, сдѣлавшихъ исполненіе обязанностей муллъ наслѣдственнымъ занятіемъ. По свѣдѣніямъ Бабера, такъ называемые шейхъ-задэ, пользовавшіеся въ Индустанѣ при авганскихъ династіяхъ великимъ вліяніемъ и почетомъ и занимавшіе въ ихъ владѣніяхъ высшія духовныя и судебныя должности, происходили изъ Фермуля (Mémoires, t. 1, p. 306), т. е. изъ области верховьевъ рѣки Точи, населеніе которой говоритъ теперь по-авгански, но происхожденіе имѣетъ таджикское, а не авганское. При таджикскомъ духовенствѣ слѣдовало бы ожидать преобладанія между авганами шіитства, между тѣмъ почти всѣ авганы сунниты: здѣсь сказалось вліяніе свѣтской власти, суннизма газневидовъ и тимуридовъ. Изъ послѣднихъ Экберу приписывается подавленіе силою оружія распространившейся между авганами секты Пиръ-Рошана, умершаго въ изгнаніи въ 1585 году (Darmesteter, Chants populaires des Afghans, p. CLXXXV). Однако извѣстія историковъ о войнахъ Экбера съ племенами Хайбера, Баджаура и Свата, ознаменовавшихся пораженіями полководцевъ Экбера (The History of India, ed. Elliot and

Dowson, vol. V, p. p. 450—457, 467, vol. VI, p. p. 80—83, 101, 191, 192 etc.) даютъ основанія полагать, что войны эти носили со стороны Экбера скорѣе характеръ политическій, чѣмъ религіозный, и имѣли цѣлію обезопасить сообщенія Индіи съ Кабуломъ отъ грабежей и нападеній безпокойныхъ горцевъ. Сохранившіяся сочиненія Ахуна Дервазе, противника Пиръ—Рошана, свидѣтельствуютъ, что извѣстная часть авганскаго духовенства стояла за суннизмъ, но весьма сомнительно, чтобы народная масса у авганъ XVI вѣка способна была увлекаться религіозными раздорами. По всей вѣроятности юсуфзіи дали рошанайцамъ у себя убѣжище не изъ религіозныхъ побужденій, а какъ всякимъ другимъ изгнанникамъ, искавшимъ нихъ у пріюта на основаніи народныхъ обычаевъ. Религіозное чувство у авганскихъ племенъ слилось съ національнымъ самосознаніемъ и чувствомъ привязанности къ народной независимости не ранѣе XIX вѣка, сначала въ борьбѣ съ сейками и затѣмъ съ замѣнившими послѣднихъ англичанами, одинаково кафирами и одинаково стремившимися подчинить авганъ своей власти.

Конечно и другія религіи дѣлаются національными и играютъ иногда важную роль въ политическихъ столкновеніяхъ между народами, но мусульманство занимаетъ въ этомъ отношеніи особое положеніе, благодаря заповѣди пророка объ обращеніи въ исламъ всѣхъ невѣрныхъ или подчиненіи ихъ власти правовѣрныхъ. Выдаваемый враждебнымъ духовенствомъ за друга кафыровъ и потому за врага ислама, эмиръ Абдэррахманъ-ханъ въ изданной имъ въ 1887 году книгѣ о священной войнѣ, какъ мусульманинъ и авганецъ, не только не могъ отвергать обязательности джихада для всѣхъ мусульманъ, но отнесся къ велѣнію корана съ уваженіемъ и хвалою, признавъ войну противъ невѣрныхъ (въ числѣ ихъ упоминается Россія и подразумѣвается Англія) долгомъ всѣхъ правовѣрныхъ; вся его аргументація направлена затѣмъ къ тому, чтобы доказать, что вслѣдствіе силы невѣрныхъ и политической слабости мусульманъ, по грѣхамъ ихъ и волѣ Божіей, время для священной войны еще не наступило, и что опредѣленіе этого времени должно быть предоставлено государю ислама (т. е. эмиру), который одинъ можетъ правильно опредѣлить и оцѣнить благопріятствующія джихаду политическія обстоятельства внутри и внѣ страны. Враждебное духовенство не давало книгѣ эмира распространенія въ народѣ лѣтъ около десяти, но въ 1897 году, возбуждая восточныя авганскія племена къ общему возстанію противъ Англо-Индіи, муллы пустили въ обращеніе эмировскій „Таргибъ-эль-Джихадъ“, увѣряя, что эмиръ призналъ наступившимъ благопріятное для начала войны съ невѣрными время. Муллы такимъ образомъ съумѣли воспользоваться для своихъ цѣлей направленнымъ противъ нихъ трактатомъ эмира о джихадѣ, но вся эта исторія показываетъ, что въ мусульманствѣ,

какъ и въ другихъ религіяхъ, буква догмы допускаетъ различныя ея пониманія, а также разнообразныя примѣненія, зависящія отъ тѣхъ, кто ее истолковываетъ и примѣняетъ, т. е. между прочимъ отъ степени ихъ цивилизаціи *). Какъ ни медленно, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ и, можетъ быть, отчасти, расовыхъ условій, прививается цивилизація къ тюркамъ-османамъ, все же въ послѣднее полустолѣтіе она сдѣлала нѣкоторые успѣхи, по крайней мѣрѣ въ части высшихъ классовъ, такъ что нельзя еще рѣшительно отвергать возможности пріобщенія къ благамъ цивилизаціи и мусульманскихъ подданныхъ турецкаго султана. Далекіе отъ обычной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тюркамъ апатіи и косности и не уступающіе другимъ арійцамъ въ силѣ умственныхъ способностей **), энергичные и свободолюбивые авганы гораздо болѣе способны къ усвоенію европейской цивилизаціи, чѣмъ тюрки и даже чѣмъ ближайшіе ихъ соплеменники персы, и мусульманская ихъ религія можетъ лишь болѣе или менѣе тормозить, но не остановить перехода авганскаго народа изъ одряхлѣвшаго и разрушающагося родового быта на высшую ступень соціальной эволюціи, съ воспринятіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ европейской цивилизаціи.

---

*) Разсмотрѣвъ изданный въ 1898 году въ Тунисѣ сборникъ толкованій мусульманскихъ законовѣдовъ относительно вакуфовъ, извѣстный оріенталистъ O. Houdas нашелъ, что первоначальный принципъ неприкосновенности вакуфовъ былъ затронутъ ради увеличенія мечетей, потомъ для устройства публичныхъ дорогъ и наконецъ для общеполезныхъ предпріятій: «слѣдовательно мусульманскій законъ способенъ къ усовершенствованію въ весьма широкой мѣрѣ и притомъ средствами, непротивными ни закону, ни разуму» (Journal asiatique. 1899, Janvier-Février, p. 186). «По мнѣнію д-ра Snouk Hurgonje, весьма и весьма компетентнаго по всѣмъ вопросамъ. касающимся мусульманства, исламъ въ будущемъ, по требованію условій практической жизни, откажется отъ своей нетерпимости, откажется отъ джихада. войны за вѣру, и тогда онъ отъ остальныхъ религій будетъ отличаться лишь своимъ катихизисомъ и своими религіозными обрядами. Это случится, вѣроятно, лишь тогда, когда послѣдній центръ ислама окончательно поддается вліянію Европы, и всѣ болѣе или менѣе культурные мусульманскіе народы научатся подчиняться сильному европейскому правительству». Приводя это мнѣніе («Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія», 1899 г., октябрь стр. 374), А. Э. Шмидтъ соглашается также съ мнѣніемъ Отто Паутца о томъ, что причину культурной отсталости мусульманъ слѣдуетъ искать не столько въ ученіи ислама, сколько въ характерѣ народовъ, его исповѣдующихъ (тамъ же). и съ мнѣніемъ г. А. Крымскаго («Мусульманство и его будущность», Москва, 1899 г.), что вопросъ о культуроспособности ислама сводится къ вопросу о культуроспособности отдѣльныхъ мусульманскихъ народностей. а этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ безусловно въ положительномъ смыслѣ для персовъ и арабовъ и въ отрицательномъ—для турокъ, «пока они въ самостоятельномъ существованіи своего государства будутъ находить поддержку своей нетерпимой косности» («Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Археологическаго общества», томъ XII. Спб., 1899 года, стр. 25).

**) По словамъ одного изъ новѣйшихъ наблюдателей, афридіи, которыхъ онъ признаетъ выдающимися изъ пограничныхъ племенъ, замѣчательно интеллигентны, въ сравненіи же съ честными, но туповатыми, сейками, они колоссально интеллигентны; они быстро всему научаются, какъ только понадобится учиться (The Tirah, by colonel Holdich, въ Geographical Journal, 1898, October, p. 352).

Существующія до сихъ поръ свѣдѣнія о численности авганскихъ племенъ и населенія авганскихъ земель представляютъ собою лишь предположенія, не имѣющія достовѣрныхъ основаній. Такъ Эльфинстонъ въ первой четверти истекающаго столѣтія оцѣнялъ численность дураніевъ въ 100 т. семействъ или отъ 800 т. до 1 милл. душъ обоего пола, гильджіевъ же считалъ болѣе 90 т. семействъ (An Account of the Kingdom of Caubul, London, 1842, vol. II, p.p. 99, 100). Бернсъ полагалъ число гильджіевъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ 200 т. семействъ („Кабулъ", русскій переводъ, Москва, 1847 г., II, стр. 184). Нынѣ Раверти, оцѣняетъ численность дураніевъ въ 300 т. д., полагая цыфру воиновъ, которыхъ можетъ выставить это племя, въ 60 т.; гильджіевъ онъ считаетъ болѣе многочисленными, утверждая, что лишь одна ихъ вѣтвь, сулейманъ-хейль, состоитъ изъ 100 т. семей; численность всѣхъ авганъ, подвластныхъ эмиру, полагаетъ онъ всего лишь въ 900 т. душъ, въ независимыхъ же племенахъ, кромѣ юсуфзіевъ и населенія пишаверской долины, считаетъ до $1^1/_2$ м. д. (Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1894, April, p.p. 323, 326, 1895, January, p. 158). Въ The Stateman's Year-book for the Year 1899 (p. 339), гдѣ общая цыфра населенія владѣній эмира опредѣляется до 4 м. душъ, самымъ многочисленнымъ авганскимъ племенемъ признаются гильджіи—до 1 милл.

Англо-индійскіе дѣятели и генералы обыкновенно считаютъ, что независимыя отъ эмира авганскія пограничныя племена въ состояніи выставить около 200 т. воиновъ. Пользовавшійся свѣдѣніями семидесятыхъ годовъ Боульджеръ даетъ слѣдующія цифры воиновъ по племенамъ; юсуфзіи съ мандарами 70 т., баджаурцы—6 т., отманъ-хейли—5 т., моменды—20 т., афридіи—25 т., оракзіи—29 т., везиріи—45 т., итого 200 т. (England and Russia in Central Asia, London, 1879, vol. II, p.p. 290—297). По свѣдѣніямъ Белью (An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, 1891, p.p. 89, 96, 107), въ племенахъ афридіевъ, оракзіевъ и хаттаковъ считалось по 30 т. семействъ; въ одной изъ вѣтвей момендовъ онъ считалъ 16 т. семей (p. 86). Раверти (въ газетѣ The Mail 15 апрѣля 1895 года) полагалъ численность юсуфзіевъ въ 400 т. семей, продолжая, какъ видно, придерживаться явно преувеличенныхъ свѣдѣній, доставленныхъ ему многіе годы тому назадъ соглядатаями изъ туземцевъ; болѣе подходящи его цыфры для джадуновъ (или гадуновъ) 10 т. семействъ, гаджіаніевъ 8 т. сем., мохамедзіевъ 22 т. сем., теркаларніевъ (Баджауръ) 21 т. сем. и отманъ-хейлей 10 т. сем. Въ обитающихъ въ средней части долины рѣки Точи (Tochi или Tonchi), въ Даверѣ, вѣтвяхъ керларнійскаго племени шитакъ насчитываютъ до 20 т. сем. (Notes on Afghanistan etc., by Raverty, London

1880, p. 86). По Раверти же (I. and A. Quarterly Review, 1894, April, p.p. 319, 323) везиріи могутъ выставлять 45 т. воиновъ, но какеры многочисленнѣе. При исчисленіяхъ независимыхъ авганскихъ племенъ рѣдко упоминаются авганы Ягистана, т. е. страны долины Инда и его притоковъ выше Дербенда. Между тѣмъ здѣсь въ долинѣ праваго притока Инда, верхняя часть которой именуется Пурунъ, обитаютъ авганскія племена чагарзіевъ, фирузіевъ и мохозіевъ, могущія выставлять болѣе 20 т. ратниковъ, а выше ея лежатъ на правомъ же берегу Инда долины Канра и Горбендъ, имѣющія отъ 6 до 7 т. воиновъ. Напротивъ, на лѣвомъ берегу Инда, находятся долины Нундіаръ и Алай съ 15 т. воиновъ («Народы, населяющіе Хинду-кушъ», сочиненіе маіора Биддельфа, перев. П. М. Лессара, Асхабадъ, 1886 г., стр. 8—10).

Относительно общей численности авгановъ и подвластныхъ имъ народностей надо имѣть въ виду, что во время посольства Эльфинстона ко двору Шахъ-Шуджи въ 1809 г. въ авганскихъ владѣніяхъ считалось 14 милл. душъ, въ томъ числѣ 4.300.000 авгановъ, но тогда шаху Авганистана принадлежали еще Пенджабъ, Кашмиръ, Белучжистанъ (L'Afghanistan, par N. Perrin, Paris, 1842, p. 5). Въ пятидесятыхъ годахъ Белью считалъ численность всѣхъ авгановъ не превосходящею 3 милл. душъ (Journal of a Political Mission to Afghanistan in 1857, by H. W. Bellew, London, 1862, p. 20). Въ семидесятыхъ годахъ, руководствуясь свѣдѣніями полк. Макъ-Грегора, Юль опредѣлялъ цыфру населенія владѣній эмира въ 4.901.000 д., въ томъ числѣ 2.359.000 авгановъ (Encyclopaedia Britannica, изд. 1878 г.). Vivien de St.-Martin (Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle, Paris, 1879, vol. I, p. 26), примѣрно полагалъ населеніе Авганистана (слѣдуя Edward Thornton'y—A Gazetteer of the countries adjacent to India on the North-West, London, 1844) въ 5.120.000 д., въ томъ числѣ 3.420.000 д. собственно авгановъ (считая независимыя племена и даже частію патановъ британской территоріи), 1½ милл. таджиковъ, хиндковъ и кызылбашей и 200 т. д. хезарейцевъ и аймаковъ, но совсѣмъ упуская изъ вида населеніе на сѣверѣ Хиндукуша.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Э. Реклю оцѣнялъ населеніе владѣній эмира въ 4.100.000 д., изъ которыхъ половина авганы («Всеобщая географія», русскій переводъ, изд. Ильина, томъ IX, стр. 70). Въ девяностыхъ годахъ извѣстный географъ Кинъ опредѣлялъ населеніе Авганистана въ 5.963.000 д., въ томъ числѣ 3 м. авгановъ (Stanford's Compendium of Geography and Travel, Asia, vol. II, by A. H. Keane, London, 1896, p.p. 21, 203).

Всѣ эти довольно несходныя исчисленія основаны у большинства авторовъ не столько на свѣдѣніяхъ отъ туземцевъ,— изъ которыхъ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія лишь относящіяся къ численности воиновъ, ибо это, пожалуй, единственный предметъ, которымъ могутъ интересоваться воинственные авганы,—сколько на собственныхъ соображеніяхъ и предположеніяхъ. Сравнивъ мнѣнія разныхъ авторовъ и воспользовавшись нѣкоторыми данными новѣйшаго времени, сдѣлаю и я попытку предположительнаго опредѣленія численности авгановъ.

Во владѣніяхъ эмира кажется возможнымъ полагать численность авгановъ около 2 милл. душъ обоего пола, въ томъ числѣ дураніевъ и гильджіевъ по 650 т. д., такъ что на остальныя менѣе многочисленныя племена останется 700 т. д. Для опредѣленія численности авгановъ независимыхъ племенъ могутъ служить свѣдѣнія о выставляемыхъ ими воинахъ. Но къ цыфрѣ въ 101 т. ратниковъ на сѣверѣ отъ Кабулы-Дарьи слѣдуетъ прибавить 41—42 т. воиновъ Ягистана, а къ цыфрѣ въ 99 т. ратниковъ на югѣ отъ Кабулъ-Дарьи надо добавить 30 т. могущихъ носить оружіе хаттаковъ и 20 т. даверцевъ, такъ что общая цыфра воиновъ независимыхъ племенъ окажется круглымъ счетомъ въ 300 т. Если цыфры Боульджера и другихъ о числѣ воиновъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ племенъ преувеличены, то общая сумма, однако, далеко не менѣе дѣствительной, потому что въ свѣдѣнія Боульджера не вошло много мелкихъ племенъ, включеніе которыхъ съ избыткомъ покроетъ преувеличенія. Полагая, что каждому воину соотвѣтствуетъ до 5 душъ обоего пола, получимъ населеніе независимыхъ племенъ въ 1½ милл. душъ.

По переписи населенія британской Индіи 1891 г. оказалось въ Пенджабѣ, Синдѣ, Бомбейскомъ президентствѣ и пр. 1.080.931 ч., признающихъ пушту своимъ роднымъ языкомъ. Хотя источникъ нашъ (Statistical Abstract relating to British India, Number 31) не даетъ данныхъ о распредѣленіи этихъ авгановъ по мѣстностямъ, но такъ какъ въ принадлежащихъ Пенджабу коммисіонерствахъ пишаверскомъ (округа: Пишаверъ, Хезаре и Кохатъ) и дереджатскомъ (Дере-Измаилъ-ханъ, Дере-Гази-ханъ, Бану и Музафаргаръ) значится по переписи 3.066.834 д. о. п., то слѣдуетъ полагать, что приведенная цыфра относится къ британскимъ афганамъ, обитающимъ, главнымъ образомъ, въ упомятыхъ коммисіонерствахъ Пенджаба, въ количествѣ около 1 м. Белучжей въ тѣхъ же мѣстностяхъ Индіи, гдѣ афганы, показано по переписи всего 219.475 д. Отсюда слѣдуетъ, что остальное населеніе двухъ коммиссіонерствъ, до 2 м. д., состоитъ изъ индусовъ разныхъ племенъ и вѣроисповѣданій. Въ Британскомъ Белучжистанѣ считается къ 1891 г. 145.417 душъ и въ округѣ Кветты 27.270 д. о. п. (The Statesman's Year-book for 1898, p. 120).

Такимъ образомъ, во владѣніяхъ эмира авгановъ около 2 м., въ независимыхъ пограничныхъ племенахъ 1½ м., въ британскихъ владѣніяхъ считая «Британскій Белучжистанъ» болѣе 1 м., а всего авгановъ надо полагать около 4½ милл., можетъ быть до 5 м. д.

Что касается до другихъ народностей, то во владѣніяхъ эмира, согласно мнѣніямъ разныхъ авторовъ, можно полагать отъ 2 до 3 м. душъ, а именно въ Авганскомъ Туркестанѣ узбековъ, туркменовъ и вообще тюрковъ отъ 250 до 500 т. и таджиковъ въ Бадахшанѣ съ принадлежностями отъ 150 т. до 200 т., въ Хиндукушѣ же съ его продолженіями и на югѣ отъ него хезарейцевъ и аймаковъ отъ 600 до 700 т., кафировъ отъ 100 т. до 150 т., таджиковъ отъ 500 до 800 т., кызылбашей отъ 100 до 150 т., джатовъ, индусовъ и вообще индійскихъ племенъ отъ 200 до 300 т., белучжей и разныхъ

мелкихъ народностей отъ 100 до 200 т. Итого во владѣніяхъ эмира неавганскаго населенія отъ 2 м. до 3 м., а съ авганами отъ 4 до 5 м. д. о. п.

Извѣстно, что въ земляхъ независимыхъ племенъ мѣстами еще сохранились не совсѣмъ объавганенными остатки ранѣе обитавшихъ тамъ народностей, что торговля и ремесла находятся преимущественно въ рукахъ индусовъ и отчасти таджиковъ и что пѣвцы, музыканты и т. д. принадлежатъ къ индійскимъ кастамъ или отъ нихъ происходятъ, но сколько нибудь достовѣрныхъ и опредѣленныхъ цыфръ о численности не—авгановъ въ земляхъ независимыхъ племенъ не имѣется.

Н. А. Аристовъ.

Ноябрь 1899 года.

ОТДѢЛЪ II.

Списокъ Тобольскихъ словъ и выраженій

записанныхъ въ Тобольскомъ и Тюменскомъ въ Курганскомъ, Тюменскомъ и Сургутскомъ округахъ, въ двухъ первыхъ д. чл. Патканова, въ трехъ послѣднихъ чл. сотр. Зобнинымъ и приведеныхъ въ алфавитный порядокъ студ. И. СПб. Унив. Николаевымъ.

А.

Абыгать—просохнуть. П.

Абызить—громко плакать. З.

Абызъ—крикунъ (кажется заимствовано у татаръ). З. Абызъ—тат. слово (изъ арабск. хафизъ) значитъ: ученый, образованный (обыкнов. про духовныхъ лицъ). П.

Адъ—мѣсто мученія грѣшниковъ, въ аду вѣчно горитъ огонь и кипитъ смола. З.

Азямъ—родъ легкаго армяка П.

Аки—отецъ. З. (съ вогульскаго: аки—старшій братъ отца). П.

Ангарка—барка. П.

Андили-Архандили—добрые духи, посылаемые отъ Бога. Въ одномъ отрывкѣ изъ духовнаго стиха о нихъ говорится:

Летѣли, летѣли
Два андиля съ небесъ,
Будили, будили
Раба своего:
«Что ты, нашъ рабъ,
Долго спишь не пробудишься,
Долго спишь не пробудишься,
Господу Богу не помолишься». З.

Анька—остячка. (Слово происходитъ отъ остяцк.: анка—«мать»). П.

Аршинный чай (тоже, что: полевой) лабазникъ, таволга—Spiraea ulmaria, листья и цвѣты которой употребляются наиболѣе бѣдными вмѣсто чая. Названіе «аршинный»—насмѣшка на то, что этотъ чай не покупается на фунты. П.

Ахинѣя—вранье, вздорный разговоръ З.

Б.

Бабашка см. наплавокъ П.

Бабка—суслонъ хлѣба (Тюм. окр.). П.

Бабьи запуки см. запуки. З.

Багульникъ—растеніе дикій розмаринъ; служитъ для окуриванія петель при ловлѣ зайцевъ. З.

Базарная пудовка—казенный четверикъ (Тоб. окр.). П.

Базынить—громко плакать; см. абызить. З.

Баить—говорить. П.

Балаганъ. Въ хорошую погоду обыкновенно въ полѣ ночуютъ въ балаганахъ. Для устройства балагана необходимъ холщевый пологъ, который натягивается на шести невысокихъ колышкахъ, образуя закрытое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе для двухъ или трехъ человѣкъ. Балаганъ защищаетъ отъ комаровъ и частью отъ холода. З.

Бало—снарядъ, вокругъ котораго загибается полозъ. З. П.

Бальни—пушистыя почки на вербахъ, камышѣ. З.

Банка (т. е. банкъ) ссудо-сберегательное товарищество (Боганд. вол. Тюм. окр). П.

Банной.—Въ народной памяти сохранилось чутье того, что и баня служила нѣ-

когда мѣстомъ обитанія нечистаго духа. З

Бàрани—барыня. З.

Бàришна—барышня. З.

Баскòй—хорошій. З.

Васскòй—красивый, изукрашенный. П.

Батàть—пугать рыбу батухой. П.

Батàуха—см. рѣжевка. Батаухой снарядъ называется, потому что часто ею ловятъ рыбу, пугая послѣднюю при помощи «батаухъ» или «батухъ», своего рода полаго деревяннаго стаканчика на палкѣ, которымъ ударяютъ по водѣ. П.

Бàтикъ—палка съ утолщеніемъ на одномъ концѣ. З.

Бàтъ—лодка, родъ корыта. З.

Бàтъ—грубо обдѣланный плоскодонный челнъ изъ толстой сосны. П.

Башлыкъ—рыбакъ, руководящій ходомъ невода. П.

Безменъ—мѣра вѣса въ $2^1/_2$ ф., напр. масла (Тюм. окр.). П.

Безперечь—безпрестанно. З.

Безъ покупи—см. покупи. З.

Бекѐтъ—зимой по торговому тракту изъ Тюмени въ Ирбитъ устраиваются ночные караулы; караульщики помѣщаются въ конусообразныхъ шалашахъ. Такіе сторожевые пункты называются бекѐтами (пикетъ). З.

Бекѐшка плисовая или суконная—праздничная верхняя одежда мужчинъ. З.

Береговòй—рыбакъ, который охраняетъ невода на берегу. На 2—3 невода полагается одинъ «береговой». П.

Берекчи—беречь (ср. пекчи). П.

Берѐмя.—Берѐмя получится, когда человѣкъ наберетъ себѣ въ руки, напр. беремя дровъ и др. З.

Билѐвыя чулки—чулки, (а чулки носятъ лишь женщины), связанныя изъ льняныхъ бѣленыхъ нитокъ. З.

Биси—общее обозначеніе той части нечистой силы, которая имѣетъ назначеніемъ вводить человѣка въ грѣхъ. З.

Бить—приготовлять постное масло. З.

Благословить — завѣщать, пожертвовать, напр. «онъ благословилъ (завѣщалъ) ему свою землю». (Тюм. окр.). П.

Богатѣй—богачъ. З.

Боеракъ—логъ, буеракъ—логъ З.

Божница—деревянная полочка для иконъ въ переднемъ углу. З.

Болдырь — бугоръ, возвышенность, курганъ. П.

Борноволòкъ—мальчикъ лѣтъ 7—11. Слово происходитъ отъ глагола борона; при полевыхъ работахъ дѣти вышеуказаннаго возраста бываютъ борноволòками, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, что они ѣздятъ верхомъ на первой изъ запряженныхъ въ бороны лошадей. З.

Вороновало П. см. Борноволокъ.

Боры—складки на верхней части юбки. З.

Боярка—ягода боярышника. П.

Бредень, бредничекъ—небольшой частый неводъ. П.

Бродни—будничная мужская обувь З. П. Бродни состоятъ изъ «низкòвъ», сдѣланныхъ изъ обработанной и вычерненной яловой кожи и голенищъ изъ некрашенной конской. П.

Брякотнà—стукъ. напр. отъ топота лошадей. П.

Брякунецъ—бубенчикъ. П.

Букарица—какое-то пугало, обитающее въ подпольѣ З.

Бусъ—мучная пыль, получающаяся на мельницѣ; отсюда глаголъ забусить З.

Бусырь—въ выраженіи: «онъ съ бусырью»—сердитый. (въ Сургутѣ). З.

Бывàтъ—можетъ быть, авось; «авось» не употребляется. З.

Быдто—будто (см. однако). П.

Быкъ—волъ. П.

Бѣдниться—жаловаться на свою бѣдность. З.

Бѣлая рыба—рѣчная, озерная рыба (окунь щука, ершъ и т. д.) въ противоположность красной (осетръ, стерлядь), водящейся въ крупныхъ рѣкахъ. П.

Бѣликъ—свѣтлая почва. Этимъ именемъ крестьяне именуютъ всякую свѣтлую землю: глину, суглинокъ и песчаную. П.

Бѣлковàть—бить бѣлку. П.

Бѣлодушка—лисица съ бѣлой грудью—самый дешевый лисій мѣхъ. П.

Бѣлотальникъ—порода ивы. П.

Бѣлотурка—порода пшеницы (Тюм. окр.). П.

Бѣльникъ—береза. П.

Бѣльникъ—см. метлика (Тоб. окр.).

Бѣлякъ—бѣлый заяцъ. П.

В.

Вальбишшо имя сущ.—мѣсто выкатанія лошадью. З.

Ваньзя—простофиля. З.

Вàрево—похлебка, ухà, супъ. П.

Варенецъ—творогъ, простокваша и вареное молоко. З.
Ва̀рка—остяцкое кушанье изъ рыбьихъ внутренностей. П.
Варна̀къ—каторжный, бѣглый, ссыльный. П.
Варя пива—количество пива, въ которомъ его варятъ; такъ напр. небольшая варя—корчагъ 5—6, большая варя—корчагъ 10—14. З.
Ва̀ряга—вязаная рукавица. З.
Ватлать—праздно болтать языкомъ. З.
Вдругорядь—въ другой разъ. З.
Вѐньгать, веньгаться—капризно плакать. З.
Вепрёнокъ—боровъ. П.
Верёвочка.—Вольные ямщики передаютъ своихъ сѣдоковъ своимъ знакомымъ, которые передаютъ ихъ такимъ же образомъ дальше, это называется «верёвочкой». П.
Веретено—см. снаряды.
Вѐретье—продольная гривка, возвышающаяся надъ сосѣдними логами. П.
Верхо̀нки или **кожанки**—кожаныя рукавицы (см. исподки.) П.
Весенній песокъ—рыболовное мѣсто, на которомъ промышляютъ неводомъ въ маѣ и іюнѣ. П.
Весло—весло кормовое (см. гребля). П.
Весни̂на—овечья шерсть, получаемая въ маѣ. З.
Ветля̂ность—общій терминъ трехъ качествъ: привѣтливость, обходительность и разговорчивость. З.
Ветляной человѣкъ—живой и разговорчивый, привѣтливый, сангвиникъ. З.
Ветхій—старый, слабый; **ветхая пашня**—пашня истощенная, преимущественно дальняя, которая никогда не удобряется; вообще пашня, которая не можетъ дать послѣ залежи болѣе одного и много двухъ урожаевъ. П.
Вило̀къ—кочань капусты (мн. г. вилки). З.
Винный тузъ—пиковый тузъ. З.
Вирить—вѣрить. З.
Вѣгли—вѣяли. З.
Вѝтлинки нѣтъ—выраженіе, характеризующее недостатокъ сѣна и соломы. З.
Вицы или **ляпуни̂**—четыре небольшихъ деревца, связанныя попарно вершинками и перекинутыя черезъ верхъ стога, чтобы придать ему прочность. (Тюм. окр.). П.
Вклепа̀ться—обознаться, не узнать. З.
Вклепа̀ться—вторгнуться (напр. «они вклепались въ чужую землю»). П; не узнать человѣка. З.
Водопойный—сочный (про траву). З. П.
Водяни̂къ—ограда, которая приходится на мѣстѣ, заливаемомъ водой и часто сносится теченіемъ. (Тоб. окр.). П.
Водяной—см. лѣсной.
Воетъ улевью—плачетъ, заливаясь горькими слезами. З
Воло̀тка—экземпляръ хлѣбнаго растенія; поэтому послѣ полнаго неурожая говорятъ: «ничего нѣтъ, ни единой волотки»; волотки—также одна соломка. З.
Вольха̀—ольха. П.
Вопля̂вь—полно съ краями. З.
Воро̀бы—см. снаряды.
Воро̀тникъ—сторожъ на почтовой дорогѣ. З
Воротцами играть—двое изъ играющихъ, ставши на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и поднявши вверхъ по одной рукѣ, держатъ платокъ, образуя ворота; въ эти воротца пробѣгаютъ одна за другой пары; каждая пара, выбѣжавшая изъ воротъ первою, становится такъ же, образуя новыя ворота и т. д. З.
Ворохъ—куча зеренъ. З.
Воспода—вмѣсто господа. З.
Востокъ, встокъ—сѣверо-восточный вѣтеръ. П.
Вострохво̀стка—порода дикихъ утокъ. П.
Восьмерики—лежащія кучи по 8 снопов̀ъ. З.
Вотчина: 1) земля, которою владѣетъ сельская община или частное лицо, независимо отъ того, собственная ли она или казенная. 2) настоящее значеніе этого слова—земля частновладѣльческая, прикупленная и владѣемая крестьянами или другими лицами на правахъ собственности. П.
Вотчинникъ: 1) владѣлецъ вотчины; 2) духъ—покровитель мѣстности, понятіе, по всему вѣроятію, усвоенное отъ остяковъ, какъ и кровавыя жертвы этому духу (сѣв. часть Тоб. окр.). (Ср. мою работу: «Irtysch-Ostjaken» I, стр. 112). П.
Втулкъ—закрышка, которою замыкается отверстіе наружнаго конуса морды, открываемое для вытряхиванія рыбы. З.
Въсыль—въ аккуратъ. З.
Выбирать—выводить узоры (бранная скатерть). Въ пѣснѣ поется:

Ужъ вы дары, мои да̀ры,
Честны мои придан̀ы.
Я не годъ васъ, дары, пряла,
Не два вы̀бирала,
Въ единъ часикъ раздирала». З.

Вы̀боръ—см. іорда̀нъ. П.

Выкручивать подать—насильственными мѣрами заставлять платить подать. П.

Вы̀мочка—низкое мѣсто на пашнѣ, гдѣ весной долго застаивается вода, отъ которой вымокаетъ, т. е. портится посѣянное зерно. П.

Выпадетъ—выраженіе «изъ велйка не выпадетъ» т. е. лучше сшить и неудобно и некрасиво, лишь бы не узко, «не въ обтяжку». З.

Вы̀пашка—выпахавшаяся пашня. П.

Вы̀плавать песокъ—рыбаки на 2 лодкахъ ѣдутъ по данному мѣсту рѣки и волокутъ по дну канатъ, который задѣваетъ за «карчи» или «задѣвы»; послѣднія потомъ вытаскиваютъ при помощи во̀рота. П.

Вы̀пряжъ—время, въ которое можетъ выходить лошадь въ сохѣ безъ корчевжки и перепряжки; на выпряжъ—т. е. на запряжку. З.

Выплѣть—сгорѣть («напр. въ вѣтеръ мѣстами и кошенина выплѣваетъ»). П.

Вѣжливецъ—титулъ главнаго участника въ свадьбахъ: это учитель вѣжливости и учтивости, хранитель установленныхъ искони вѣковыхъ свадебныхъ обычаевъ, порядковъ и обрядовъ. Другое имя вѣжливца—вражной т. е. вѣдающійся съ нечистою силой. З.

Вѣкъ-не-въ-домекъ—говорятъ про недогадливость свою или чужую. З.

Вѣсилъ на фунта̀ т. е. продавалъ мясо по фунтамъ. З.

Вѣтряная болѣзнь—сибирская язва, которую приписываютъ вѣтру. П.

Вѣщица—оборотень, имѣющій своимъ назначеніемъ насильственно и преждевременно извлекать плодъ изъ беременныхъ женщинъ и полезныхъ домашнихъ животныхъ. Существо злое. З.

Вядйльникъ—длинныя жерди или хворостины, при помощи которыхъ городятъ или загораживаютъ чердакй (рыбол. снарядъ). П.

Вязникъ—порода ивы.

Г.

Гадъ—вредное животное, птица; напр., «гадъ всю шишку поѣлъ» значитъ—что птицы (ронжа) поѣли всѣ кедровые орѣхи. П.

Гвоздь—малая стерлядь, около ¼ арш. дл. П.

Гиблый—погибельный, бѣдный (напр.: «наше мѣсто самое гиблое»). П.

Гилькать корову—доить. З.

Глезь, глёзка—гололедица. (Сургутъ). З.

Глубнйкъ—сѣверо-западный вѣтеръ. П.

Глуздать—ворковать, не спать (говорятъ о ребенкѣ); разговаривать, говорится про ребенка, начинающаго проявлять признаки осмысленности. З.

Глухо—душно (про воздухъ). П.

Глухота̀—душное состояніе воздуха («какая глухота̀ стоитъ!»). П.

Глушить рыбу—оглушать ее ударами по тонкому прозрачному льду—способъ лова рыбы. П.

Глянýться - нравиться («напр.: мнѣ это глянется»). П.

Гнусйна—вредное животное: мышь, крыса, волкъ. П.

Гнусъ—то-же (см. гнусина), но въ болѣе общемъ смыслѣ. Это названіе прилагается къ вреднымъ насѣкомымъ: комаръ, блоха, клопъ, таракапъ; къ птицамъ—ронжа, сойка, истребляющимъ кедровые орѣхи; къ животнымъ—мышь, волкъ. П.

Гóголь—порода водяной птицы. П.

Гогона̀—неприличная пѣсенная прибаутка З.

Гòить—улучшать, ухаживать, холить, дѣлать годнымъ, напр. «хлѣбъ гоить» значитъ удобрять; луга или брусничные бора̀ «гоить» — выжигать; ленъ гоить — вымачивать на лугу т. е. стлать; холить; напр.: «у нихъ бора̀ гоевные» т. е. они заботятся о своихъ борахъ, не даютъ ихъ заваливать хворостомъ и выжигаютъ во время); П. Дѣлать лучше; гоить человѣка ухаживать за нимъ (въ физическомъ смыслѣ). З.

Голбецъ—такъ называется иногда подполье. З.

Голосянку тянутъ—характеристика вялого растянутаго говора (langage) жителей слободы Устьницынской въ Тюм. окр. З.

Голубая лисица—чернобурая. П.

Гонить—гнать, напр.: «гонитъ (или гнать) гоньбу» — отбывать волостную или сельскую подводную повинность. П.

Гонъ, переѣздъ—часть полосы пашни въ 10—20 с., которую проѣзжаютъ сохой въ одинъ разъ, не поварачивая ее. (Кугаевская, Бронниковск. и Уватская вол. Тобол. окр.). П.

Гора—нагорный берегъ крупной рѣки (Оби, Иртыша). П.

Горбатая—эпитетъ смерти. З.

Горбунёцъ (или **мамка**)—водяной таранъ (ракообразное Gammarus pulex). П

Горбуша—коса на короткой палкѣ, бывшая прежде во всеобщемъ употребленіи въ Тобольскомъ округѣ и теперь уцѣлѣвшая по Кондѣ и въ другихъ глухихъ углахъ его; вытѣснила ее литовка, которая ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной косы. П.

Горчавка—Alisma plantago, растеніе, растущее на влажныхъ мѣстахъ (Тоб. окр.). П.

Горькая трава—см. **шиштабарникъ**. П.

Гоубецъ—досчатый ящикъ, прикрывающій входъ въ подполье. З.

Грёбля, гребь—весло боковое. П.

Гребтитъ—мѣшаетъ. З.

Грибъ—имя это приложимо къ извѣстной растительной особи опёнку и веѣхъ на него похожихъ; другіе наши грибы этимъ именемъ не называются. З.

Грибъ—прозвище жителей деревни Черемновой, на берегу рѣки Туры. З.

Грѣхъ—ссора. (см. грѣшить). П.

Грѣхи.—Человѣкъ въ своей жизни ежедневно и ежеминутно творитъ грѣхи. За праведную жизнь грѣхи отпускаются. За каждую убитую змѣю сбавляютъ сорокъ грѣховъ. З.

Грѣшить—спорить, тягаться (о тяжущихся говорятъ: «они грѣшатъ между собою, промежъ нихъ вышелъ грѣхъ»). П.

Грядка—полка, идущая отъ печи къ стѣнѣ. З.

Гулеванка—любовница. З.

Гулёвый—не работающій (конь). П.

Гулящій—свободный, незанятый дѣломъ, праздношатающійся. «Гулящій конь»—лошадь, которая въ данное время не предназначается для работъ или слишкомъ молодая для этого. «Гулящая дѣвка»—дѣвушка, ведущая легкій образъ жизни. П.

Гунить—плакать. З.

Гусь—самоѣдская одежда изъ оленьяго мѣха съ капюшономъ. Онъ носится надъ малицей и имѣетъ мѣхъ снаружи. (Съ остяцкаго; сѣв. нар. кусъ). П.

Д.

Дармовать—охотиться на лося и оленя по насту или съ лодки, прикрытой ивовыми вѣтвями. П.

Дармовщикъ—лицо, охотящееся на лося и оленя по насту или съ лодки. П.

Даха—шуба изъ оленьихъ шкуръ, обыкновенно изъ двухъ слоевъ ихъ, причемъ верхняя обращена мѣхомъ наружу, нижняя—во внутрь. Носится преимущественно въ городахъ болѣе привиллегированнымп сословіями: купцами чиновниками; стоитъ отъ 50 до 200 рублей. П.

Двоедамъ—старообрядецъ. З.

Дворникъ—содержатель постоялаго двора, двора для ямщиковъ. П.

Дворничать—содержать постоялый дворъ. П.

Дворъ—домъ съ пристройками. З.

Деженъ—толокно съ кислымъ молокомъ; ѣдятъ, прихлебывая жидкимъ молокомъ. См. кислое молоко. З.

Дѐкуется—обнаруживается присутствіе нечистой силы. З.

Дерйга—сорная трава (Echinospermum lappula). (Тюм. окр.) см. **лепуха**. П.

Деревянный огонь—огонь, добытый при помощи тренія другъ о друга двухъ деревяшекъ. Этотъ огонь поддерживаютъ лѣтомъ около деревень, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ (и многихъ инородцевъ Сибири), онъ помогаетъ отъ падежей скота; жгутъ навозъ. П.

Десятокъ—часть сотни или сельскаго общества (см. «сотня»). П.

Дивно, шибко—очень («дивно высоко, шибко далеко»). П; **дивно**—достаточно, много. З.

Дивоваться—удивляться. П.

Диганиться—ломаться; шалить. З.

Дикая пошлина*)—денежный штрафъ. З.

Докуль—до какихъ поръ. П.

Долонь—чистое мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ (см. токъ). П.

Домовище—гробъ. З.

Дорогая трава—сассапарель, употребляется при лѣченіи сифилиса. П.

*) Важно знать, личный ли или общинный, со всей деревни взыскиваемый, штрафъ. Память о дикой вирѣ. Ред.

Досѐльный—древній. З.

Достигàть—догонять; достигу̀ или сустигу̀ значитъ догоню; формà достичь не употребляется. З.

Дойти, уйти—поспѣть, напр. «хлѣбъ не дошелъ въ этомъ году». П.

Дребезги—мелкіе осколки (разбить въ мелкіе дребезги). З.

Дубрàва—березовая, осиновая или мѣшанная роща, но съ преобладаніемъ лиственныхъ породъ. П.

Дубрòва—отдаленный покосъ. З.

Дубъ—ивовая кора (употребляется, какъ дубильное вещество при обработкѣ кожъ). П; засушенная кора, содранная съ кустарниковъ тальника и пр. З.

Духъ («заморъ», «загоръ») особенное состояніе воды въ крупныхъ рѣкахъ Сибири въ зимнее время. Она дѣлается малопрозрачной, невкусной и даетъ осадокъ. Вода эта вредна для питья; также и рыбы ея не выносятъ, а собираются около ключей, гдѣ вода свѣжая, ключевая. П.

Дылда—весьма высокаго роста человѣкъ. З.

Дымоку̀ръ.—Дымокуръ устраивается для полученія дыма, который отгоняетъ комаровъ. Зажигаютъ щепки, а потомъ ихъ засыпаютъ землей или золой. З.

Дырявая команда—насмѣшливое прозвище бабъ, преимущественно толпы рабочихъ женщинъ. П.

Дѣвàха—дѣвочка, дѣвушка. П.

Дѣвòчка—тоже. П.

Дѣлежка—отдѣльный участочекъ пашни каждой категоріи, которая приходится на душу. П.

Дѣлъ—мѣра земли въ 800 с. (20.40 с.), которая примѣняется въ Юровской вол. Тоб. окр. Какъ видно, «дѣлъ» равенъ двумъ «прогонамъ». Мѣстами «дѣлъ» меньше и равенъ 200—400 кв. с. (10—20. 20 с.). П.

Дѣль—1) мѣра сѣти въ 1 арш. ширины 1 саж. длины. 2—3 дѣли образуютъ «столбъ» (Тюм. окр); 2) Часть сѣти, приходящаяся на долю каждаго пайщика въ сшивномъ неводѣ. 3) участокъ земли, приходящійся на душу или на группу лицъ. П.

Дѣлянка, дѣляночка—тоже. П.

Дѣльная пашня—пашня, которая дѣлится по душамъ, въ отличіе отъ распашекъ, которыя по большой части принадлежатъ лицамъ, поднявшимъ новь. П.

Дѣтенышъ см. манйло. П.

Е.

Егорьевъ день—23 апрѣля. П.

Ейи—старшій братъ; дядя, братъ отца. З. (съ остяцкаго, сѣв. нарѣч.: яи; южн.: яя—тоже). П.

Елàнь—чистое мѣсто въ лѣсу, поросшее травой. П.

Елка—хвощъ (Equisetum vulg.), растущій между прочимъ въ видѣ сорной травы на пашняхъ Тюм. окр. П.

Брестùться—ругаться, злиться. З.

Еремѣй—день пр. Іеремія, 1 мая. П.

Еретина—высшій сортъ шерсти (отъ первой стрижки молодыхъ овецъ) З. *).

Ж.

Жабка—приспособленіе, слѣланное изъ дерева въ отверстіи верхняго жернова. З

Жабрѣй—губоцвѣтное, сорная трава (Тюм. окр.). П.

Жалйна—1) длинныя лучинки или драньи, связанныя мочалой. Жалины или вѣрнѣе сдѣланныя изъ нихъ «бочки» употребляются, чтобы во время лова рыбы перегораживать рѣки и истоки изъ озеръ, причемъ ихъ связываютъ въ видѣ шторы. Въ этомъ случаѣ онѣ состоятъ изъ многихъ сосновыхъ лучинъ отъ 1 с. до 4 с. длины. 2) тонкія и длиныя жерди въ 2 саж., которыми въ Денщиковской волости (Тоб. окр.) дѣлятъ землю. П.

Жаль—1) снарядъ изъ мелкихъ древесныхъ стволовъ, которые въ нѣсколькихъ мѣстахъ соединяются между собою мочаломъ. Среди жала въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ оставляютъ мѣста для установленія «морды». Жаль обыкновенно помѣщаютъ въ какой-либо протокѣ. З. 2) Жаль означаетъ тоже что и жалйна 1. П.

Женскія—женскій полъ П.

Жеребьевка—распредѣленіе пашни и луговъ по душамъ, по жеребью. П.

Жерлйца—большая удочка. З. П.

Жерлицы смотрѣть—ходить вынимать добычу и наживлять крючки. З.

Живѐцъ — ключъ со свѣжей водой, у котораго въ зимнее время скопляется

*) У Словѣнцевъ jare, jareta—ягненокъ. У Сербовъ—jàретина—1) мясо. 2) шерсть козья. jаре, рета—козочка или козликъ.

рыба, во время «загора» крупныхъ рѣкъ. П.

Жи̇вотъ—приманка для рыбы изъ мелкихъ рыбокъ или горбунцевъ, которыхъ бросаютъ въ прорубь. П.

Жга̀ло—желѣзный прутъ для проталкиванія сердцевины въ калиновыхъ палочкахъ при приготовленіи цѣвокъ. З

Жить—находиться, пребывать напр. «отъ пазьма картофель не сладкій живетъ»; «здѣсь вода долго живетъ». П.

Жорба̀, шорба — уха, наваръ (съ татарск.). П.

Жу̇жга—насѣкомое, жукъ. П.

З.

За̀берега—незамерзшія мѣста по берегамъ рѣкъ въ началѣ зимы. П.

Заболотными татарами — называютъ татаръ, живущихъ на островахъ суши среди болотъ. Въ Тобольскомъ округѣ таковы татары Чебургинскаго сельскаго общества Городовой волости (прежняя Карагайская вол.) и татары большей части Эскалбинской волости, главн. обр. ея сѣверной части (Ачирскіе татары). П.

Заборъ—наружная стѣнка гробца. З.

Забретой молодецъ—(въ пѣснѣ) рекрутъ. З.

Забѣ̀дно ему—т. е. онъ завистникъ и зложелатель. З.

За̀водь—Заводью называется прибрежная часть рѣки, заключенная въ изгибахъ берега и лишенная теченія З.

Заво̀зня—большой амбаръ безъ сусѣковъ, предназначенный для храненія экипажей, сбруи и проч. З. П.

За̀волока.—При лѣченіи сибирской язвы, черезъ опухоль продѣваютъ мочалу или 2—3 волоса, которые связываютъ въ узелъ. Ранку смачиваютъ дегтемъ, сулемой или квасцами. Каждый день 1—2 раза теребятъ мочалу или волоса. Черезъ нѣкоторое время защемленная часть кожи отмираетъ и отпадаетъ. Это лѣченіе называется «задергиваніемъ заволокъ» (Тюм. окр.). П.

Заво̀ры им. сущ. Въ нѣкоторыхъ огородахъ воротъ не дѣлаютъ, а вмѣсто нихъ кладутъ жерди такъ, что ихъ легко разобрать и проѣхать въ огородъ. Это мѣсто и называется **заво̀рами.** З.

Завянуть—подсохнуть (про только что вспаханную пашню) (Тоб. окр.). П.

Загнѣ̀та—куча углей въ печкѣ, углубленіе въ печкѣ. З.

Заго̀нъ—часть поля между двумя большими бороздами. З. Небольшой продольный участокъ земли прибл. въ 75—125 кв. с. (5×15 25 с.). Это невполнѣ опредѣленная мѣра, примѣняется для опредѣленія приблизительныхъ размѣровъ площадокъ, засѣянныхъ льномъ, коноплей, рѣпой. П.

За̀городь—мѣсто для скота; въ др. мѣстахъ наз. **пригонъ.** З.

Загоръ—см. «**заморъ**», «**духъ**». П.

Задво̀рье — пристраиваемое сзади дома, закрытое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе, гдѣ обыкновенно лѣтомъ держатъ птицу. З.

Задѣва—см. стат. **садъ.** П.

За̀ймище — дубрава, поросшая чащей; дикое мѣсто, болото, покрытое лиственнымъ лѣсомъ. П.

Заимка—довольно большое пространство удобной для пашни и сѣнокоса земли, находящееся въ одномъ мѣстѣ и принадлежащее одному лицу, которое среди своихъ владѣній часто устраиваетъ домъ и другія необходимыя въ хозяйственномъ быту пристройки. З.

Зако̀рышъ—древесный червь, личинка майскаго жука, употребляются, какъ нажива для удочекъ. П.

Закра̀йна—кайма льда по берегамъ рѣки во время ихъ замерзанія. П.

Закуртевѣть—заиндевѣть. Въ пословицѣ: «Не сохнетъ, не мокнетъ, не куртевѣетъ» (плохо живетъ). З.

Зала̀вокъ—продолговатый ящикъ, устраиваемый вдоль стѣны около цѣла для храненія посуды. З.

Залихтѣлось—такъ говорятъ о лошади, когда она подъ тяжестью воза вспотѣетъ и устанетъ до того, что едва передвигаетъ ноги. З.

Залогъ—поле, добытое земледѣльцемъ изъ подъ лѣсу. З.

Залудѣть—образовать кору (про пашню). Хорошо размельченная земля послѣ сильнаго дождя и слѣдующей затѣмъ засухи «лудѣетъ» или образуетъ твердую кору. П.

Заморъ—(отъ глагола замирать) особенное состояніе воды въ Сибирскихъ рѣкахъ въ зимнее время. Мѣстные

жители полагають, что вода въ это время «замираетъ» или «горитъ», отсюда названія этого явленія («заморъ», «загоръ») (см. духъ»). П.

Заниматься — курить, напр. «вы не занимаетесь» (не курите)? П.

За̀падъ—западный вѣтеръ, западъ. П.

Запа̀съ.—«Запасомъ» называется казенный лѣсъ, находящійся около Усть-Ницы и ограниченный со всѣхъ сторонъ про̀сѣкой. З.

Запло̀тъ—заборъ изъ бревенъ, положенныхъ горизонтально одно на другое, которымъ обносится домъ съ принадлежащими ему пристройками. З.

Запо̀лъ—фартукъ. З.

Запрегчи—запречь (ср. легчи). П.

Запросъ или калымъ—выкупъ за невѣсту. З.

Запу̀ки — бабьи запу̀ки — вранье. вздоръ. З.

За̀рной—прилаг. отъ глагола за̀риться за̀рною можетъ быть названа лиса въ баснѣ Крылова «Лисица и Виноградъ». Она обза̀рилась на спѣлые плоды винограда. З

Заро̀дъ—продолговатый стогъ. П. Зароды или омёты строятся изъ копенъ. З.

Заска̀ться—загнуться (про одежду). П.

За̀стить, застовать — загораживать свѣтъ. З.

Застольныя пѣсни—свадебныя пѣсни. З.

Зато̀пля—время, пока топится печь. З.

Заторъ—густое, прегустое тѣсто, полученное изъ солоду, ржаной муки, холодной воды посредствомъ размѣшиванія весломъ—все это для пива З.

Затпрутрунило—засосало (въ тину). З.

Зау̀лки или проу̀лки—соединительные пути между улицами. З.

Зауто̀ры—(сущ.)—бываютъ въ деревянныхъ кадочкахъ. Этимъ словомъ обозначаются мѣста соприкосновенія кадочки со дномъ. З

Захрѐдѣть—захудѣть. З.

Зачинать—начинать. З.

Зачи̇̀черевѣть—захудѣть. З.

Звѣрь, черный звѣрь—медвѣдь. П.

Здрассуй—здраствуй. З.

Земля на «пашнѣ» поле, находящееся отъ слободы на разстояніи 10—15 верстъ. З.

Зимина—шерсть, получаемая въ декабрѣ. З.

Зиму̀сь—зимою; прошлою зимою. П.

Злетъ - взлетъ. З.

Злой—хитрый, пронырливый. З.

Знику не даетъ—безпокоитъ. З.

Зову̀тся между собою т. е. приглашаютъ взаимно другъ друга на свадьбы и просватья невѣстъ. З.

Зыбка—люлька. П.

Зыбу̀нъ—трясина. П.

Зьюндивать—сильно колотить. З.

Зяблый годъ — годъ съ сильными и поздними морозами, съ поздними или ранними заморозками. П.

И.

Иверень—маленькій осколокъ. З.

Игольщикъ—см. полотенщикъ. П.

Изба—домъ безъ горницы З.

Избушка—предназначена для защиты отъ непогоды и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ сконъ. Перевозная избушка—избушка для перевозчика при переправѣ черезъ рѣку. З. Пашенныя избушки см. пашенныя, рыболовныя избушки—легкія постройки на берегу рѣкъ и озеръ, гдѣ производится временный ловъ рыбы. П.

Изгрѐби—низкій сортъ кудели, составленный изъ клочковъ, отдѣляющихся изъ подъ трепала. З.

Изда̀ться — выйти хорошимъ; «сапоги изда̀лись»—значитъ оказались прочными. З.

Изура̀зить—изувѣчить, сильно ударить. З.

Изурочить - сглазить; см. урочливый. П. взглянуть недобрымъ взглядомъ и испортить добро. З.

Илех-кандлых-отъ—нечистый духъ. З. (вѣроятно изъ вогульскаго или остяцкаго). П.

Исподки—шерстяныя рукавицы, которыя одѣваются подъ кожанныя верхо̀нки. П.

Исправный—зажиточный. П.

Истеной—эпитетъ Христа. З.

Истоплё—количество дровъ, достаточное для того, чтобы истопить печку одинъ разъ. З.

I.

Iорда̀нъ или вы̀боръ большая прорубь, черезъ которую, по окончаніи неводьбы,

въ зимнее время вытаскиваютъ неводъ. П.

К.

Кавбыть—значеніе этого слова можно понять только изъ разговора напр. «дѣва, я поханькала, а онъ кавбыть и далъ». З.

Кадь—мѣра сыпучихъ тѣлъ, равняется четыремъ пудовкамъ или полъ четверти. З. П.

Казёнка—часть сѣней или горница, отдаленная досчатою стѣною. З.

«Казы, казы, казы, казоньки»—междометія посредствомъ которыхъ манятъ гусей. З.

Калачи—пряники или орѣхи, которые даетъ сваха ребятишкамъ около церковной ограды, чтобы они не пѣли гогону З.

Калташи̂ха—желѣзный котелъ для варки кушанья и грязнаго бѣлья, употребляемый главнымъ образомъ остяками. П.

Калы̂бъ—пулелейка (съ татарскаго: калыбъ). П.

Камелёкъ—родъ женской прически. З.

Канъ—царь З. (съ татарскаго прямо или при посредствѣ вогульскаго или остяцкаго: ханъ, хонъ, канъ.). П.

Капалу̂ха, (рябу̂ха) самка глухаря, тетерька. П.

Капу̂стникъ—огородъ для капусты и картофеля. П.

Карава̂нъ—толпы рабочихъ, идущія на рыбопромышленныя пески̂ и обратно. П.

Карауломъ—играть—игра въ родѣ «гори, гори ясно». З.

Картовки—картошки. З.

Кары̂шъ—небольшая стерлядь (съ остяцкаго, Ирт. нар.: кары̂шъ; по татарски: карішъ—четверть арш.). П.

Карча или задѣва см. **садъ**. П.

Катала̂шка—камера при волостномъ правленіи, куда сажаютъ провинившихся крестьянъ. П.

Ка̂танцы—валенки. П.

Ка̂ткій—удобный для ѣзды напр. «каткая дорога». П.

Каша-заваруха—кушанье, приготовляемое слѣдующимъ образомъ: ячную муку заваривають кипяткомъ, полученное густое тѣсто кладутъ на сковородку, въ срединѣ каши дѣлаютъ углубленіе для масла и, разогрѣвши въ печи, въ такомъ видѣ подаютъ на столъ; иногда заваруху ѣдятъ съ молокомъ. З.

Каю̂къ—большая крытая лодка (вѣр. тюркское слово). Это слово пользуется огромнымъ распространеніемъ и извѣстно въ новомъ и старомъ свѣтѣ: у гренл. эскимосовъ: ка̂йкъ, у испанцевъ: cayuco, у французовъ: caique, у турокъ: каикъ, каюкъ, у остяковъ: ка̂икъ. Русскіе вѣроятно заимствовали это слово отъ татаръ. П.

Квашенникъ—покрышка, котораго завязываютъ сверху квашню, послѣ чего зимою ставятъ ее (квашню) на печь, а лѣтомъ на лавку. З.

Квилить—вводить въ слезы. З.

Кевуль—большая деревянная ложка. П.

Кедровка—лодка изъ кедра. П.

Кержа̂къ—собственно старообрядецъ, въ переносномъ значеніи нечистоплотный человѣкъ. З.

Кибасья—просушенные куски глины въ формѣ сплюснутаго шара съ отверстіями по срединѣ. З.

Кибасъ—грузъ для невода, обыкновенно состоящій изъ жженной глины, помѣщенной иногда въ мѣшечки изъ бересты. П.

Кики̂мора—бранное слово, нынѣ не обозначающее никакого опредѣленнаго понятія. З.

Кипень—злакъ, который благодаря своимъ волосообразнымъ корневищамъ затрудняетъ первую вспашку цѣлины (ю. ч. Тоб. окр.). П.

Кислое молоко—творогъ съ простоквашей З.

Ки̂слѣдь—залогъ, поднятый въ прошломъ году и годный для посѣва хлѣба. П.

Киси̂—сапожки изъ оленьей шкуры, мѣхомъ наружу. П.

Ки̂тки, ки̂точки—вѣнки̂ изъ ивовыхъ или березовыхъ прутьевъ. Китки, завитыя на живыхъ деревьяхъ, служатъ между прочимъ какъ бы вѣхами между покосами двухъ смежныхъ владѣльцевъ (Тюм. окр.). П.

Кі̂й—особый снарядъ, которымъ глушатъ рыбу. З.

Кладби̂шшо—кладбище. Слово погость вовсе не употребляется З.

Кла̂диво—складываніе хлѣба въ гумна и остожья. З.

Клить—клѣть. З.
Ключевая рыба—рыба, которую въ зимнее время добываютъ около ключей (см. «духъ»). П.
Кобылка—вредное насѣкомое, вѣроятно изъ рода кузнечиковъ. П.
Коевдни, коеводня—недавно. П.
Койвадни—когда-то, недавно. З.
Коза—снарядъ изъ листового желѣза, на которомъ во время «лученія» рыбы разводятъ костеръ. Коза прикрѣпляется къ носу лодки. П.
Коко—ласкательное (для дѣтей) названіе яичка; крестная мать (Сургутъ). З.
Колды—когда. П.
Колесянка—мѣстная соха (см. сабанъ). П.
Колода—совокупность окладныхъ сборовъ (подушныя оброчныя подати, частная волостная повинность и сборъ на межеваніе земель), платимыхъ крестьянами. Кромѣ окладныхъ сборовъ они, какъ извѣстно, платятъ еще волостные, мірскіе или сельскіе и другіе. Въ Тобольской губ. размѣръ «колоды» колеблется смотря по мѣстности между 4½ и 5 руб. съ души въ годъ. (Тюм. окр.). П.
Колода—гробъ, который выдолбленъ въ толстомъ бревнѣ; въ колодахъ хоронили въ прежнее время. З.
Колода—снарядъ, на которомъ гнутъ полозья. З.
Колодецъ—углубленіе въ центрѣ ямъ, въ которыхъ жгутъ смолу. П.
Колоколъ «съ колоколами прощаться»—ходить на колокольни въ субботу Христовой недѣли З.
Колокъ—рѣдкая рощица среди и около которой расположены пашни и луга (Тоб. окр.). П.
Колосники—горизонтальныя жерди, на которыя въ овинахъ и ригахъ садятъ хлѣбъ (Тюм. окр.). П.
Колоткая дорога—колотливая дорога. П.
Колотомъ добывать орѣхъ—добывать шишку ударами бревенъ по кедру. П.
Комарникъ—начало лѣта, когда комары появляются въ большихъ количествахъ и загоняютъ оленей въ воду. П.
Колочный—прил. отъ колокъ, напр. «колочный покосъ». П.
Комель—нижняя часть древеснаго ствола З. П.
Кондовый лѣсъ—просушенный, здоровый лѣсъ. Если по одному концу бревна ударить, то на другомъ будетъ слышенъ звукъ, похожій на звукъ колокола; въ переносномъ значеніи—хитрый человѣкъ. З.
Кондовый лѣсъ. Въ густомъ насажденіи и на болѣе или менѣе песчаной почвѣ сосна даетъ мелкослоистую, красноватую и смолистую древесину, которая составляетъ цѣнный строевой такъ-называемый «кондовый» лѣсъ. Лѣсъ противоположныхъ качествъ называется «мендачнымъ» или «мендовымъ». (Тюм. окр.). П.
Коноплё—конопля. З.
Кончанскіе—живущіе на разныхъ концахъ слободы. З.
Коневникъ—чернобыльникъ или старичникъ (Artemisia camp.). (Тоб. окр.). П.
Конь—лошадь; въ Тюменскомъ и Тобольскомъ округахъ слово «лошадь» употребляется сравнительно рѣже.
Копать лѣсъ—выкапывать высохшія деревья на мѣстѣ, предназначенномъ подъ пашню. Это имѣетъ мѣсто черезъ годъ или два послѣ «черченія», когда сгніли мелкіе коренья. П.
Копна—куча сѣна въ 5—7 пудовъ, на сѣверѣ Тобольск. губ. примѣняется какъ мѣра луга: на душу отводятъ участочки, съ которыхъ можно получить прибл. равное количество копенъ. Ручная копна въ Тобольскомъ сѣверѣ равна 3—4 п., женская, когда уборкой занимаются женщины, 3—3½ п. П.
Копнить—строить копны. З.
Копоть—пыль (также мелькій снѣгъ) который садится на ѣдущаго по пыльной (снѣжной) дорогѣ. П.
Кореновая снасть—тетивы большихъ неводовъ, къ кот. прикрѣпляютъ мережу. П.
Кортомъ—аренда. П.
Кортомная плата—арендная плата. П.
Коршунъ тряпишной—говорятъ, иронизируя человѣка, одѣтаго въ лохмотья. З.
Косинка—головной уборъ старухъ. З.
Косица—високъ. З.
Космачомъ ходить, т. е. ходить не подвязавшись платкомъ. З.
Костика—ненужныя части, отлетающія подъ мялкою отъ льна, который уже «улежитъ». Еще больше выдѣляютъ костики, когда ленъ треплятъ трепаломъ. З.
Косячкомъ подвязать платокъ—подвя-

зать платокъ, выставивши сзади надъ затылкомъ уголъ платка сверхъ узла. З.

Котѐцъ—рыболовный снарядъ изъ своего рода шторъ (лучинокъ, связанныхъ мочалой). Каждый котецъ состоитъ изъ 3-хъ «бочекъ», каждая въ 120—140 лучинокъ. П.

Кочни—сердцевины капусты. З.

Кошели навѣшены—болѣзнь, при которой болитъ верхняя часть спины—крыльца—«не даетъ не пошевелиться, ни поворотиться». З.

Кошка—повилика (растеніе). Тоб. окр.). П.

Коштоваться—пользоваться. П.

Кошу̀ленцы—прозвище жителей деревни Тимофеева; прозвище дано имъ потому, что они «напоперекъ съ обществомъ живутъ». З

Красѝкъ — красноватая глина, служащая подпочвой почти повсемѣстно въ Тобольской губ., называется она также «материчной» землей (см. «материкъ»). П.

Красна̀—см. снаряды.

Краснотальникъ—порода ивы. П.

Красотка—родъ сыроѣжки (грибъ) (Тюм. окр.). П.

Краяльщикъ—инструментъ, состоящій изъ 9 — 12 рѣзцовъ, вставленныхъ въ ручку. Употребляется для расщепленія луба на тонкія ленточки при выдѣлкѣ рѣшетъ. (Тюм. окр.). П.

Кремлевая—сосна, выросшая на опушкѣ лѣса на сухомъ мѣстѣ, имѣетъ на сторонѣ, обращенной къ югу, очень твердую плотную древесину, изъ которой дѣлаютъ разныя вещи, требующія особой твердости. Такое дерево называется «кремлевымъ». П.

Кремь—см. кремлевая сосна. П.

Крестовая лисица—лиса, имѣющая темный хребетъ и красные бока. По качеству мѣха, стоитъ между чернобурой и сиводушкой. П.

Крестовникъ—Potentilla anserina - употребляется отъ водянки. П.

Крестьянская десятина—мѣра земли въ 2700 кв. с., рѣже въ 3200 кв. с. или 2500 кв. с., въ отличіе отъ казенной» въ 2400 кв. с. П.

Крестьянская сажень — ручная сажень, въ противоположность: печатной. Крестьянская сажень бываетъ двухъ родовъ: 1) она равняется разстоянію между концами двухъ горизонтально вытянутыхъ рукъ и 2) разстоянію отъ верхней поверхности ступни до конца пальцевъ вытянутой вверхъ руки. П.

Кричать на всю ѐслину—кричать весьма громко. З.

Кротъ—мышь, крыса, пеструшка. П.

Круглая десятина—мѣра земли въ 2500 кв. с., оба измѣренія которой равны 50 с. Она встрѣчается въ немногихъ селеніяхъ Тобольск. окр. П.

Крушина—порода деревьевъ. З.

Крыло—половина невода, не считая мотки. П.

Кры̀льца—лопатки рукъ. З.

Крыши—примыкающіе къ заплоту крытые верхи, подъ которые складываются дрова, ставятся экипажи и проч. З.

Крѣпь—актъ на владѣніе и пользованіе землей (см. «матка»). П.

Крюкъ—большой рыболовной крючекъ. П.

Крю̀чить щуку, нельму—ловить крючками. П.

Крю̀чки или тычки̇—ловушка для рыбъ, состоящая изъ крючковъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ съ сучкомъ. (Тоб. окр.). П.

Ксыря, ксы, ксы—междометія, посредствомъ которыхъ гонятъ коровъ. З.

Кузовъ—корзина изъ бересты. П.

Коколи̇ца—сорная трава (Silene inflata) Тюм. окр. П.

Кукорки—корточки. З.

Кула̀га—мѣстное кушанье изъ тѣста и толченыхъ ягодъ: черемухи и боярышника. П.

Кулемы—см. слопцы. (Тоб. окр.). Крупныя кулемы устраиваютъ на медвѣдя. П.

Кули̇га. Во время спада большой весенней воды, далеко выходящей изъ береговъ, на лугу образуются острконечные заливы. Эти-то временные заливы и называются кулигами. П.

Куль—чортъ З. (съ остяцк. и вогульскаго: куль—тоже). П.

Купорòтникъ—папоротникъ. З.

Куржанъ—изморозь. З.

Ку̀рица—снарядъ, вкладывающійся въ переднюю часть бала для загибанія головы полоза. З.

Ку̀рникъ—большой пирогъ, начиненный морковью; мѣстное кушанье изъ сухихъ грибовъ, измельченныхъ и смѣшанныхъ пополамъ съ драной мелкой крупой. З.

Курья—рѣчной заливъ. П.

Куть — часть избы, находящаяся около цѣла (см. цѣло). З.

Куть, куту, куть, ку-у-ть, кутиньки, кутиньки! междометія, посредствомъ которыхъ манятъ куръ. З.

Кўшка—птица, питающаяся плодами хвойныхъ деревьевъ, сойка (?). П.

Кш, кш—междометіе, посредствомъ котораго гонятъ овецъ. З.

Л.

Лабазникъ—растеніе изъ семейства розоцвѣтныхъ съ бѣлыми душистыми цвѣтами, цвѣты, листы и стебель котораго сушатъ завариваютъ, какъ чай. З; Spiraea ulmaria см. **аршинный чай**. П.

Лава—столбики съ кольцеобразной выемкой, на которой покоятся жерди, гдѣ складываютъ суслоны хлѣба. Выемки на лавахъ предохраняютъ хлѣбъ отъ мышей. (Тюм. окр.). П.

Ладонь—токъ. З; ср.

Лайда—небольшое продольное озеро въ окрестностяхъ Тобольска. П.

Лакўшка—кадочка съ глухой крышкой и съ носикомъ. (Тюм. окр.). П.

Ланда—рѣпа, брюква. З.

Ланчикъ—крясло телѣги. П.

Лачканъ—собака, которая ѣстъ кобылятину; подъ этимъ именемъ существуетъ въ понятіяхъ жителей татаринъ. З.

Легчи—лечь. П.

Лепўха или **дерига**—сорное растеніе (Echinospermum lappula) съ цѣпкими сѣменами, пристающими къ одеждѣ. П.

Леха—загонъ, на которомъ ростетъ конопля З.; узкая полоска пашни, загонъ. П.

Литовка—коса (обыкновенная). См. горбуша. П.; **литовка съ граблями**—земледѣльческое орудіе для косьбы овса. З.

Лихо—говорятъ вмѣсто «тошнить».

Лихоманка—лихорадка. З.

Лобарь—небольшой осетръ въ 4—5 верш. длины. П.

Ловда—двѣ небольшія доски, сложенныя подъ угломъ около 60° и прикрѣпленныя около матни въ верхней тетивѣ. З.

Логъ—низменное мѣсто между двумя гривками. П.

Лодырь—лѣнтяй, шалопай. З.

Лоні, лонись—въ прошломъ году. П.

Лонись—прошлаго года. З.

Лоншакъ—годовая лошадь. П.

Лоншина—то же. П.

Лопата-вѣянка—земледѣльческій снарядъ для вѣянія зерна. З

Лопать—обыкновенная будничная одежда. З.

Лопотина—опредѣленная одежда. З.

Лопоть—одежда. З. П.

Лопошь—одежда. З.

Лопўшки—водяныя растенія съ широкими плавающими листьями (Nuphar luteum, Nymphaea alba). (Тюм. окр.). П.

Лубокъ—лыко съ одной липки. П.

Лугъ. Обыкновенно сѣнокосныя угодья называются **покосами**. Названіе же «лугъ» представляетъ скорѣе собственное имя тѣхъ покосовъ, которые весною заливаются водою. З.

Лутошки—срубленые стволы липы. З.

Лыва—низменное влажное мѣсто среди лѣса, свободное отъ деревьевъ. П.; **лыва**—лужа. З.

Лывина—то-же. П.

Лыжница—слѣдъ лыжъ по снѣгу. П.

Лѣвить—брать влѣво, напр. «мое ружье лѣвитъ». П.

Лѣпокъ—черенокъ. П.

Лѣсина—кусокъ дерева, бревно, дранка, изъ которой дѣлаютъ котцы. П.

Лѣсной и водяной—злые нечистые духи, называющіеся такъ по мѣсту своего пребыванія. З.

Лѣсной промыселъ—добыча пушнаго звѣря и птицы, промысловая охота. П.

Лѣсовикъ см. **лѣшакъ**. П.

Лѣтникъ—путь по берегу рѣки, пока она не стала (зимній путь обыкновенно идетъ по замершей поверхности рѣки). П.

Лѣтнина—шерсть, получаемая въ августѣ. З.

Лѣтнія юрты—юрты, въ которыхъ инородцы живутъ лѣтнее время. П.

Лѣтось—лѣтомъ. П.

Лѣшакъ, лѣсовикъ—лѣшій. П.

Ляга—продолговатое сырое мѣсто между кустовъ, на которомъ ростетъ трава. З.

Ляга—логъ. П.

Лямка—палочка съ ремешкомъ, при помощи которой тащатъ неводъ. П.

Ляпуны—см. **вицы**. П.

M.

Маи, маи — междометія, посредствомъ которыхъ манятъ ягнятъ. З.

Ма́лица—нижняя одежда самоѣдовъ также остяковъ и русскихъ на сѣверѣ изъ оленьяго мѣха; она обращена мѣхомъ внутрь. См. гусь. П.

Малолѣтокъ—крестьянинъ или инородецъ, не попавшій въ ревизскую сказку 1858 г., хотя бы ему было и 30 лѣтъ. П.

Малорослый—см. **рослый**. П.

Ма́мка—горбунецъ (по тат.: **мямге**). П.

Ма́ни—младшій братъ. З. (Съ остяцк.: сѣв. нар.: **моньє**; Ирт. н.: **манья** тоже). П.

Манйло—плотный заборъ изъ жердочекъ, связанныхъ въ видѣ шторы, которое ставится косо въ рѣкѣ и ведетъ къ отверстію фатиля, котца или другой ловушки. П.

Марьинъ корень — корень мѣстной Paeonia; примѣняется въ Тобольскомъ округѣ, какъ лѣкарственное средство. П.

Мартышка—чайка. П.

Мась, мась, ма-а-сь! масинька, масинька—междометія, посредствомъ которыхъ манятъ овецъ. З.

Матера̀ или **материкъ**—большой лѣсъ вдали отъ жилищъ, тайга. З.

Материкъ—Наиболѣе возвышенныя части мѣстности, напр., весь правый нагорный берегъ Иртыша, куда никогда не заходитъ вода и гдѣ порода состоитъ изъ красноватой глины, а не изъ намывныхъ пластовъ, какъ въ низменности. П.

Ма́тица—см. **мотня̀**. П.

Матёрый—крупный, большой, здоровенный (про животныхъ). П.

Ма́тка—подлинный актъ на владѣніе землей. Эти акты, которые относятся ко времени и Алексѣя Михайловича и Петра Алексѣевича, имѣютъ видъ длинныхъ и узкихъ свертковъ, писанныхъ вязью и скрѣпленныхъ царскою печатью. Большая часть татарскихъ общинъ имѣютъ такіе акты или чаще копіи съ нихъ. Называются они также «крѣпями». П.

Матня—длинный, съуживающійся къ концу, мѣшокъ изъ мережи, который устраивается въ концѣ пяты (см. пята). З.

Ма́якъ—деревья или кусты съ заплетенными на нихъ вѣнками, служащіе вѣхами между покосами двухъ владѣльцевъ. П.

Мегденъ—елецъ, рыба, похожая на чебака, но имѣющая болѣе толстую спину. Слово происхожденія остяцкаго **мѐгденгъ**. П.

Межённое время — жаркое время въ іюнѣ. З.

Мельпяшъ (?)—двухгодовой лось. П.

Мендачъ, мендачный или **мендовый лѣсъ**—сосновый лѣсъ съ бѣлой рыхлой древесиной, представляющій худшій строительный матеріалъ, чѣмъ «кондовый». Мендачная сосна произрастаетъ на болѣе жирной почвѣ и болѣе свободно, часто среди лиственнаго или мѣшаннаго лѣса, на горахъ и т. д. Она и по внѣшнему своему виду отличается отъ «кондовой», имѣя болѣе низкую и крупную кропу. (Тюм. окр.). П.

Мергѐнь — (удалой) стрѣлокъ, охотникъ (съ татарскаго **мерганъ**). П.

Мерёжа—полотно, изъ котораго дѣлается неводъ. З. П.

Мертвый погребъ или **ледникъ** (ледника̀)—погребъ для складыванія труповъ. З.

Мета̀—знакъ, вѣха. П.

Метище или **ставъ**. При началѣ лова на «юровыхъ» ямахъ Иртыша въ мѣстахъ, гдѣ имѣются послѣднія, дѣлятъ на отрубы или «метища» перпендикулярно къ рѣкѣ. Длина отруба равняется почти ширинѣ рѣки, а ширина 22 саж. т. е. длинѣ самолова и мѣсту для прорубей. П.

Метлйка—сорное ростеніе: лѣкарственная ромашка (Matricaria chamomilla). П.

Метлякъ—бабочка. П.

Метлячекъ уменьш.—то-же. П.

Молосный день—скоромный день. З.

Молотйло—цѣпь для молотьбы хлѣба. П.

Молочникъ — козлобородникъ, сорная трава (Tragopagon major). П.

Мо̀рговать—брезговать. З.

Морда̀—инструментъ для ловли рыбы, состоящій изъ соединенія двухъ конусообразныхъ плетенокъ изъ тальника. З.

Мо̀рда—тоже. П.

Мо̀рковь—морко̀вь.

Мо̀ркотно—непріятно, противно, тошно. П.

Мо̀рокъ—облако, облака: **морочно**—облочно, пасмурно. З.

Мѣрошно—облачно, пасмурно. П.

Морская рыба—рыба, проводящая часть жизни въ рѣкахъ и часть въ морѣ (стерлядь, осетръ, нельма, муксунъ, и т. д.). П.

Мотня—см. **матня**. П.

Мотъ—неопредѣленное число пасмъ. З.

Муксунъ—Salmo Muksün (съ остяцкаго: **муксангъ**)—рыба изъ породы Лососевыхъ, живетъ въ Оби, и отчасти въ Иртышѣ. П. **Муксуновъ стрѣляшь**—насмѣшливое выраженіе вм.: «ловить рыбу въ низовомъ краю», говорится про крестьянъ болѣе южныхъ волостей Тоб. окр., которые отправляется неводить на низъ. П.

Мулёкъ (уменьш.)—мелкая рыба, идущая на приманку при ловлѣ крючками. П.

Муль—то-же. П.

Мумлить—беззубый старикъ ѣсть не можетъ, а **мумлитъ**. З.

Муракъ — трава, преимущественно мелкая. П.

Медвѣжье дерево — полевая спаржа. Отваръ этого растенія употребляется въ Тюменскомъ округѣ при лѣченіи грыжи и болѣзней моче-половыхъ органовъ, оно считается мочегоннымъ средствомъ. П.

Мѣнять башъ на башъ—мѣнять безъ придачи. З.

Мѣра—кадь, мѣра зерна въ 4 четверика. (Тюм. окр.). П.

Мѣрная рыба—рыба, имѣющая опредѣленное для каждаго вида число вершковъ отъ глаза до конца хвоста. П.

Мягкая земля—долго паханная, въ противоположность **распашкѣ**. П.

Мягкія— обѣдъ, завтракъ и ужинъ и хлѣбъ, который пастухъ получаетъ отъ владѣльцевъ пасомаго скота, по извѣстному числу дней за каждую скотину, причемъ 2—3 овцы считаются, какъ одна голова крупнаго скота. (Тюм. окр.). П.

Н.

Набой—перебой; напр. въ Тюм. окр. луга иногда дѣлятъ набоемъ, т. е. каждый ихъ участочекъ отдаютъ той группѣ лицъ, которая вызвалась принять его на наибольшее число душъ. Напр., если на какой нибудь участокъ пожелало «сѣсть» 5 крестьянъ и 6 крестьянъ, то предпочтеніе оказывается послѣдней группѣ. П.

Надѣнетъ обувь—обуется, одѣнется. З.

Нажинъ—количество сноповъ, который можно нажать съ опредѣленной мѣры земли. П.

Назёмъ—навозъ. П.

Назьмить—удобрять. П.

Наквàса—тѣсто, оставляемое въ «ржаной квашнѣ» отъ предыдущей стряпни. З.

Накладушка—любовница. (Демьянск. и Деньщиковск. вол. Тоб. окр.). П.

Накòлка—праздничный головной уборъ молодыхъ замужнихъ женщинъ.

Накомàрникъ. Чтобы оградить отъ укусовъ насѣкомыхъ плечи, шею и отчасти лицо днемъ, во время работы, жители надѣваютъ такъ называемый ими накомарникъ. З.

Нàледь—вода, выступающая изъ-подо льда подъ вліяніемъ напора снѣга. Потомъ она застываетъ въ корку, опять подъ вліяніемъ снѣга осѣдаетъ, покрывается водой и т. д. При ѣздѣ лошади часто проваливаются черезъ верхнюю кору до находящейся внизу. П.

Намазушки—морды, внутри которыхъ намазывается приманка. З.

Намётка—рыболовный снарядъ въ видѣ большаго сачка на шестѣ. П.

Напàрея—буравъ. З.

Наплòвокъ—деревянные поплавки, которые прикрѣпляютъ къ неводу. З.

Напрокудить—накуралесить; **напрокудитъ**—опротивѣетъ. З.

Нарта—легонькія санки, въ который впрягаются собаки или олени, иногда ихъ тащатъ сами промышленники. П.

Наручье—не въ долгъ, на наличныя деньги. З.

Нарядчикъ—маскированный; см. **шиликунъ**. З.

Нарядъ—лучшая праздничная одежда. З.

Насердкѣ, «**по насèрдкѣ**»—по злобѣ. З.

Нàстовать—дѣйствовать, настраивать дѣло на извѣстный ладъ. Такъ на крестинахъ непремѣнною принадлежностью является каша: когда ее ставятъ на столъ, повивальная баушка разноситъ вино. Эта обязанность баушки выражается выработавшимся на этотъ случай выраженіемъ: «Время настовать, кашу хлѣбать, баушка, вино подавать». З.

Насторожи́ть—наставить лукъ или другую ловушку. П

Настъ (тв. пад. настомъ) или **чарымъ** (тв. пад. чарымомъ)—ледяная кора, которою ночью покрывается растаявшій днемъ ледъ. З.

Настъ—ледяная кора, которая послѣ оттепелей покрываетъ снѣгъ. По насту легко ходить на лыжахъ. П.

Натака́ться—натолкнуться, случайно найти. П.

Натодѣль—спеціально. З.

Натра́нкивать—весело и скоро напѣвать. З.

Наттолкивать—немного знать, слегка понимать. З.

Натуты́ршиться — принять напыщенный видъ, взъерошиться. З.

Нахарло́—силой, насильственно. З.

Нашейникъ—родъ боа изъ бѣличьихъ хвостовъ, нанизанныхъ по оси на шнурокъ. Этотъ предметъ одежды примѣняется въ Деньщиковской и В. Демьянской волостяхъ (Тоб. окр.) и служитъ для защиты горла отъ холода и снѣга. Заимствованъ отъ остяковъ. П.

На начеву́—на ночь. З.

Небо—твердый каменный сводъ надъ нашими головами. На небѣ обитаютъ Богъ и Угодники. Небо иногда открывается или разверзается на одно мгновеніе, и въ это мгновеніе люди видятъ красноватый свѣтъ. З.

Неводни́къ—большая лодка. З. П.

Неводница, набойница — большая лодка, употребляемая при неводьбѣ. П

Недовольный. Быть недовольнымъ главами, слухомъ—быть слѣпымъ, глухимъ. П.

Недола́домъ—кувыркомъ, навыворотъ. З.

Недомѣрокъ—рыба, не имѣющая полнаго числа вершковъ, чтобы быть «мѣрной» П.

Недосѣвъ—неполное обсѣмененіе полей вслѣдствіе недостатка сѣмянъ. П.

Недоязокъ, подъязокъ — небольшой язь. П.

Некорыстной—плохой. З.

Нельма—Salmo Nelma, рыба изъ породы лососевыхъ, живетъ въ Оби и Иртышѣ. П.

Неплюй—годовой олень. П.

Нѣто—нѣто—говорятъ, когда хотятъ выразить медлительность. З.

Неурожай, неурожайный годъ см. урожай. П.

Низъ—низовая часть Оби, сѣверъ. П.

Носарь́—прозвище жителей деревни Носковой; прозвище дало за большіе носы. З.

Носкій—про одежду, которая долго не изнашивается. З. П.

Нохъ, нохъ, но-о-хъ! мѣстоименія, посредствомъ которыхъ менятъ собакъ. З.

Нури́ло—длинный шестъ, примѣняемый при зимней неводьбѣ (Тюм. окр.). П.

Нури́ть—протягивать во время неводьбы зимой нурило изъ одной проруби въ другую. П.

Ня́ша—тина, топкое мѣсто на берегу около самой воды или на днѣ. З. вязкій, илъ, мѣста́ подлѣ крупныхъ рѣкъ покрытыя вязкимъ иломъ (съ татарск. **няштэ**). П.

О.

Обечка—деревянный ободокъ сита. П.

Обидящій хлѣбъ—рѣпа и горохъ, которые сильно страдаютъ отъ прохожихъ. (Тюм. окр.). П.

Обганивать вотчины,—отбывать подводную гоньбу за пользованіе землей. П.

Обзариться—позариться. З.

Оболокся—одѣлся. З.

Обносить—воровать, напр. «насъ обнесли (обворовали)». Тюм. окр. П.

Обиручь и Обѣручь—обѣими руками. З.

Оброчный чувальщикъ —Татарскіе переселенцы изъ Казани и др. мѣстъ восточной Россіи образуютъ въ Тобольскомъ округѣ особую волость Оброчныхъ чувальщиковъ. Названіе это произошло отъ того, что эти татары прежде платили оброкъ съ дыма или чувала. (Тоб. окр.). П.

Обсказывать—сказывать. П.

Обшики́—крестьяне, отличающіеся своимъ нерасположеніемъ къ пашнѣ и отличающіеся любовью къ отхожему промыслу. Таковы, напримѣръ, жители деревни Нехорошковой. З.

О́бшинка—заимка, принадлежащая монахамъ. З

Объечейлось освободиться отъ сна. З.

Обычаться—освободиться отъ сна. З.

Обѣдникъ—юго-восточный вѣтеръ. П. З.

Оввѐрнется—превратится. Въ сказкѣ находимъ: «Солдатъ взялъ мѣшочекъ и говоритъ бисямъ:—Ну лѣзьте въ мѣшочекъ. Они полѣзли. Который мухой

оввернется, который какъ, и залѣзли». З.

Овинъ—1) сушильня для хлѣба, въ которой роль печи играетъ яма; въ послѣдней жгутъ дрова. При двухрядной садкѣ въ овинъ входитъ около 200 сноповъ яроваго и 180—190 сноповъ озимаго хлѣба, при однорядной—около 150 сноповъ. Овинъ представляетъ изъ себя небольшое бревенчатое зданіе съ плоской или двускатной крышей, изъ теса или жердей, крытыхъ соломой или дерномъ; 2) мѣра зерноваго хлѣба въ снопахъ. Овинъ озимаго въ 150—200 сноповъ и ярового въ 200 до 300 сноповъ. П.

Огорѣвать—съ трудомъ пріобрѣсти какую-нибудь вещь. Напр. нѣкто долго собирался купить новую шубу, но всё не было денегъ; наконецъ, онъ ее покупаетъ и можетъ сказать: «огоревалъ въ кои-то вѣки». З.

Огородъ—изгородь вокругъ пригона или поскотины. П.

Оградa—часть отгороженнаго около дома пространства, незанятая никакими пристройками. З.

Ограмонія—гармоника. З.

Огуречная пóлеха—болѣзнь на огурцахъ. З.

Однако—кажется (напр. «однако у него есть корова»). П.

Однодеревка—челнокъ. П.

Однорядка—сушильня (овинъ, рига), въ который хлѣбъ сажаютъ въ одинъ рядъ (Тоб. окр.). П.

Ожимокъ—затвердѣвшая конопляная мука въ формѣ чайнаго кирпича, оставшаяся послѣ приготовленія постнаго масла въ «масляномъ станкѣ». З.

Оздóйный — громоздкій, непомѣстительный. З.

Оклемáться—выздоровѣть, оправиться. З.

Околѣть—онѣмѣть (напр. «у меня околѣла нога» значитъ, что я отсидѣлъ ногу или отморозилъ ее, такъ что не чувствую). П.

Оммéлье—смятое негодное сѣно или такая же солома подъ ногами у скота. З.

Оногдáсь—когда то, недавно. З.

Онóмнясь, Ономнясь—когда-то, недавно.

Они—старшая сестра. З. (съ остяцк. сѣв. нар.: они—старшая сестра, тегка со стороны отца). П.

Оплавь—см. водяникъ. П.

Опнуться—на минутку остановиться. З.

Опяться—то же. З.

Орать—сильно кричать; еще употребляется въ смыслѣ—взрывать поле сохою или плугомъ. З.

Ордá—такъ въ Тобольскомъ округѣ называютъ самоѣдовъ и отчасти остяковъ, особенно сѣверныхъ прежнихъ языческихъ. П.

Ординка—лучшій сортъ «прѣсной» шерсти. (Тюм. окр.). П.

Осалычить глаза т. е. широко ихъ открыть, ничего не видя и не понимая. З.

Осердіе—часть внутренностей животнаго (скота), именно: легкія, сердце, печень. П.

Осибѣ-осóбѣ—выраженіе, характеризующее самостоятельную жизнь; такъ только что женившійся сынъ уходитъ осибѣ—осóбѣ, оставляя своихъ родителей съ своимъ младшимъ, часто еще несовершеннолѣтнимъ братомъ. З.

Осиновка—осиновый челнокъ. П.

Осотъ, осоть—сложноцвѣтное сорное растеніе (Cirsium arvense). Въ Европѣ подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ растеніе Sonchus oleraceus. П.

Основа—пряжа, натянутая на краснá. З.

Оспенникъ, оспенница—оспопрививатель, оспопрививательница. П.

Остожье—загородь, въ которую складываются хлѣбъ и сѣно: бываютъ—хлѣбное остожье и сѣнное остожье. Въ хлѣбныхъ остожьяхъ помѣщаются клади, а въ сѣнныхъ—зарды. З.

Островья—попарно вбитыя въ землю колья, которыя держатъ горизонтальныя жерди, между которыми стоймя помѣщаютъ снопы сыраго овса для сушки. Снопы обращены другъ къ другу колосьями и имѣютъ посреди пустоту, въ которую можетъ проникать вѣтеръ (Тюм. окр.). П.

Островъ—клочекъ или мѣстечко суши среди болота. П.

Остятка—остячка. П.

Остяцкая верста—мѣра длины, которая примѣняется по Демьянкѣ; она равна прибл. 5—6 верстамъ. (Такая же мѣра въ 5 в. встрѣчается и у зырянъ). П.

Осьмина—$^1/_8$ часть «сороковой» десятины (въ 3200 кв. с.) или 400 кв. с. П

Отава—такъ называется молодая зеленая травка, выростающая на лугу вторично послѣ уборки сѣна. З.

Отгонная поскотина—выгонъ, находящійся въ сторонѣ отъ главнаго пастбища. (Тоб. окр.). П.

Откатывать горохъ—очищать горохъ въ ситѣ, задерживая дурной горохъ въ верхней части и скатывая хорошій горохъ въ нижнюю часть сита. З.

Отнога—узкій заливъ, узкая полоса на лугу. З.

Отталкивать высушенныя зерна—вновь перетолочь и провѣять ихъ. З.

Отхожая или отъѣзжая пашня—пашня, лежащая далеко отъ деревни, куда надо идти или ѣхать надолго (Тюм. окр.). П.

Охичаться -убираться въ домѣ. З.

Охвостье, хвостъ.—Когда вѣять лопатой на вѣтру, самое ядреное зерно падаетъ ближе всего (это—голова), болѣе легкое падаетъ дальше. Самое легкое падаетъ тотчасъ передъ мякиной. Это—хвостъ или охвостье. П.

Охреть—грязный, нечистоплотный. З.

Очепъ—(мн. ч. очепа)—нетолстый стволъ березы, который кладутъ на колъ: приспособленіе для ловли зайцевъ. З.

Очѐсливый—вѣжливый, знающій и исполняющій правила хорошаго обхожденія съ людьми. З.

Ошарашиться—внезапно остановиться, попятиться. П.

Ошоркать—смести, смахнуть, вытереть (напр.: «ошоркать столъ, полъ». П.

П.

Падунъ—болото. П.

Пай—доля. П.

Пай—пойдемъ. З.

Паями припадаетъ—про вѣтеръ, который дуетъ отдѣльными порывами. П.

Пазы—пространство между бревнами въ стѣнѣ. З.

Пакля—уничижительное названіе руки. З.

Пакостить—портить, приносить вредъ. П.

Пакостникъ—тотъ, кто портитъ, вредитъ. Такъ между прочимъ называется въ Тюменск. окр. ракообразное gammarus pulex, иначе «горбунецъ», которому приписываютъ порчу рыболовныхъ сѣтей. П.

Палецъ—спица колеса (об. во множ. ч.). П.

Палы—лѣсной пожаръ. З.

Палъ—тоже. П.

Парёнки—распаренныя или разваренныя овощи. З.

Пасмо—10 чисменокъ. З.

Пасть—см. слопцы. П.

Паута Паутъ—оводъ, муха, мошка. П.

Пачеси—клочки кудели, отдѣляющейся при чесаніи щетью; высшій сортъ кудели. З.

Пауль—вогульское селеніе (съ вогульск.: пауль). П.

Пашенныя избушки—постройки на дальней пашнѣ, куда крестьяне переселяются во время полевыхъ работъ. Въ с. Богандинскомъ. (Тюм. окр.), гдѣ почти вся пашня дальняя, эти избушки группируются въ цѣлыя деревни съ хорошими домами. Отдѣльныя изъ этихъ превратились съ теченіемъ времени въ постоянныя деревни, какъ напр. Хижныя избушки въ 16 дворовъ. (Тюм. окр.). П.

Пашня—отдаленное поле на разстояніи 10—15 верстъ. З.

Пекуша—наскоро, во время топки, испеченный хлѣбъ. З.

Пекчи—печь. Вообще всѣ глаголы съ окончаніемъ на чь получаютъ взамѣнъ этого послѣдняго г ч и-к чи, напр.: пекчи, берекчи, лекчи и т. д. З; въ Тобольскомъ и Тюменскомъ округахъ то-же. П.

Пелиться, пялить—шалить. З.

Пеля—шалунъ; говорится про ребенка съ оттѣнкомъ добродушной ласки. З.

Первый спень—первый крѣпкій сонъ. З.

Переводить—безполезно тратить. П.

Переводъ—сущ. отъ словъ: переводить, напр. «сѣять на такой пашнѣ-чистой переводъ сѣмянъ». П.

Перевѣсникъ—паукъ. З.

Перевѣсъ — вертикально прикрѣпленная сѣть для ловли утокъ и гусей. П.

Перекатывать тѣсто — см. творить квашню.

Перемётъ - рыболовный снарядъ, состоящій изъ шнура съ прикрѣпленными къ нему крючками. П.

Перемѣна—каждое изъ полей трехпольной (или 4 четырехпольной) системы. (Тоб. окр.) П.

Перѐсторона—количество ячменя, помѣщающагося въ ступѣ. З.

Переходница—корова, долго не давав-

шая приплода. Такихъ коровъ убиваютъ на мясо (Тюм. окр.). П.

Перегѣздъ—см. гонъ. П.

Пермянка — усовершенствованная соха съ широкимъ треугольнымъ лемехомъ, съ горбикомъ по срединѣ и съ двумя колесами. Она требуетъ двухъ лошадей. П.

Песо́къ - ровное низменное мѣсто по берегамъ крупныхъ рѣкъ, которое въ іюнѣ и іюлѣ выступаетъ изъ воды. На этихъ пескахъ производятъ неводной промыселъ въ большихъ размѣрахъ. Грунтъ такихъ песковъ по Иртышу почти исключительно илистый. П.

Пестеря́къ—большой коробъ изъ хвороста для угля вмѣстимостью въ 1/4 куб. саж. (Тюм. окр.). П.

Петля—волосяная петля, которая примѣняется для ловли глухарей, тетеревей и зайцевъ. Устанавливается на тропинкахъ, рѣже на лежачихъ деревьяхъ. П.

Пехло́—земледѣльческое орудіе, употребляемое на гумнѣ для того, чтобы собирать вымолоченное зерно въ ворохъ (см. ворохъ). З.

Печатная сажень—сажень, имѣющая ровно три аршина, въ противоположность къ измѣнчивой ручной крестьянской. З. П.

Печёнка—испеченная брюква. З.

Пимы́—валенки. П.

Пина́ть—толкать ногой, качать люльку ногой при помощи веревки. П.

Пи́стикъ—мелкій мягкій хвощь, который охотно ѣдятъ лошади. Растетъ по берегамъ рѣкъ. П.

Пихта́рь—пихтовая роща. П.

Пичуля—насѣкомое типа гусеницы. З.

Плавать—грести на лодкѣ однимъ весломъ. П.

Пластаться за лосемъ—преслѣдовать его по насту (выраженіе, показывающее на огромное физическое напряженіе, которое требуетъ эта охота). З.

Пласты—замерзшій сверху слой навоза, который вырубается и глыбами вывозится зимою въ поле. З.

Плаха—толстая и широкая доска. П.

Пла́шка— небольшая толстая доска, которая настораживается для ловли бѣлокъ. П.

Плёнка или плѣнница—ловушка въ видѣ петель на утокъ. П.

Плёнка—продажная мѣра луковицъ въ 100 шт. П.

Плѣнница—см. плёнка. П.

Плёсо—видимое пространство рѣки между двумя ея изгибами, которые закрываютъ отъ взоровъ ея дальнѣйшее теченіе. Плёсо служитъ какъ бы мѣрой длины въ Тобольскомъ округѣ. Напр., если ѣдутъ рѣкой и не знаютъ числа верстъ, которое осталось проѣхать, нерѣдко говорятъ, что осталось проѣхать два плёса, три плёса и т. д. П; безлѣсной и отлогій берегъ рѣки, на которомъ происходитъ неводьба. З.

Плисъ—деревянный совочекъ. П.

По́братень или кислая шерсть—овечья шерсть, стравленная со шкуръ слишкомъ продолжительной мочкой ихъ въ квасѣ, при обработкѣ овчинъ. Самый плохой сортъ шерсти. П.

Повирять—повѣрять. З.

Повити, повитки—про сѣно, сложенное копнами на навѣсѣ, говорятъ, что оно сложено «на повитяхъ повиткахъ» (Тюм. окр.). П.

Повѣ́трія—эпидемія. З.

Повѣ́ти—см. повити. (Тоб. окр.). П.

Пога́литься—поиздѣваться. З.

Погаля́шки—Если у чулка отрѣзать нижнюю часть (ступню), то оставшаяся часть и будетъ изъ себя погаля́шки. Ихъ шьютъ изъ холста и носятъ (женщины) на голеняхъ только лѣтомъ для защиты отъ комаровъ. З.

Погода—вѣтеръ; вмѣсто того, чтобы сказать: «какой сегодня вѣтеръ дуетъ», говорятъ «какая сегодня погода поднялась». З.

Погодье—погода; нѐпогодь — ненастная погода. З.

Подбы́гать—подсохнуть. П.

Подвалъ—Какъ подъ поломъ избы устраивается подполье, такъ подъ поломъ горницы подвалъ. Ходъ въ подвалъ всегда дѣлаютъ со двора. З.

Подво́да—безплатная гоньба, (напр. «подводу везешь, аль поверстно»? т. е. «везешь-ли кого нибудь изъ лицъ, не платящихъ прогоны (исправникъ, священникъ), или за плату»?). П.

Подволошныя лыжи—лыжи, подбитыя оленьимъ мѣхомъ съ лапокъ. Эти

лыжи не дѣлаютъ шума при ходьбѣ и не скользятъ, но портятся въ настъ; см. скрадывать П.

Поджи́вотникъ—тесьма, напр. такая, какую употребляютъ для прикрѣпленія сѣтки сита къ ободу. П.

Подружки—подруги невѣсты, помогающія ей въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ. З

Подса́докъ — деревянный садокъ для рыбы. П.

Подса́чивать—лѣсъ см. чертить. П.

Подсі́нье—помѣщеніе подъ поломъ сѣней (отъ слова сіни вмѣсто сѣни). З.

По́дсѣки—ловушка для добычи лося, оленя и др. крупныхъ животныхъ состоитъ въ большомъ лукѣ, настороженномъ въ проходахъ особой ограды. П.

Подта́лица — берегъ рѣки, поросшій тальникомъ, который можно обратить въ покосъ. П.

Подто́нъ— горизонтально прикрѣпленная сѣть, на которую при ловлѣ утокъ падаетъ вертикальная сѣть перевѣса. П.

Подшиба—выраженіе «низовскіе подшибы» ироническое прозвище жителей Липчинской волости, лежащей внизъ по теченію Туры на томъ основаніи, что они слогъ ши произносятъ мягко (не шы, какъ говорятъ въ Устьницѣ) и имѣютъ слабость браниться словами «Чтобъ тебя подшибло, подшиба эдака». З.

Подъ положить или подъ образа положить. Выраженія эти означаютъ послѣднія минуты человѣческаго существованія. З.

Подъязокъ—небольшой язь. П.

Подъя́рокъ—вторая шерсть съ молодыхъ овецъ. З.

Позёмъ—сухая, распластанная щука безъ головы. П. (вѣр. съ остяцк., Ирт. н.: паджа).

Пока́ль—или поко́ль или покуль — пока. З.

Покасти́ть—красть, наносить вредъ. Если кошка въ домѣ начинаетъ ѣсть съѣстные припасы, про нее говорятъ: «кошка покаститъ». Если лѣтомъ по огородамъ обнаружится воровство—пропадутъ овощи,—то говорятъ: «садить ничего нельзя: покастятъ». Если появилось на поляхъ вредное насѣкомое, то говорятъ: «хлѣбъ покаститъ» т. е. вредитъ хлѣбу. З.

Покормлёнокъ—пріемышъ. З.

Покорму́шка—пріемная дочь. З.

Покорыствовать— почувствовать корысть и воспользоваться чужимъ добромъ. З.

Безъ покупи—не покупая; крестьяне, которые живутъ безъ покупи т. е. круглый годъ на своемъ хлѣбѣ. З.

Полевой чай—см. аршинный чай. П.

Половинникъ—плохой сортъ дегтя съ примѣсью смолы. П.

Половникъ—человѣкъ, участвующій въ предпріятіи изъ половины прибыли (см. 2. треникъ). П.

Поло́й—Полоемъ называется весенняя полая вода, заливающая прибрежную часть мѣстности. Все время разлива прибрежная часть мѣстности носитъ названіе полой. З.

Полотенщикъ или игольщикъ—рыбакъ, который чинитъ невода. П.

Полудникъ—южный вѣтеръ. П.

Полудница—нечистый духъ, обитающій въ огородѣ; полудницей пугаютъ ребятъ, чтобы они не таскали овощей. З.

Полунощникъ — сѣверо-восточный вѣтеръ. П.

Полу́торница—пудовка, имѣющая 1 п. 20 фун. вмѣстимостью (въ южной части Тобольск. окр.). П.

Полушалками — подвязывать платокъ т. е. подвязать узелъ платка подъ подбородкомъ. З.

Полый—незамерзшій(«напр.: снѣгъ палъ на полое болото»). П.

Пользительный—полезный. П.

Полянка—невысокая густая травка; полянка выростаетъ на дворахъ, на поскотинѣ. Полянкой также называется сборище праздничное, происходящее на поскотинѣ; на полянку собираться, т. е. на праздничное сборище. З.

Помо́ка—им. сущ. отъ глагола помочить. Въ засуху говорятъ—«помоки нѣтъ». З.

По́моха или помха—ржа, болѣзнь хлѣба (напр.: «у насъ нынѣ хлѣбъ пострадалъ отъ помохи»). П.

Понедѣльничать—поститься по понедѣльникамъ, что дѣлаютъ обыкновенно лишь старики и старухи. З.

Понжи—сѣти для ловли гусей, которыя примѣняются на сѣверѣ для ловли перелетныхъ гусей. П.

Понимàть—топить, заливать (напр: «вода насъ уже второй годъ понимаетъ»). П.

Порà—опредѣленное время. «Въ порѣ или въ самой порѣ», въ цвѣтущемъ возрастѣ. П.

Пòрно—сильно. З.

Порнòй—сильный. З.

Поровòй лось—трехгодовалый. П.

Пòросъ—быкъ некладеный. П.

Порѣзная трава—растеніе Achillea millefolium, примѣняется въ мѣстной медицинѣ. Пожеванная она прикладывается къ ранкѣ, чѣмъ будто вызываетъ ея заживленіе (Тюм. окр.). П.

Посидѣнокъ—бесѣда. Когда человѣкъ ушелъ изъ дому безъ дѣла, только съ цѣлью посидѣть и поговорить, тогда про него говорятъ: «отправился на посидѣнокъ»; причемъ въ этихъ словахъ слышится нѣкоторое осужденіе. З.

Пòсконь—тѣ стебли конопли, на которыхъ находятся сережки съ цвѣточною пылью. Пòсконь рвутъ раньше конопли. З.

Поскòтина—выгонъ, мѣсто, гдѣ пасется скотъ. П.

Поскòтина—мѣсто для выгона скота (съ весны и до уборки хлѣба); З. П. поскòтина всегда лишена высокой травы, почему это слово употребляется въ иносказательномъ смыслѣ: чисто, какъ на поскотинѣ. З.

Пострàдка или пострадулька женщина, нанятая на страдỳ т. е. на время сѣнокоса и жатвы. (Въ пострàдки идутъ преимущественно женщины). З.

Пострадка—наемная работница, поденщица. П.

Посỳда—лодка. П.

Посỳдина—лодка. П.

Потòпа—наводненіе; если прорвется плотина, и вода зальетъ низменные берега, говорятъ о «потопѣ». (Тюм. окр.) П.

Потчёные гости—которымъ сдѣлали честь, которые почтены. З.

Пошевня—березовыя санки, обдѣланныя рогожами. П.

Пошлина дикая—штрафъ. З.

Поэтамъ—должно быть. З.

Править топоромъ—придавать такой видъ вещи, въ которомъ она можетъ идти на подѣлку. З.

Привàрокъ—пища рыбаковъ (кромѣ чаю): похлебка, мелкая рыба и т. д. П.

Пригòны—скотный дворъ въ задней части ограды. З.

Пригонъ—навѣсъ, который занимаетъ одна или двѣ стороны скотнаго двора и состоитъ изъ жердей, крытыхъ соломой или сѣномъ. П.

Приклàдъ—разные предметы (шкурки, тряпки, деньги), которые жертвуютъ духамъ. П.

Прикуска—пироги, аладьи, рыба и т. под. яства, которыя подаются къ чаю. П.

Прилесной—понятіе, обозначаемое этимъ словомъ, можетъ быть выражено не точно словомъ «прелестный». Собственно прилесной происходитъ отъ глагола прильщать т. е. притягивать къ себѣ лаской, любовью. Въ пѣснѣ поется: «Разъ прилесной былъ товарищъ. Съ одной ложки пилъ и ѣлъ». З.

Пристàть—устать, напр.: «я присталъ». П.

Пристѣнокъ—мѣсто, куда вставляютъ полозья для просушки. З.

Притàнивать—вытаскивать неводъ. П.

Притвàривать квашню—см. творить квашню.

Притòнъ—мѣсто, гдѣ приганиваютъ т. е. гдѣ вытаскиваютъ неводъ изъ воды. П.

Пробыгать—просохнуть; см. абыгать. П.

Проводникъ—(отъ глагола проводничать)—въ значеніи ямщикъ. З.

Проводничать—править лошадьми. З

Провòрить—достать, выпросить. З.

Проголосныя пѣсни—т. е. поющіяся протяжно. З.

Прогòнъ—1) тонкій шнуръ у самолова (въ 20 с.) и вообще шнурокъ; 2) двое лицъ, необходимыхъ для ловли при помощи самолововъ (напр.: «на прогонъ добыли по 20 пуд.»). 3) плата поверстная (мн. число). 4) Земельная мѣра въ Уватской вол. Тоб. окр., заимствованная отъ самолова. Такъ какъ длина послѣдняго 20 с., то прогонъ земли равенъ 20.20 с.= 400 кв. с., 2 прогона 800 кв. с. и т. д. (на десятины въ сѣв. части Тобольскаго округа не мѣрятъ, пото-

му что тамъ пашни имѣютъ видъ клочковъ среди болотъ). П.

Продать, запродать—отдать въ аренду на нѣсколько лѣтъ напр.: «татары продали своимъ сосѣдямъ рѣчку за 100 руб. на 6 лѣтъ». П.

Прокуратъ—насмѣшникъ, забавникъ. З.

На прокъ—на будущій годъ. З.

Промёжговѣнье—время между постами или говѣньями. З.

Промозглò—испортилось; напр. «молоко промозглò». З.

Промыселъ—рыбный промыселъ и добыча пушнаго звѣря. П.

Промышленникъ—лицо, занятое рыболовствомъ или добычей пушнаго звѣря и птицъ, какъ промысломъ. П.

Простень—веретено съ напрядными нитками. З.

Прòрва—протòка, которая пересѣкаетъ луку; см. протòка. П.

Прорубщикъ пролубщикъ — человѣкъ, на обязанности котораго лежитъ заботиться, чтобы проруби для людей и для скота не покрывались льдомъ. Прорубщикъ нанимается цѣлымъ селеніемъ. П.

Протòка—параллельные рукава большихъ рѣкъ, и рѣчки, впадающіе обоими концами въ большую рѣку. П.

Протошка—иголка безъ ушей. З.

Прѣсная шерсть—овечья шерсть, полученная стрижкой овецъ. Она цѣнится гораздо дороже (4 р.—7 р. за 1 п.), чѣмъ «кислая» (1 р. 50 к.—1 р. 70 к.), полученная продолжительной мочкой овчинъ въ квасѣ. П.

Прялья—пряха; про лѣнивую пряху говорятъ «Три дни—три нитки, пять дёнъ—простенёкъ». З.

Прясло—колѣно оградъ, состоящее изъ нѣсколькихъ горизонтальныхъ жердей, прикрѣпленныхъ къ кольямъ, вколоченнымъ въ землю. П.

Птаха—пташка, птичка. П.

Пудовка — четверикъ (мѣра сыпучихъ тѣлъ). П.

Пульникъ—тетеревъ, тетерька. П.

Пульничекъ (уменьш.)—то-же. П.

Пургà—снѣжная мятель. П.

Пустоплёсье—пустынное не заселенное мѣсто на рѣкѣ; напр. говорятъ: «мнѣ пришлось ночевать на пустоплёсьѣ» т. е. причаливать и ночевать гдѣ-нибудь у берега внѣ селеній. П.

Пу̀тикъ—рядъ петель, поставленныхъ въ лѣ у для ловли зайцевъ. З.

Пу̀тный—хорошій, удобный, годный (соръ, песокъ, путь, ружье). П.

Пучени—дубъ (засушенная кора) свертывается особымъ образомъ и связывается въ пучени; на возъ идетъ около сотни пучень. З.

Пушпо мѣсто—больное, чуткое мѣсто. «Попасть въ пу̀шпо мѣсто»—задѣть больную струнку. З.

Пыжьянъ—рыба изъ породы Лососевыхъ (Coregonus polkur) живетъ въ Оби, (съ остяцк., сѣв. нар.: пысьянъ). П.

Пымы̀—(см. пимы̀) вàленые сапоги. З.

Пята—задняя часть невода. З.

Пятà—см. уховой конецъ. П.

Пятистѣнная изба—изба въ двѣ комнатки, раздѣленныя бревенчатою перегородкою. П.

Пятнать—мѣтить домашній скотъ посредствомъ надрѣзовъ на ушахъ. З; также рыбу передъ помѣщеніемъ ея въ общій садокъ. У рыбъ при этомъ отрѣзаютъ кончики хвоста: одинъ хозяинъ при этомъ пятнаетъ рыбу одной породы, другой другой. П.

Пятно—особый знакъ, которымъ отмѣчаютъ кучи срубленныхъ кряжей, принадлежащихъ тому или другому дворовому хозяйству. Такъ напр, на комлѣ дѣлаютъ зарубки, а на корѣ кòмля—разрѣзъ коры. З; знакъ, которымъ пятнаютъ скотъ и рыбу. П.

Пятовой конецъ—см. пятà. П.

Пятовщикъ—см. уховой конецъ. П.

Пятовщикъ— то лицо изъ числа охотниковъ, которое слѣдуетъ за лосемъ по пятамъ, а не отстало во время охоты. П.

Пятòкъ—лыко отъ 5 липокъ, связанное въ пучекъ. П.

Р.

Рàгоза—неуживчивый, сварливый человѣкъ. З.

Радуга—концами пьетъ воду изъ рѣкъ и озеръ и поднимаетъ ее на небо для дождя. Плавать при появившейся радугѣ считается опаснымъ: утянетъ на небо. З.

Развы̀тить—раздѣлить (говорится про пашни и луга, которыя дѣлятся по душамъ). П.

Разглуздаться—стать повеселѣе послѣ сна или какого-нибудь горя. З.

Разглуздываться—тоже, что «обычиваться». З.

Разсорка—ссора. З.

Ракйтникъ—порода ивы. П.

Распа̀шка—вновь поднятая цѣлина или новь, см. мягкая земля. П.

Распокладка—раскладка податей. (Тюм. окр.). П.

Растйльница—деревянный ящикъ или просто доска съ землей, на которой совершаютъ пробу всхожести сѣмянъ. (Тоб. окр.). П.

Раструсить—разбросать по мелкимъ частямъ, напр.: «раструсить навозъ по пашнѣ». П.

Раструска—сущ. отъ предъидущаго слова. П.

Ребята не стоятъ т. е. не выживаютъ. З.

Ревѣть—звать («напр.: реви его»). П.

Релочка—клочокъ земли, напр. «черноземъ встрѣчается релочками (пягнами) среди сплошныхъ солонцевъ». (Тюм. окр.). П.

Ржа см. помоха. П.

Рига—сушильня схожая съ овиномъ, но съ печью вм. ямы. (Тюм. окр.). П.

Рикотовать—судачить, спорить. П.

Ричка—рѣчка З.

Ро̀бить—работать П.

Рогалиха, рогалюха — мѣстная соха довольно примитивнаго устройства. П.

Рогалюха—соха. З.

Ронжа—кушка (птица). П.

Рослый (нерослый)—который хорошо всходитъ (про хлѣбъ). Передъ посѣвомъ крестьяне сажаютъ въ «растильницы» 100 зеренъ и по проценту всхожести опредѣляютъ качество его или его «рослость». П.

Ро̀спашь—см. распашка. П.

Росчисть—то-же. П.

Роща—ивовая заросль въ сѣверной части Тоб. окр., куда поздней осенью и ранней весной, при отсутствіи готоваго сѣна, пускаютъ скотъ. П.

Руса̀къ—сѣрый заяцъ. П.

Русленникъ—широкій мѣшокъ изъ толстаго и прочнаго холста. З.

Ручникъ—пологенце. П.

Ру̀шаютъ—рѣжутъ на куски хлѣбъ. З.

Рѣжевка—рыболовный снарядъ, состоящій изъ 2 или 3 сѣтей, изъ коихъ одна частая и 1 или 2 (въ посл. сл. обѣ наружныя) рѣдкія. (Тюм. окр.). П.

Рѣжь—рѣдкая сѣть, мережа. П.

Рѣзачка — болѣзнь, при которой мочеотдѣленіе происходитъ съ болью; одинъ изъ видовъ порчи. З.

Рѣзу̀нъ—тонкій ледъ, плавающій осенью по поверхности рѣкъ. П.

Рѣшето—мѣра разсады овощей въ 50—60 растеній. (Тоб. окр.). Н.

Рыбалка—рыболовное мѣсто. П.

Рюшки-рюшки — междометія, посредствомъ которыхъ манятъ поросятъ. З.

Рябо̀къ.—рябчикъ. П.

Рябу̀ха—тетерька, самка глухаря, см. капалуха. П.

На другой рядъ вспахивать поле— вторично его пахать. З

Рямникъ—небольшая корявая сосна, растущая на болотѣ. П.

Рямъ—моховое болото. П.

С.

Саба̀нъ—мѣстная соха съ болѣе широкимъ лемехомъ, чѣмъ урогалюхи (иногда съ 2), и съ 2 колес. Тюм. ал. окр П.

Садовый огородъ—ближній огородъ. П.

Садо̀къ—вмѣстилище для мелкой рыбы, сдѣланное изъ деревянныхъ драноиъ или изъ хворостинокъ. П.

Садъ—садокъ, въ который сажаютъ пойманную рыбу. Онъ состоитъ изъ небольшого озерка, всѣ выходы котораго заперты. Здѣсь держатъ рыбу до осеннихъ заморозей, когда ее выневаживаютъ и везутъ на продажу. Если нѣсколько артелей имѣютъ общій садъ, то, сажая въ него рыбу, ее предварительно нерѣдко пятнаютъ, т. е. одна артель обрѣзываетъ кончики хвоста у одной рыбной породы, другая,—у другой и т. д. Чтобы садъ былъ годенъ для посадки въ него рыбы, его предварительно очищаютъ отъ лѣсного хлама, который рветъ невода. Это называется выплавать садъ. То же выраженіе («выплавать») употребляется и когда говорятъ объ очисткѣ песка передъ ловомъ см. «задѣва». П.

Сажень—1) мѣра длины ровная («печатной») или приблизительно («крестьянская») 3 арш.; 2) квадратной

мѣра для опредѣленія площадей. Въ Богандинской вол. (Тюм. окр.) подъ этимъ словомъ подразумѣвается мѣра земли, одно измѣреніе которой (об. ширина) равняется неизмѣнно 30 саж., а другое 1 с., напр. въ дер. Антипиной крестьяне сообщили, что у нихъ «152 сажени» на душу. Это значитъ, что у нихъ 152.30 с. или 4560 кв. с. на душу. П.

Сайпъ—сѣть или мережа, изъ которой дѣлають невода, сѣти, фитили и др. ловушки (происходитъ отъ остяцкаго слова: сойепъ, сайпъ). П.

Саксаулъ—порода дикихъ утокъ. П.

Самосидка—водка, которую крестьяне и остяки гонятъ сами при помощи котловъ и ружейныхъ стволовъ (вм. трубокъ). П.

Самоѣдь—самоѣды. П.

Сарга, сарка—тонкой гибкій прутъ. П.

Сборня—изба, гдѣ (происходятъ сельскіе сходы; она нанимается на общественный счетъ. (Тюм. окр.).

Сведѐнники «Что вы ссоритесь, какъ сведѐнники»? Вдова, выходя замужъ, приводитъ въ домъ новаго мужа дѣтей отъ перваго брака, у мужа тоже дѣти отъ перваго брака: эти сведенные братья и сестры и зовутся «сведѐнниками». З.

Свертокъ - маленькая дорожка, на которую свертываютъ (поварачиваютъ) съ другой дороги. З.

Свизь—порода дикихъ утокъ. П.

Свистунъ—кукшъ. З.

Свіязь—см.: связь. П.

Свѣдѣніе—метрическая справка о рожденіи и крещеніи. З.

Сгальничать—безобидно подсмѣиваться надъ кѣмъ нибудь. З.

Сгаркнуть—крикнуть, позвать. П.

Сдымать—поднимать. П.

Сеголникъ—жеребенокъ, имѣющій меньше года. П.

Седу—сяду. Въ пѣснѣ поется:
«Я съ досады седу рядомъ,
«Не мѣшаю никому». З.

Сейгодъ нынѣ. П.

Семишникъ—мѣдная монета въ двѣ копейки. З.

Сермяга—будничная верхняя одежда, лѣтомъ сверхъ рубахи, а зимой сверхъ шубы. З.

Серпуха—Lycopodium cypressifolium, употребляется мѣстными жителями, главн. обр. остяками, какъ желтая краска. П.

Сиверъ—сѣверный вѣтеръ. П.

Сиводушка — лисица съ красноватой грудью. П.

Сидѣть въ невѣстахъ—быть невѣстой (собств. со дня просватанья по день свадьбы). З.

Силище— ловушка на бѣлку, состоящая изъ жерди съ прикрѣпленными къ ней петлями. П.

Сильница—сѣяльница т. е. хозяйственная вещь для сѣянія муки. З.

Сима — нитка, составляющая принадлежность при весьма многихъ ловушкахъ, на р. кривдѣ, чердакѣ, загороженномъ лукѣ и т. д. П.

Симка (уменьш.)—сима. П.

Синявка—родъ сыроѣжки (грибъ). (Тюм. окр.). П.

Скатъ—четыре ноги мясной туши. П.

Скленёхонько—полнехонько. З.

Склепить—состарать. З.

Склянó - полнó, съ краями наравнѣ. З.

Сколотка—болѣзнь. при которой сильный запоръ; одинъ изъ видовъ порчи. З.

Скрадывать — подкрасться незамѣтно, напр: «промышленникъ скрадываетъ сохатаго на подволошныхъ лыжахъ» значитъ: «охотникъ незамѣтно подкрадывается къ лосю на лыжахъ, подбитыхъ мѣхомъ. П.

Скудáть—имѣть недостатокъ чего либо; напр., про больного говорятъ «здоровьемъ скудаетъ». З.

Скырчиганье—скрежетъ. З.

Слаутный—знаменитый. З.

Слевать пиво—въ послѣдній разъ сливать пиво въ корчаги черезъ рѣшето. З.

Слега—нетолстое, но длинное бревно. З.

Слѣчъ—бревно. П.

Сливать опару—цѣдить сквозь рѣшето. З.

Слободску фамиль вела—т. е. держала себя важно и чинно настолько, насколько могла научиться этому въ слободѣ. З.

Словинка—особаго рода заговоръ, произносимый при рыбной ловлѣ или при постановкѣ петли для ловли зайцевъ. Примѣръ словинки: «Ставлю я ловушку — поставушку на бѣлаго, на

сѣраго, на красныхъ звѣрей, какъ красно солнце идетъ, не такъ бѣлы, сѣры,... звѣри шли не воротилися одной тропой, однимъ слѣдомъ ко мнѣ къ рабу къ Ивану, какъ въ лѣсинѣ сердца не видно, такъ и меня злой человѣкъ не видѣлъ». З.

Слопцы — ловушка для ловли зайцевъ. Состоитъ изъ двухъ заборинковъ, которые ставятъ на тропѣ. Войдя въ промежутокъ между заборинками, заяцъ задѣваетъ насторожку, чѣмъ вызываетъ паденіе прикрѣпленнаго сверху бревна, которое его и давитъ. П.

Сляча—мокрый снѣгъ, снѣгъ съ дождемъ. П.

Сляшшилъ—укралъ. З.

Смотрѣть невѣсту — ходить смотрѣть на невѣсту, хотя бы она давнымъ давно была знакома, и попутно угощаться пряниками и орѣхами, которые женихъ привозитъ невѣстѣ. З.

Смо̀чный — изобильный дождемъ, водой напр.: «смочный годъ»—годъ съ обильными дождями. П.

Снаряды—при помощи которыхъ ленъ превращается въ нитки и холстъ: мялка, трепало, щеть, веретено, мотовило, воро̀бы, тюрикъ, самосно̀вы, скально, кро̀сна или красна̀. З.

Снопъ—1) пукъ зерноваго хлѣба; «снопъ» конопли состоитъ изъ четырехъ «горстей». 2) мѣра пашни въ сѣв. части Тобольск. окр., напр. говорятъ: «у насъ земли на 300 сноповъ). П.

Соба̀чки—сорное растеніе (Linaria vulg.) съ цѣпкими сѣменами, пристающими къ одеждѣ. П.

Соболева̀ть—добывать соболя. П.

Со̀гра—дикое мѣсто, вдали отъ жилья, усѣянное кочками; въ согрѣ ничего не родится полезнаго для крестьянъ, а если и ростутъ ягоды да березовый лѣсъ, то воспользоваться ими трудно: почва неровная да и топкая. З.

Со̀гра—болото, кочковатое болото. П.

Соковоѐ—камбій сосенъ и березъ, который весной употребляются въ пищу крестьянами и татарами (послѣдніе ѣдятъ его со сметаной) въ видѣ лакомства. Срѣзавъ кору, камбій и верхніе слои древесины, скоблятъ при этомъ проволокой (сосна) или ножемъ (береза) (Тюм. окр.).

Соково̀й слой луба—внутренній красноватый слой. П.

Солуй—цѣлуй. З.

Сонная смѣна—рыбаки, принужденные отбывать свою очередь по неводьбѣ ночью. П.

Сообщать—соединять, напр.: «оба брата сообщили свои полосы (пашни)». (Тоб. окр.). П.

Сопка—бугоръ, возвышенность, курганъ. П.

Сороковая десятина — мѣстная мѣра земли въ 3200 кв. с (40 с.×80 с.). Встрѣчается въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Абалакской и Бронниковской волостей Тоб. окр. П.

Соръ (мн. ч.: сора̀) — низменныя мѣста, заливаемыя весной водою, а лѣтомъ покрытыя травой. Также озера съ плоскими берегами, уровень которыхъ находится въ зависимости отъ количества выпадающихъ осадковъ. Иногда, впрочемъ, слово: «соръ» употребляется просто вмѣсто: «озеро». Обширные заливы въ нижнемъ теченіи большихъ рѣкъ, отчасти высыхающіе лѣтомъ, также именуются этимъ именемъ. Хотя повсему вѣроятію слово «соръ» заимствовано изъ остяцкаго языка, но русское слово сохранило болѣе древнюю остяцкую форму. Дѣйствительно, нынѣшнее остяцкое выраженіе для этого понятія есть: то̀ръ, причемъ такъ какъ въ южномъ нарѣчіи *т* (*ш*) въ началѣ (и концѣ) словъ во многихъ случаяхъ произошло изъ *с*, первоначальная форма этого слова должна была быть соръ. Аналогично этому изъ русскаго: «русь» въ Иртышскомъ нарѣчіи форма: руть, рушь. П.

Соровой—прил. отъ соръ. П.

Со̀-стани—со сна. З.

Сотня—ближайшее подраздѣленіе волости, встрѣчающееся однако не часто; сотня или сельское общество дѣлится на десятки, которые въ свою очередь состоятъ изъ одной или чаще нѣсколькихъ деревень. П.

Сохатый—лось. П.

Сочи̇̀ло—инструментъ для сдиранія коры, приготовляемый изъ кости. З.

Сочить—отыскивать напр.: «сочить лося» — отыскивать раненнаго лося по кровавому слѣду, оставленному имъ на снѣгу; «сочить дорогу»—отыскивать путь: напр. про лошадь, которая зимой часто сбивается съ пути, говорятъ: «она плохо сочитъ дорогу»). П.

Сорòга—рыба изъ породы плотвы, имѣетъ крупную чешую и красноватые глаза. Живетъ въ рѣкахъ. П.

Сорогка—флюгеръ. З.

Сполитѝчно—удобно, сподручно, практично. П.

Спорóмить пиво—слить все сусло обратно въ чанъ. З.

Справить колоду—собрать деньги для уплаты окладныхъ сборовъ. П.

Спрўдиться—соскочить съ лука (напр. про стрѣлу). П.

Спускъ—снарядъ для витья веревокъ. П.

Ставъ см. **метище**. П.

Стаи или **стайки**—хлѣва въ пригонахъ. З.

Стая, стайка—бревенчатый хлѣвъ для рогатаго скота и овецъ. П.

Стай или **стàекъ** (**стàя, стайка**)—хлѣвъ для коровъ. З.

Стамикъ—пристройка около входа въ подполье; доска около печи въ избѣ. Это упоминается въ прибауткѣ:

«Старуха старика
Донимаетъ у стамика,
Назавтра старикъ
На ногахъ не стоитъ». З.

Старая рѣка—напр. Старая Обь, Ст. Иртышъ, Ст. Салымъ. Если главное русло рѣки переходитъ въ одну изъ ея протокъ, то прежнее главное русло ея начинаетъ постепенно съеживаться и заплывать. Въ этой стадіи регресса рѣка называется **Старой** (въ противоположность **Новой рѣкѣ**). При дальнѣйшемъ измѣненіи Старой рѣки получается.

Стàрица — имѣющая видъ полукруглаго озерка съ центромъ обращеннымъ къ рѣкѣ. П.

Старѝчникъ, старичкѝ—чернобыльникъ (Artemisia campestris) сорная трава. П.

Стàнокъ—станція ямщиковъ; разстояніе между двумя станціями по тракту. П.

Вода станетъ въ трубу—когда разливъ кончится и начинается ловля рыбы удочками. З.

По статкамъ—т. е. какъ средства позволятъ. З.

Стеклò (мн.: **стѐкла**) — клочки пашни между болотами, лѣсами и т. д. (Тоб. окр.). П.

Стеркъ—бѣлый журавль. П.

Стины. Послѣ крещенія младенца въ домѣ родителей его устраиваются стѝны (отъ кстины-крестины), на которыхъ присутствуютъ кумъ, кума и родственники. З.

Стогъ—мѣра сѣна въ Тобольск. окр. приблизительно въ 20 копенъ (напр. говорятъ: «у насъ покоса стоговъ на 20»). П.

Столбъ—кусокъ сѣти, равный 2—3 дѣлямъ (см. «дѣль»). П.

Стопà—комната. Изба въ одну стопу̀—одну комнату; въ двѣ стопы̀—изба изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями. П.

Сторожекъ—коротенькій кусочекъ черемухи съ зарубкой на одномъ концѣ. З.

Стòрожкій—чуткій, осторожный (напр. про животныхъ не подпускающихъ охотника на близкое разстояніе). П.

Стругъ—рубанокъ. З.

Стружекъ—легкая лодочка одно-деревка. З.

Стряпка—кухарка, хозяйка, занимающаяся стряпней. П.

Стрѣлка— 1) «коромысло» — стрекоза; 2) продольная мель на рѣкѣ. П.

Стряпка—кухня. З.

Стрѣжь—самое глубокое мѣсто рѣки, фарватеръ. П.

Стрѣжевый неводъ—большой неводъ въ 200 и болѣе саж. длины, которымъ ловятъ въ стрѣжи. П.

Ступѝкъ — рыхлый снѣгъ, по которому конь можетъ идти лишь шагомъ и иногда проваливается. П.

Стѣновая изгородь—плотная и прочная изгородь, охраняющая пашню отъ потравъ со стороны скота. Неплотная изгородь называется **боровòй** и **луговой**, потому что служитъ оплотомъ для менѣе цѣнныхъ угодій: боровъ и луговъ. П.

Стѣнь—ширина невода. П.

Сўдъ страшной будетъ въ Іерусалимѣ, пупъ (центръ) земли, туда соберутся всѣ народы земные, какъ живущіе, такъ и давно умершіе. «На страшномъ судѣ Батюшко Истеной Христосъ велитъ закрыть всѣхъ грѣшниковъ дерномъ, чтобы не слышно ни голосу, ни зубнаго скырчиганія». З.

Сумерничать—забираться на печь да на палати отдыхать. З.

Суслòнъ—куча изъ сноповъ хлѣба. Суслоны бываютъ въ 5, 10, 12 и т. д. сноповъ. Послѣдній состоитъ изъ 4 сноповъ. поставленныхъ комлемъ внизъ и кры-

тыхъ пятымъ, обращеннымъ комлемъ вверхъ. Послѣдніе два строятъ такимъ образомъ: 7 и 9 сноповъ ставятъ комелемъ внизъ и кроютъ тремя лежащими, наклонно колосьями книзу. (Тюм. окр.).

Суслоны—3 ржаныхъ снопа вверхъ колосьями, покрытые четвертымъ въ видѣ бумаги на сахарной головѣ. З.

Сусѣдко—своего рода домовой, обитающій въ подпольѣ, представляемый въ видѣ старика; добръ или золъ, смотря по обстоятельствамъ; имѣетъ особенное отношеніе къ лошадямъ. З.

Сусѣки—закрома для зерна въ амбарахъ. З.

Сутӯнокъ—длинное и толстое бревно. З. П.

Сухàрина или сухàрникъ—кора тополя. З.

Сухой или суховой пай—доля въ добычѣ, рыбы, которая полагается лично за какую-нибудь услугу, напр., за поставку части невода или лодки извѣстному лицу, не принимавшему участія въ неводьбѣ. П.

Схлыдзить. Нарушить условія игры, сбѣжать «Хлызденникъ, берденникъ, по чемъ бёрды», дразнятъ такого человѣка. З.

Сырецъ—залогъ или новь, поднятая въ данный годъ и не годная еще для посѣва хлѣба (см. кислѣдъ) П.

Сырокъ—Salmovimba, (съ остяцк.: сðрохъ) небольшая рыба изъ породы лососевыхъ, живущая въ Иртышѣ, Оби и нѣкоторыхъ озерахъ Тоб. окр. П.

Сыромолотый—Если молотятъ хлѣбъ, не сушенный въ ригахъ или овинахъ, то такой хлѣбъ называется сыромолотымъ. П.

Сѣногной—частый, мелкій и продолжительный дождикъ, о которомъ говорятъ вм. «идетъ» «буситъ» т. е. падаетъ такъ же, какъ падаетъ бусъ (мучная пыль) на мельницѣ. З.

Сѣра (древесная)—капельки смолы, которыя выдѣляются на хвойныхъ деревьяхъ. Сѣру жуютъ въ Сибири, какъ кэви и закйсъ (смолу санда рака) въ Закавказьѣ. П.

Т.

Таналетъ—туалетъ (заркало). З.

Тàловый кустъ—кустарная ива. П.

Талый—незамерзшій (напр.: «снѣгъ палъ на талую землю»). П.

Талъ—ива древесная и кустарная. П.

Тальникъ—то-же. П.

Тальяночка—итальянская гармонія. З.

Тамàръ—стрѣла съ набалдашникомъ изъ кости или дерева для добычи бѣлки (по остяцки: тамаръ. Это слово кажется употребляется и въ Архангельской губерніи, въ виду чего или и заимствовано, то въ очень отдаленное время). (Тоб. окр). П.

Тасьма—тесемка; въ пѣснѣ поется:

«Милой мой милой
Подпоясался тасьмой». З.

Тàчу—совѣтую; «не хàчу да и вамъ не тàчу»—не хочу да и вамъ не совѣтую. З.

Творило—занадня. З.

Творить квашню—это выраженіе обозначаетъ часть процесса приготовленія ржаного хлѣба; заключается онъ въ слѣдующемъ: днемъ къ закваскѣ, наканунѣ стряпни, утромъ подливаютъ немного холодной воды, вечеромъ же, подливъ еще воды и прибавивъ ржаной муки и соли, завязываютъ квашенникомъ. Вторая часть процесса приготовленія ржаного хлѣба—называется «притваривать квашню» т. е. прибавлять къ тѣсту, приготовленному въ предшествующій день, нѣкотораго количества муки настолько, чтобы тѣсто можно было класть изъ квашни лопаткой. Перекатывать тѣсто выкладывать поднявшееся тѣсто въ «сильницу», гдѣ оно раскатывается, послѣ чего выкладывается на столъ, и изъ него дѣлаютъ ковригу. З.

Творогъ—ожимки, размоченные въ водѣ, процѣживаютъ сквозь сито и полученную жидкость кипятятъ. При кипяченіи, на поверхности жидкости получаются твердыя частицы, которыя, будучи собраны и соединены съ лукомъ, получаютъ имя творога. З.

Теки—дядя, братъ матери). П. (съ остяцк. Ирт. нар., тьека—мл. братъ матери, по отношенію къ ея сыну З.

Телятникъ—небольшая часть поскотины отведенная для телятъ. П.

Тӣрыша—пустился бѣжать. З.

Ткалья—ткачъ; про лѣнивую ткалью говорятъ: «Девятая весна—баба смыслила краснà, между ниченкамъ набѣлкамъ.

утка гнѣздышко свила, малыхъ дѣтушекъ свела, прошисточка травой уросла». З.

Товаръ—пушной звѣрь; «**ходить за товаромъ**», звѣровать. П.

Тожнб—тогда. З.

Тбкушъ—годовалый лось. П.

Тбкъ—чистое укатанное или утоптанное мѣсто, на коемъ вѣять и молотять хлѣбъ. (см. **дблонь** П.

Тблмить—повторять нѣсколько разъ для лучшаго усвоенія. З.

Толстая крупа—растолченныя ячменныя зерна, «**отталканныя**» (см. отталкивать) и провѣянныя. З.

Толстая крупа—крупа въ видѣ цѣльныхъ ячменныхъ зеренъ, лишенныхъ оболочки. (Тюм. окр.). П.

Торомъ—Богъ З. (съ остяцкаго: **Тўрымъ**, **Тўрумъ**, **Тбрымъ** или вогульскаго. **Тбрымъ**). П.

Торбщиться—ворчать. З.

Тбтвано—слово, безъ надобности вставляемое нѣкоторыми лицами въ рѣчь. П.

Тпрсё—**тпрсё тпрсёнька**—междометіе, посредствомъ котораго зовутъ лошадей. З.

Тѣрудя—междометіе, посредствомъ котораго гонятъ лошадей. З.

Тпрукъ, тпрукъ, тпрукъ!

Тпруконька, тпрукомка—междометіе посредствомъ котораго манятъ коровъ. З.

Третники—отдѣльныя поля, равняющіяся 1/3 десятины и идущія всегда около селенія. Эти поля всегда бываютъ удобрены навозомъ и потому даютъ хорошій урожай. З.

Третникъ—треть крестьянской десятины въ 2700 кв. с. т. е. 900 кв. с. Въ Тюменскомъ и Тобольскомъ округѣ это слово примѣняется для всякой площади земли, главн. обр. для пашни (дальней и ближней, удобряемой и не удобряемой). Два третника равняются 1800 кв. с. П.

Третникъ—человѣкъ, участвующій въ какомъ-либо дѣлѣ изъ третьей части добычи или прибыли, напр. казенныя «юровыя» часто сдаются изъ половины или трети прибыли, причемъ рыболовы называются въ этомъ случаѣ «полбвниками» и «третниками». (Тоб. окр.). П.

Треушбкъ—небольшая самоѣдская шапочка съ длинными висящими наушниками. Она дѣлается изъ мѣха **неплюевъ** или годовалыхъ сѣв оленей и носится подъ капишономъ «гуся». Всѣ эти виды одежды въ большомъ употребленіи на сѣверѣ Сибири, начиная съ сѣверной части Тобольскаго округа. Носятъ ихъ какъ инородцы, такъ и русскіе. П.

Троегранка или **горчавка**—Alisma plantago (растеніе). П.

Тропа—заячья дорожка. З.

Тропà—тропинка, которую прокладываютъ животныя (лисицы, зайцы) и птицы (глухари, тетерева). П.

Тропникъ—ловушка на зайцевъ, главная составная часть которой состоитъ изъ сѣти. Ставится на заячныхъ тропахъ. П.

Трубйца—средняя трубчатая часть колеса. П.

Трунда, трундра—торфяное болото; торфъ, кислый перегной. П.

Туесья—бураки. З.

Въ тукъ идетъ—въ пользу. З.

Турпáнъ—крупная порода дикихъ утокъ. П.

Туча—происхожденіе грома приписывается Ильѣ пророку. При каждомъ ударѣ грома принято перекреститься и сказать: «Святъ, святъ, святъ! Пошли, Господи, тихую росу». Полагаютъ такъ же, что по временамъ изъ тучи на землю падаютъ каменныя стрѣлы, которыя расщепляютъ деревья. Такое дѣйствіе стрѣлы объясняется преслѣдованіемъ дьявола, который отъ нея прячется за различные предметы; напр. если стрѣла расщепила дерево,—это значитъ, что дьяволъ прятался за это дерево. З.

Тунъ—татарскій полушубокъ изъ козьяго мѣха. П.

Туясь—небольшая довольно высокая кадочка изъ дерева или бересты съ крышкой, снабженной ручкой. П.

Тютю—нѣту (говорятъ съ дѣтьми). З.

У.

Убрбдный—проходящій черезъ глубокій снѣгъ (путь). П.

Убрбдъ—глубокій рыхлый снѣгъ, въ который лошадь постоянно проваливается и по которому, вслѣдствіе этого, трудно ѣхать. П.

Уважать—нравиться, любить напр.: «я не уважаю бѣлый хлѣбъ». П.

Увàлъ—невысокая, но значительной длины возвышенность съ постепеннымъ склономъ. З. П.

Ударъ «съ носка»—боковой частью ступни по ногамъ; «съ пятки»—пятка одной изъ ногъ закидывается за пятку противника; «съ крюку»—нога закидывается съ внутренней стороны ноги противника; «съ хохлки» стараться подвернуть свою спину подъ животъ противника и перебросить его черезъ себя. З.

Удушье—кашель. З.

Уклюжій им. прилаг.—это слово означаетъ понятіе противоположное озойный. Такъ напр. перо, пухъ, сѣно—предметы озойные, при укладываніи занимаютъ много мѣста; наоборотъ—дробь предметъ уклюжій, при укладываніи занимаетъ мѣста меньше, чѣмъ тоже количество по вѣсу напр. пера. З.

Укотòшить—убить. З.

Уксусникъ—сосудъ для уксуса, заостряющійся отъ средины вверхъ и внизъ съ носкомъ въ верхней боковой части, вмѣстимостью около 1/2 ведра. З.

Улежѝтъ ленъ—когда стволы его сгніютъ и сдѣлаются хрупкими. З.

Уловили корову—убили. З.

Ультемъ—племянница. З.

Умаленіе—недостатокъ (напр.: «земли у насъ въ умаленіи»). П.

Умолóтъ—количество зерна, падающее съ извѣстнаго количества хлѣба въ снопахъ. П.

Умолóтный—дающій хорошій умолотъ. П.

Упадокъ—падежъ. П.

Унести кругъ—одержать полную побѣду въ борьбѣ, на гордость себѣ и своей деревнѣ. З.

Упелèстовать—затерять, засунуть куда-нибудь. З.

Упорóмить—затащить или затерять что-нибудь. З.

Урáкъ—сушеная на огнѣ плотва (на Кондѣ). П.

Урманный промыселъ—добыча пушнаго звѣря и птицы. П.

Урмáнщикъ—охотникъ на пушного звѣря и дичь, звѣровщикъ, промышленникъ. П.

Урмáнъ—обширное сплошное лѣсное пространство. Молодые лѣса, имѣющіе названныя качества, носятъ то же названіе. Таковы почти всѣ лѣса Тобольскаго округа. П.

Урòкъ—дѣйствіе худаго глаза, дурнаго на желанія и т. д., gettatura. П.

Уроки—болѣзнь, происходящая отъ ближнихъ, если кто недобрымъ взглядомъ взглянетъ или кто «съ вѣтру скажетъ», хавнетъ необдуманно—и болѣзнь тутъ. Уроки, слишкомъ распространенная болѣзнь, и чуть-ли не при всѣхъ болѣзняхъ въ началѣ считаютъ долгомъ лѣчить отъ «уроковъ». Отъ уроковъ вспрыскиваютъ водою «съ угольковъ» и поятъ водой. З

Урожай.—Это слово примѣняется въ Зап. Сибири нетолько для обозначенія большаго изобилія въ данномъ году хлѣба и плодовъ, но также рыбы, птицы и разныхъ животныхъ. П.

Урожайный годъ (см. урожай). П.

Уросить—капризничать. З.

Урòчливый—кого можно легко сглазить (напр., если выращиваютъ молодыхъ соболей, то не показываютъ ихъ постороннимъ, иначе, по мнѣнію мѣстныхъ жителей они легко могутъ погибнуть). П.

Услòнъ—стѣна, напр. про урманъ, который образуетъ стѣну приблизительно параллельную Иртышу. Про лося, идущаго вдоль такой стѣны, (а не поперекъ), говорятъ, что онъ идетъ «услономъ». П.

Усолѣть—засолить огурцы. З.

Усь-усь-усь—междометіе, посредствомъ котораго гонятъ свиней. З.

Утокъ—часть пряжи, оставшаяся на тюрикахъ. З.

Утòплый—затопляемый (напр.: утоплое мѣсто). П.

Ухайдакать—убить. З.

Ушкáнъ—заяцъ. П.

Уховой (ушовый) конецъ—часть невода, которая во время его закидыванія наиболѣе далеко отвозится въ рѣку. «Пятóвой» конецъ или «пята» остается на берегу нѣсколько выше притона, гдѣ удерживается на мѣстѣ «пятовщикомъ» при помощи кола вонзеннаго въ землю. П.

Уйти—поспѣть (напр.: «лонись хлѣбъ не ушелъ»—въ прошломъ году хлѣбъ не поспѣлъ). П.

Ф.

Фартѝть—имѣть счастіе, удачу. П.
Фартòвый—удачливый. З.
Фартъ—счастье, судьба, удача. П.
Фартъ—удача; **фартовыя дѣвушки**—ловкія и удачливыя. З.; слова эти вѣроятно занесены въ Сибирь ссыльными. П.
Фитиль—снарядъ изъ мережи для рыбной ловли, состоящій изъ одного наружнаго конуса и нѣсколькихъ внутреннихъ; устанавливается на рѣкѣ около берега открытымъ концомъ на встрѣчу теченію. З.
Фунтовка—конопляныя нитки, изъ которыхъ дѣлается мережа невода. П.
Фурàть—съ сердцемъ бросать. З.
Фустинъ—бантикъ. З.
Фустъ—бантъ. З.

Х.

Хабардà—буйный человѣкъ. З. (Изъ татарскаго, собств. перс. сл.: **хеберъдаръ**—«берегись»). П.
Хайлò—глотка «Чё ты отворилъ хайлòто?»—говорятъ крикуну. З.
Хàнькать—жаловаться людямъ на бѣдность, нездоровье и т. д. Напр., женщина, нуждавшаяся въ мукѣ, ходила и разсказывала о своей нуждѣ сосѣду, даже припрашивалась слегка. Сосѣдъ далъ муки. Тогда женщина о своей удачѣ можетъ сказать: «дѣва, я поханькала, а онъ kaw(в—у) быть и далъ». Или заболѣлъ человѣкъ, давно жаловавшійся на нездоровье, про него говорятъ: «ну да вѣдь онъ давно ханькалъ, не поладили» (не полѣчили). З.
Хилый—слабый, истощенный, напр.: **хилая пашня** (Тюмен. окр.) см. «**ветхая**» пашня. П.
Хàрматься—поносить бранными словами. З.
Хвостъ—см. **охвостье**. П.
Хлѝпкій—нѣжный, чувствительный (напримѣръ къ вѣтру, морозу). П.
Хлòпать—лгать. З.
Хлопỳша—лгунъ, лжецъ. З.
Ховнитъ—подуваетъ вѣтеръ. З.
Не ховнетъ—не дунётъ (вѣтеръ). З.
Холстенникѝ—купцы, которые набираютъ холсты. З.
Хомутъ, хомутъ надѣли—порча отъ вражьяго человѣка: сильная боль желудка. З.
Хрушкòй—крупный, большой. П.
Худая болѣзнь—сифилисъ. П.
Хряслины—нетолстые стволы березы безъ коры длиною около 2 саженъ. З.
Хлѣбъ—всѣ печенія, приготовляемыя исключительно изъ муки, а также и печенія, приготовляемыя изъ муки и овощей; какъ-то: ржаной хлѣбъ, ячная квашня, шаньги (изъ гороховой и гречушной муки), пшеничная квашня, шаньги морковныя, картовныя, тыквенныя, сырныя, крупяные пироги съ ландой, капустой и т. д. З.

Ц.

Царство небесное—загробная вѣчная жизнь, которой удостаиваются, т. е. тѣ, которые во время земной жизни были усердны къ посѣщенію храма Божьяго, читали или слушали слово Божье, соблюдали посты, почитали отца, мать, стариковъ и старухъ. Помимо праведной жизни, царствія небеснаго удостоивается тотъ, кто въ то время, «какъ открывается небо» успѣваетъ сказать «Помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ». З.
Цвѣтъ—общее недомоганіе, причемъ больного бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ. З.
Цоловки получить—поцѣлуй получить. З.
Цѣлò—передняя часть печи. З.
Цѣльникъ—нераспаханная часть поля, напр., мѣстами узкія полоски цѣльника оставляютъ между пашнями двухъ владѣльцевъ, чтобы онѣ служили межей. П.
Цыгарка—самодѣльная папироска изъ простаго табака и газетной или другой бумаги. П.

Ч.

Чàга—наростъ на березѣ, изъ котораго приготовляютъ трутъ; остяки и самоѣды пьютъ его отваръ въ видѣ лекарства. П.
Чапыжникъ—мелкій березнякъ. П.
Чаркѝ—простые сапоги, преимущественно женскіе. П.

Частушка—небольшой частый неводъ. П.
Чебàкъ—плотва. П.
Чебачница — небольшой частый неводокъ, которымъ добываютъ мелкую рыбу. П.
Чеботарь—сапожникъ. З.
Чекмèнь—мужская сермяга. З.
Чембары — широкіе верхніе штаны изъ грубаго холста, которые носятъ рыбопромышленники во время лова и въ которые опускаютъ концы верхній одежды для предохраненія ея отъ воды. П.
Чепàться — раскачиваться (туловищемъ). З.
Червь—личинка, дождевой червь. П.
Чердàкъ—рыболовный снарядъ. П.
Чередѝть—обработывать пашню. П.
Черкесъ — подъ этимъ именемъ въ Зап. Сибири подразумѣваютъ (ссыльныхъ) кавказскихъ горцевъ (ингушей, лезгинъ и т. д.) и осетинъ. П.
Черкѝ или обỳтки — женская обувь въ будни. З.
Чернàть—порода дикихъ утокъ. П.
Четырнадцетерки — лежащія кучи по 14 сноповъ. З.
«Чёхъ-чёхъ-чёхъ» — междометіе, посредствомъ котораго манятъ свиней. З.
Чижы́—сапожки изъ оленьей шкуры, мѣхомъ внутрь; носятся подъ кисами. П.
Чины отводить — послѣднія свадебныя угощенія между родителями сочетавшихся въ бракѣ и поѣзжанами. З.
Черкàнъ—ловушка для бѣлокъ, состоящая изъ настороженнаго лука и стрѣлы. П.
Чирòкъ—небольшая порода дикихъ утокъ. П.
Чиръ—легкій тонкій настъ. П.
Чѝсменка — 3 перевязанныя нитки на снарядѣ мотовило. З.
Чолпàнъ—бугоръ, сопка. П.
Чувàлъ—очагъ въ видѣ камина у татаръ и др. инородцевъ, также иногда въ рыболовныхъ избушкахъ русскихъ. Дѣлаются изъ ивовыхъ прутьевъ или досокъ, намазанныхъ толстымъ слоемъ глины (съ татарскаго или остяцкаго, Ирт нар.: тьòгол.). П.
Чугàсъ одинокій холмъ среди низменности, заливаемой водой, въ Тобольскомъ округѣ. (Объясненіе его происхожденія см. «Мат. для изуч. экон. быта крестьянъ и инор. Зап. Сиб.», т. X, стр. 16). Это слово заимствовано вѣроятно съ остяцкаго, Ирт. нар.: тюгèсъ. П.
Чудь—прежнее населеніе страны т. е. языческіе остяки и вогулы; иногда этимъ именемъ называютъ и нынѣшнихъ некрещеныхъ инородцевъ крайняго сѣвера. П.
Чупъ—сорная трава вообще. П.
Чурòкъ—короткое бревно, деревяшка. П.
Чуругàй—небольшая щука въ ¼—½ арш. дл. (съ татарскаго: чурагай, чуругой). Большая рыба этой породы называется: щукой. П.
Чухонàстоваться—наряжаться. З.
Чучка—свинья. П.
Чушка—тоже. П.
Чянчикъ—распластанный и высушенный язь—остяцкое кушанье (вѣроятно съ остяцкаго тянх). П.

Ш.

Шабỳръ — армякъ изъ шабурина т. е. матеріи одной шерстяной и другой льняной нитки. П.
Шàить—тлѣть (напр. «уголь шàитъ»). П.
Шалашъ—навѣсъ на столбахъ, защищающій отъ идущаго сверху дождя. З.
Шаль - загнутая вмѣсто воротника верхняя часть сермяги. З.
Шаньй-маньй—еле-еле. З.
Шаньга—пирогъ съ капустой. П.
Шанỳть—сильно толкнуть. З.
Шарàбары—багажъ, вещи путника. П.
Шарàга—говорятъ про человѣка, который не сидитъ на мѣстѣ, а бездѣльно топчется на ногахъ. З.
Шарàшиться — двигаться, шевелиться ощупью, напр. про человѣка, идущаго ночью (въ потемкахъ) по комнатѣ, или про звѣря, пробирающагося медленно по лѣсу. П.
Шаркунèцъ—бубенчикъ. П.
Шаркỳнъ—то же. П.
Шахи (шахъ)—колья, на которыхъ развѣшивается неводъ для просушки. З.
Шàшка, гулевàнка—любовница. З.
Шàять—тлѣть, говорится объ угляхъ. З.
Швайка—свайка. «Туринцка швайка»—ироническая кличка жителей туринской волости; ихъ такъ прозвали устьничане, подмѣтивши въ говорѣ ихъ стремленіе произносить звукъ ш вмѣсто с и любовь къ точенію веретенъ изъ сваекъ. З.
Шеломỳ—Употребляется въ пословицѣ «на

десятомъ шелому», когда хотятъ выразить отдаленность. З.

Шелонникъ—юго-западный вѣтеръ. П.

Шепериться—топорщиться, ломаться. З.

Шерба—(см. шорба).

Шестокъ—зимнее помѣщеніе для курицъ подъ залавкомъ. З.

Шибко—очень («шибко далеко»). П. (см. дивно. З.

Шиликунъ. Это слово употребляется народомъ для обозначенія особаго вида нечистой силы, но что такое «шиликунъ», какія его права и обязанности,—въ точности неизвѣстно. Время его существованія пріурочивается къ Рождественскимъ (святкамъ) праздникамъ, къ святкамъ. Передъ праздниками онъ служитъ страшилищемъ для лѣнивой пряхи: «Шиликунъ утащитъ кудельку передъ святками недопряденную»—говорятъ въ народѣ, а въ святочныя ночи говорятъ: «теперь шиликуны бѣгаютъ — страшно ходить». Не знаю, къ чему собственно относится это послѣднее мнѣніе: къ невидимой-ли нечистой силѣ, или же къ тѣмъ «нарядчикамъ» (маскированнымъ), которые одѣваются шиликунами и бѣгаютъ по домамъ, а больше всего по вечеркамъ, гдѣ принимаютъ «нарядчиковъ». Шиликунами называются такіе нарядчики, которые одѣваются въ бѣлое (покойницкая одежда), на голову надѣваютъ остроконечный берестяный колпакъ, въ ротъ вставляютъ рѣпные зубы, лицо расписываютъ себѣ углемъ и бѣлой глиной. Такой нарядчикъ шиликунъ, дѣйствительно, можетъ служить пугаломъ въ особенности для малолѣтковъ. З.

Шиньгать—щипать. З.

Шипишникъ—шиповникъ. П.

Ширкать—производить особый шумъ; ширкаютъ, когда тянутъ съ шумомъ горячій чай. З.

Ширкотня—звукъ, получающійся при точеніи косы на сѣнокосѣ. З

Шить кисеты—мѣстный обычай, по которому дѣвица въ знакъ любви или дружбы шьетъ и даритъ своему предмету кисету, т. е. кошелекъ подъ табакъ или деньги. Въ пѣснѣ поется:

«Дѣвушки фартовыя
«Сердятся которыя,
«Сердятся, катушатся
«Шить кисеты учатся». З.

Шишабарникъ или горькая трава, растеніе изъ сложноцвѣтныхъ, примѣняемое при лѣченіи сибирской язвы. (Тоб. окр.). П.

Шляхъ—слѣдъ отъ саней по снѣгу. П.

Шорба—уха, наваръ (съ татарск., собств. перс.: шорба); см. **жорба**. П. *).

Шоркать см. опоркать. П.

Шпынъ—нечесанная и всклокоченная голова. «Хоть-бы причесалъ шпынъ-отъ». З.

Шубенный языкъ—такъ характеризуютъ выговоръ того лица, которое пришепётываетъ вм. «шуба» говоритъ «ссуба» и пр. З.

Шуга — ледяныя иглы, поднимающіяся осенью со дна рѣкъ. Мелкій ледъ, плавающій осенью по поверхности рѣкъ («шуга идетъ»). П.

Шумиха--осоки съ широкими листьями. П.

Шурупъ—винтъ. Слово встрѣчается и въ зырянскомъ и въ остяцкомъ языкахъ, куда перешло изъ русскаго (въ послѣдній въ видоизмѣненномъ видѣ: хурупъ). П.

Шушунъ или тальма представляетъ изъ себя верхнюю женскую одежду, родъ кофточки. З.

Шшаглы (вм. **щаглы**). жаберныя (?) крышки. З.

Шмуръ—дождевой червякъ. З.

Щ.

Щепеткой—красивый, щегольской. П.

Щепеченый—изукрашенный узорами. П.

Щеть посадить—видъ порчи отъ вражнаго человѣка, при которой сильное колотье въ заднемъ проходѣ. З.

Щокуръ — рыба изъ породы лососевыхъ, живетъ въ Оби. П.

Ѣ.

Ѣдкій—который хорошо ѣстся, напр., про траву, которую скотъ охотно ѣстъ. П.

Ѣзжалый—(про лошадь) на которой ѣздятъ, выѣзженная, въ противоположность къ молодымъ конямъ. П.

---

*) Волг. и Сербск. **чорба** (изъ тур.). *Ред.*

Э.

Эрикъ—небольшой ручей, преимущественно впадающій обоими концами въ большую крупную рѣку (въ Тобольскомъ округѣ, около города Тобольска). П.

Ю.

Юзгаться—возиться на одномъ мѣстѣ. З.

Юрйть—ловить рыбу на юровой. П.

Юровая яма или просто **юровая**—углубленіе во днѣ Иртыша и верхней Оби, гдѣ зимой укладывается на зимовку стерлядь и осетръ. Рыбу здѣсь добываютъ самоловами, причемъ самый промыселъ называется: «поднять юровую». Лучшая по Иртышу юровая находится на разстояніи около 50 верстъ къ сѣверу отъ Тобольска, во владѣніи крестьянъ Н. Филатовой и смежныхъ съ ними. Надзинскихъ юртъ. Третьимъ совладѣльцемъ является казна, которой принадлежитъ тоже часть лѣваго берега Иртыша. Юровую яму поднимаютъ въ ноябрѣ или декабрѣ, причемъ ради этого промысла сюда стекается до 3000 человѣкъ съ разныхъ мѣстъ. Ловъ продолжается около трехъ дней, и за это время на всемъ протяженіи юровой (8 верстъ) добывается отъ 2 до 5 тысячъ пудовъ стерляди и отчасти осетра. Цѣна и той, и другой рыбы въ 1888 г. была около 6 руб. пудъ. П.

Я.

Ягà—шуба изъ козьихъ шкуръ мѣхомъ наружу. П.

Яниться гордиться, хвастаться. З.

Янтарная смола—лучшій сортъ смолы янтарнаго цвѣта. П.

Ярица—яровая рожь. П.

Ярка — мячикъ; лунка (ямка) при игрѣ (второе значеніе этого слова употребляется въ Усть-Ницынскойслободѣ). З.

Яровой—прилаг. отъ слова яръ (см. яръ). П.

Ярутка—(Thlaspi arvense), сорное растеніе П.

Ярушникъ — щаньга продолговатой формы. З.

Яръ—нагорный берегъ. «Яръ мечитъ» или «яръ ломаетъ» —крутой берегъ валится, подмываемый рѣкой. П.

ВЫРАЖЕНІЯ: (П.).

1. «Чтобъ те пятнало!» или «Пятнай те въ глаза те!». – чтобы тебя сибирская язва поразила (брань).
2. «На лѣшàкъ!», «На якорь!»—Восклицаніе въ знакъ удивленія или одобренія.
3. «Отъ пяты до пяты»—отъ начала до конца.
4. «Ни копыта». Типичное выраженіе, которое примѣняютъ, чтобы показать, что отъ чумы или сибирской язвы палъ весь скотъ, такъ что не осталось не только цѣлой скотины, но и копыта.
5. «Язви тебя!»—чтобы тебя поразила сибирская язва.
6. «Сила не беретъ»—нѣтъ силы, у меня нѣтъ силы.
7. «Якорь те возьми!», «Якорь тебя!»—(см. № 2). П.

Пѣсни *) и Прибаутки.

(Записанныя Г. Н. Потанинымъ въ деревнѣ Аксеньевой, въ 3-хъ вер. отъ гор. Никольска).

Я поѣду во торги,
Куплю себѣ гребешки,
Расчешу кудри, виски,
Погляжу на волоски.
Родимая моя мать
Девять сыновъ родила
Десятую дочерину,
Зовутъ её Катерина.
Спустило сухоту
По моему животу,
Разсѣяло печаль
По моимъ яснымъ очамъ.
Я по садику ходила,
Съ по зеленомъ гуляла,
Сладки ягодки щипала,
На золото блюдо клала;
На серебряный подносъ.
Милу дружку подносила,
Его потчивала.
Милый яблокъ не при(ни)маетъ
Ничего не говоритъ,
Ужъ я топнула ногой,
Покачнула головой,
Сама зъ садика долой,
Оставайся, чортъ съ тобой,
Не куражься надо мной.
Есть и лучше тебя,
Есть и вѣжливѣе—
Со лица кросоты,
По походкѣ молодецъ,
По одеждѣ-то купецъ.
Поѣхалъ парень изъ Казани,
Полтараста рублей сани,
Пядьдесятъ рублей дуга—
Парню дѣвка не слуга.

Посѣю я, млада, младенька,
Цвѣтиковъ маленько,
Я на тѣ цвѣты взирала,
Сердцемъ обмирала.
Обмирай, мое сердечко,
Съ по миломъ дружечкѣ.
Слышу, вижу, самъ я догадался,
Что любишь иного.
Люби, люби, моя черноброва,
Люби, кого хочешь.
Я теперь тобой, душа, доволенъ,
Гулять съ тобой полно.
Полно, полно, право не хочу я,
Съ кѣмъ гуляю, не скажу.
У дѣвицы было во свѣтлицѣ
Поютъ разны птицы,
Онѣ поютъ, воспѣваютъ
Разнымъ голосами,
Одна пташка, птичка канарейка
Голосомъ вольненько.
Кабы знала я этотъ голосочекъ,
Списанный листоцекъ
На такой на тоненькій листоцекъ
На бѣлу гумажку,
Отослала этотъ голосочекъ
Въ Сибирь городочекъ,
Славную контору.
Къ Алёшѣ Попову.
Алеша Поповичъ
Самъ гораздъ писать
Онъ гораздъ, гораздъ письмо писати,
Указы читати,
Указы-то читати.
Назадъ отсылати.

---

*) Приложеніе къ статьѣ Г. Н. Потанина, «Этнографическія замѣтки. На пути отъ г. Никольска до Тотьмы, напечатанной въ I и II кн. Ж. Ст. за нынѣшній годъ.

Жили были двѣ названыя кумы,
Что названыя кумушки;
Онѣ стали о Василье тосковать:
Ужъ намъ вб вѣки Василья не видать,
Во глаза его не видывати,
Голосу его не слыхивати.
Часть теперича Васильюшка прошелъ,
Въ темномъ лѣсѣ хороводъ дѣвокъ нашелъ,
На желтыхъ пескахъ Макарывскихъ,
Калены стрѣлы насаживалъ,
Ко-су лѣсу приговаривалъ.
Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣса, выше темненькаго,
Выше садику зелененькаго.
Обратись, моя каленая стрѣла,
Внизъ по морю, по Волгѣ рѣкѣ,
Ты убей, убей, каленая стрѣла,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ,
Красна дѣвица невѣста моя—
Сизой голубь—ётъ утѣха моя.

Мужикъ пашеньку пахалъ,
Онъ на солнышко глядѣлъ.
Я еще попашу,
Я на солнце погляжу.
Какъ людскія-то жены
Мужу завтракать несутъ,
Какъ моя курва жена
Ни несетъ, ни везетъ,
Ни съ подружкамъ ни пошлетъ.
Ужь я выпрягу лошадку,
Я заѣду во лѣсокъ,
Вырублю вязокъ
На свою курву жену.
Я пріѣхалъ ко двору—
Жена ходитъ по двору,
Сама басенькая,
Сама снаряденькая,
Она въ ситцевомъ передничкѣ
Въ шелковомъ пояскѣ.
Она ходитъ по двору.
Тпру-ка, стой! подою,
Мужу ѣсть унесу.

Кто-то ходитъ умный,
Кто-то ходитъ разумный,
По горенкѣ ходитъ,
Косицы наводитъ.
Зеркальце смотрися,
Самъ себѣ дивися,
Экой я хорошій,
Экой я пригожій,
Хорошъ нарядился,
Пригожъ уродился.
На коня садился,
Конь подъ нимъ бодрился,
Плеточкой-то машетъ,
Конь-то подъ нимъ пляшетъ.
Къ садику подъѣзжаетъ,
Садикъ зеленѣетъ,
Дѣвица веселѣетъ.

Къ этой пѣснѣ припѣвъ: бай говори, гуляй голова!

Ходила Маряшенька
Брала, брала ягодку земляничку,
Уколола ноженьку о шипичку,
Волитъ, болитъ ноженька да не больно,
Любитъ, любитъ миленькій да спокинетъ,
Спокинетъ мой миленькій не надолго,
Не надолго времячко на часоцекъ,
Спокавався мнѣ цасоцекъ за денецекъ,
Спокавався мнѣ денецекъ за недѣльку,
Показалась недѣлька за младъ мѣсяцъ,
Показался младъ мѣсяцъ за годоцекъ.
Уѣхалъ мой миленькій въ городоцекъ,
Пишетъ, пишетъ мой миленькій ко мнѣ письма,
Письма - вѣсть не радостну, тяжелую.
Пошлю, пошлю служеньку молодую,
Пойду, пойду къ тятенькѣ отпрошуся,
Родимой маменькѣ доложуся
Зеленыя рощицы *) посмотрити.
Зимовыя озими поглядѣти.
Пригодится эта роща намъ на свадьбу,
Будемъ мы вѣдь Оленьку выдавати.

Растворила ницево
Поставила на цѣло,
Три недѣлюшки цвѣло,
На четвертую недѣлю
Стала мяконьки катать,
Она по полу катала,
По подлавицѣ валяла,
На порогѣ растрепала
На печь въ уголъ посадила,
Три лопаты изломила,
Коцаргавиной нагребла,
Всѣ ковалки прижгала,

---

*) Роща — солодъ.

Неудацно пекла.
Она склала въ коробокъ,
Поѣхала на рынокъ.
Становилась во рядокъ,
Во саменькій уголокъ.
Тутъ и шелъ, прошелъ купецъ,
Алексѣй-отъ молодецъ,
Онъ купить, не купилъ,
Только цѣну надломилъ.
Долгорылая свинья
Коровашекъ унесла.
Она эстоль не наѣла,
Только рыло обмарала,
Три недѣлюшки хворала,
На четвертую пропала.
Это Гришкѣ да Мишкѣ
Могила копать,
Попу то Семену
Свинья отпѣвать.
Была сивая кобыла,
По семи ведеръ доила,
Въ полѣ хвостъ завязила,
Жеребеночекъ лопшакъ,
Уволокъ его лѣшакъ.

Еще ѣхала кума
Мимо кумова двора,
Сучинилася бѣда
Изломалася дуга,
Изорвалися гужи,
Гужи шелковые,
Полу шелковые.
Это мой-отъ мужъ дуракъ
За охотою пошелъ,
Перепелышекъ нашелъ.
Изловилъ лунка,
Лунка сизенькаго,
Сизокрыленькаго.
Ты, присядь, присядь, лунокъ,
Присядь, сизый голубокъ.
Сядь по-малешеньку,
Сядь по тихошеньку,
На ту сторону гляди,
На другую посмотри.
Еще то крыло оправь
И другое пріоправь,
Ты спахни-ка, полети,
Кого надо, уводи
Стань на перстицки,
Поцѣлую крестицки.

Во селѣ было въ селѣ,
Во присельникѣ селѣ
Молодка была молоденькая,
Не велицка и статна,
Всѣмъ манерамъ хороша,
Умстливая,
Прелестливая.
Еще позвали молодку
Во пиръ пировать,
Въ бесѣду сидѣть,
Во смиренную.
Во бисѣдѣ не сидѣла,
Во пиру не пировала,
Въ садѣ пробыла,
Съ миленькимъ одна.
Еще мужъ-отъ искидался,
По новымъ сѣнямъ бросался,
Все искалъ жены,
Её молоду:
Скажите-ка, друзья,
Куда уѣхала жена?
Намъ на весёло Симоновско.
Во дорожкѣ не согналъ,
Во гостяхъ шельма засталъ
Не сталъ говорить,
При людяхъ срамить.
Ты прибудь, жена, домой,
Я управлюся съ тобой
Волею своей.
Пришла въ лѣсѣ все куница,
Дома-то лисица
Завсе весела.

Было у вдовушки семь дочерей
Варды, варды, варды,
Первая дочка Александрушка,
Другая дочка Аринушка,
Третья дочка Марфушка,
Четвертая дочка Александрушка,
Пятая дочка Палагеюшка,
Шестая дочка Катеринушка,
Сёмая дочка Крестинушка.
Тоненькій высокій то Олинъ *) женишокъ,
Сутулый горбатый то Аринінъ женишокъ,
Толста голова то Марфинъ женишокъ,
Широка борода то Олинъ женишокъ,
Узенька бородка Палагеинъ женишокъ,
Косой, разноглазый Катерининъ женишокъ,
Бѣлый кудреватый Крестининъ женишокъ.
Тоненькій, высокій озароды метать,
Сутулый, горбатый озароды подпирать,

---

*) Здѣсь уменшительное отъ Александра не Саша, а Оля. Названія дочерей въ этой пѣснѣ дѣвицы, пѣвшія её мнѣ, вставили свои собственныя.

Толста голова трубу затыкать,
Широка борода потолокъ обметать,
Узенька бородка сметанку лизать,
Косой разноглазый овины зажигать,
Бѣлый, кудреватый головку чесать.

Погуляла въ лѣсъ чечотка,
Погуляла въ лѣсъ лебедка,
Какъ на барскомъ на дворѣ.
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь дочерей.
Дарью да Марью,
Ѳедосью, Анисью,
Степаниду съ Ломанидой
Семую Катерину,
Душу Катеньку,
Душу хорошую.
Ты помилуй, сударь баринъ,
Моихъ семь дочерей
Дарью да Марью,
Ѳедосью, Аносью,
Степаниду съ Ломанидой,
Семую Катерину,
Душу Катеньку,
Душу хорошую.
Погуляла въ лѣсъ чечотка,
Погуляла въ лѣсъ лебедка.
Какъ на барскомъ на дворѣ
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь сыновей.
Степана, Романа,
Клементья, Крементья,
Евстигнея, Досифея,
Семаго Алексѣя,
Душу Алешеньку,
Душу, хорошаго.
Ты помилуй, сударь баринъ,
Моихъ семь зятевей.
Погуляла въ лѣсъ чечотка,
Погуляла въ лѣсъ лебедка,
Какъ на барскомъ на дворѣ.
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка,
Ровно двадцать внучатковъ.
Два стойня, два лёжня,
Два поползня,
Два у лавочки стоятъ,
Два учиться хотятъ,
Двѣ Агашки у кашки питаются,
Двѣ Варюшки ко краюшкѣ подвигаются,
Два Петра у ведра буздыряются,
Два Степана у сметаны облизаются.

Дѣвица прилучница была,
Прилучу парня ко бѣлому лицу,
Ко бѣлу лицу, ко церныимъ бровямъ,
Брови церныя, церные глаза,
Русы кудри накладные волоса,
Кудри самаго конца.
Уведутъ дружка, во солдаты молодца;
Во солдатушкахъ жить не оцень хороша
Что сухарь, вода—солдатская ѣда.
Одна дочь у батюшки жила,
Три я годыцка жила,
Три горя нажила.
Первое горе вышла замужъ малода,
Второе вышла всѣмъ я не мила,
Третье горе мужъ удала голова.
Ужь не держится ни дому, ни двора,
Только держится чужой стороны,
Чужемужней жены.

Тараканъ-ли, тараканъ,
Тараканъ дрова рубилъ,
Комаръ по воду ходилъ,
Въ грязи ногу завязилъ,
Мушка банюшку топила,
Гнида щелокъ щелочила,
Блошка парилася,
Съ полку ударилася,
Не нарокомъ, своимъ бокомъ,
Ребро проломила.
Блошка мошку подымала,
Животъ, сердце надорвала.
Ужь какъ наша попадья
Зарождала воробья,
Совсѣмъ воробей,
Совсѣмъ молодой,
Остроносенькій, долгоносенькій,
По подъ гребицей красная дѣвица.
Повели воробья
Во боярскій дворъ,
Къ воеводѣ въ домъ.
Воевода, сынъ господскій,
Не сѣки его кнутомъ,
Обстриги его кругомъ,
При дорожкѣ, при долинкѣ стой.
Кто нейдетъ, нейдетъ
Назоветъ его попомъ.
Ужь ты, батюшка попокъ,
Зачѣмъ служишь безъ портокъ.
Я не ѣздилъ во полки,
Не завелъ себѣ портки,
Портки строченыя,
Позолоченыя.

Не комаръ-отъ на мухѣ женился,
Прилетѣлъ слѣпень, расхулилъ.
Это что-то у васъ за свадьба,
Это что-то у васъ за невѣста,
Только, только твоя невѣста
По крынкамъ-то летати
Густую сметанку лизати
Тебя, комара, пропитати.
Полетѣлъ комарище на дубище,
Дубище раскачалось.
Комарище-то раздремалось.
Упалъ комарище въ коренище,
Прилетѣли двѣ мухи горюхи,
Повалили комара на носилки,
Понесли комара на большую дорогу.
Пусти, вдовушка, постояти,
Темну ноценьку ноцевати.

Благослови, мати, Ерша читати. Пошелъ Ершишка въ Ростовское озеро мелкую щетинку вставлять, хрушкую рыбу колоть; пошла рыба на Ерша просить. Пошелъ Окунь къ Раку рыбѣ тягаться. Отчего у тебя, Окунь, щелья красны? Когда Ростовское озеро горѣло съ комля до вершины четыре недѣли, мы были при ономъ дѣлѣ и щелья опалили; и пошла Сорога къ Раку-рыбѣ тягаться. Отчего, говоритъ, у тебя, Сорога, глаза красны? Когда Ростовское озеро горѣло съ комля до вершины четыре недѣли, и мы были при томъ дѣлѣ, глаза опалили. Стали собираться, ерша ловить. Пришелъ неводисъ, закинулъ неводъ, пришелъ Миня Ерша вынялъ, пришелъ Нестеръ, принесъ пестерь, пришелъ Илья, наносилъ дровъ гнилья, пришелъ Алексѣй, воды наносилъ, пришла Марія *), Ерша сварила, пришелъ Андрюша, Ерша разрушалъ, пришелъ Ѳедосей, Ерша на тарелкахъ разносилъ, пришелъ Петруша, Ерша покушалъ, пришла Акуля, однѣ кости сдула, пришла Ненила, голосомъ завыла. Экая ты, Акуля, скверная, подла.. Ахъ, Акуля; были у тебя копейки да гроши, очутилися однѣ вши. Это вши не вшички; тѣ вши, которыя съ бурлака валились, съ собакамъ дрались, не поддавались, то вши.
(Запис. въ дер. Аксентьевой).

Нонѣшняго лѣта пришли новые завѣты, прибѣжалъ съ почты молодой кульеръ, принесъ новые завѣты. Правда померла, кривда ожила, ложь съ бодожкомъ ушла. Писано, приписано отъ дядюшки Борисова, писано не Романомъ, все безъ обману. Пришелъ дядюшка Власъ, кабы мнѣ на это время далась такая власть да стадо овецъ, я бы сталъ надъ нимъ духовный отецъ, причастилъ бы, исповѣдалъ и въ кучку склалъ. Сдѣлалъ бы колеса, поѣхалъ на небѣса. На небѣсахъ все не по нашему: церква галашная, двери кишешныя. Кишечку перехватилъ и въ церкву усколилъ. Въ церкви-то все не по нашему: боги глиные, плѣшь деревянная; чикнулъ по плѣши, толоконце съѣлъ, сталъ крошечки собирать, попа Зѣворота поминать. Попъ Зѣворотъ, не ходи мимо моихъ воротъ—и тебя съѣмъ.

Какъ было въ 66 году, садился самъ сатана на стулъ и головой тряхнулъ:
— Господинъ есаулъ!
— Чего, сударь, угодно?
— Зри вѣрняй, нѣтъ ли гдѣ пенья, коренья, мелкихъ мѣстъ, чтобъ намъ, добрымъ молодцамъ, на мель не сѣсть, легку шлюпку не потопить.
— Сударь, вижу!
— Что ты видишь?
— Близь берегу колоду.
— Вотъ еще нашелъ чертову воеводу.
— Зри вѣрняй!
— Сударь, вижу!

---

*) Въ здѣшнемъ краѣ произносятъ Марія съ удареніемъ на і, и иногда превращаютъ это имя въ Марійка.

— Что ты видишь?
— Близь берега село.
— Сходи въ это село, рады ли намъ?
— Рады, рады, какъ чертямъ.
— Такъ, говори, какъ милымъ дружевьямъ. Зри вѣрняй!
— Сударь, вижу
— Что ты видишь?
— Близь берега корабли.
— Что на кораблѣ?
— Пушки.
— Вотъ еще нашелъ свиныя тушки. Возьми-ка эти тушки, такъ пригодится нашимъ гребцамъ каши сварить.

— Пантюшка малый!
— Чего угодно, баринъ старый?
— Неси водки алой.
— Гдѣ бы я про тебя взялъ?
— Въ подвалѣ взапертѣ.
— Кто про тебя поставилъ?
— Да въ другомъ.
— Да я бѣжалъ кругомъ, да не видѣлъ ничего.
— Пантюшка малый!
— Чего угодно баринъ старый!
— Гдѣ ты сегодня ночевалъ?
— Въ твоей новой купленой деревнѣ подъ овиномъ.
— Кабы овинъ-то загорѣлся?
— Я бы вышелъ да погрѣлся.
— Пантюшка малый!
— Чего угодно, баринъ старый!
— Поилъ-ли ты сегодня коня-то.
— Поилъ.
— Да отчего у него губа-то суха.
— Отъ того губа суха, что пролубь высока.
— Да ты могъ пролубь-то и подрубить.
— Я и то, сударь, четыре ноги по колѣно отсѣкъ.
Ахъ ты, сукинъ сынъ, коня то довелъ *)!
— Нѣтъ не довелъ; онъ лежитъ на спинкѣ и ножкамъ потягиваетъ.
— Пантюшка малый?
— Чего угодно, баринъ старый?
— Былъ ли ты сегодня у моихъ работничковъ?
— Былъ.
— Каково они робятъ?
— Семеро однѣмъ топоромъ.
— Какъ они семеро однимъ топоромъ рубятъ.
— Одинъ рубитъ, двое клонятъ, четверо глядятъ, куда щепочки летятъ.
— Не пропали денежки! Сдѣлали они про меня домъ.
— Сдѣлали.
— Каковъ?
— Хорошъ.
— Сколь хорошъ!
— Три двора, одна труба. Въ подворотню дымъ идетъ. Са[illegible] напардей верчены.

---

*) Довести по здѣшнему известь, испо[illegible].

— Сдѣлали они про меня дворецъ?
— Сдѣлали.
— Каковъ?
— Хорошъ.
— Какъ хорошъ?
— Три кола вбиты и корытомъ покрыты.
— Хорошъ. Каковы у нихъ хлѣба-то были?
— Хороши.
— Какъ хороши?
— Какъ вологка отъ волотки отсель да до слободки, колосъ отъ колосу не услышишь человѣческаго голосу, сусловъ отъ суслона отсель да до Рослова.
— Куды же они этотъ хлѣбецъ дѣвали?
— У нихъ староста не глупъ, кладь-то склалъ на пецной столбъ, переходила кошка съ бруса на брусъ и спихнула кладь въ лахань. Онъ взялъ которое сухое-то собралъ, а сырое-то на ложкѣ растегъ, да въ ковшѣ развелъ, 88 бочекъ вина навелъ.
— Ахъ, братцы! ахъ, братцы!
— Съ волкомъ двадцать.
— Не пора ли намъ по за гумнами пройти, свиней посмотрѣть.

Есть у мужика свинья, невольно хвора. Со двора въ полосу въ овесъ убрела. У свиньи зубы рѣдки, хватаетъ однѣ вѣтки, хозяина вовсе не раззоряетъ, соломушку тутъ оставляетъ, и набила свинья брюхо, приложила ухо. Прибѣжалъ волкъ, схватилъ свинку за золотую щетинку повалилъ её на крутую спинку. Стой волкъ, не ѣшь меня! Я те послѣдняя свинья волку ѣда! Я те за утро стадо поросятъ приведу. Нѣтъ, врешь, свинья, деревенска лухманка. Хоть и часто мигаешь, меня волка не обманешь; я те за кустокъ уволоку, и твои кишечки по лугу растяну, твоихъ родителевъ помяну, Гришку и Мишку и Луку съ Петромъ, дѣдушку Трифона, бабушку въ три . . . . . , За то её въ три, чтобы помнила дни, да не забывала Святки и Масляницу.

Какъ было въ городѣ въ Устюгѣ, разодрались Настюха съ Настюхой; у ихъ пошла стрѣльба, пальба кочерная, онѣ никого не убили, не обранили, только солоницу съ полицы въ полонъ взяли. Какъ у Троицы подъ горою сидитъ старикъ съ бородою—корочки на салѣ, а въ соредочкѣ кошечки . . . . , а намъ звозіяли, киселя горшокъ съ прѣснылъ молокомъ, шер-тобитско брюхо радуется, а теперечи догадались по пазушкамъ разорвались, щи горюны подъ шестокъ ушли.

На Вахмѣ прежде какіе были шалики, а какъ теперь просвѣтилися. Вятчане тоже. Толокно въ прорубѣ замѣсить хотѣли. Новину чистили два брата, одинъ-то сидѣлъ по срединѣ, день былъ жаркой. Ель упали на него. «Ваньмо! какъ меня охолонуло! Садись ка на мое мѣсто». Таварищъ сѣлъ, а тотъ началъ ронить ель прямо на него; упала ель и зажала его тутъ. «Ваньмо! охолонуло-ли тебя»! спрашиваетъ, а тотъ ужъ молчитъ.

Сообщ. *Гр. Н. Потанинъ.*

Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской. Бережокъ тожь, Кадниковскаго уѣзда.

Котленѝкъ (прозвище крестьянина, данное потому, что когда онъ разсердится, то лицо его сдѣлается темнымъ какъ котелъ).
Обсысàло (прозвище женщины, не произносящей нѣкоторыхъ звуковъ).
Ревунъ = плаксунъ.
Тетёра (за толщину при маломъ ростѣ).
Цецётка (по птичкѣ, часто щебечущей).
Тпррру̀шка (часто говоритъ «тпррру»).
Коромы̀сло (длинная, прямая).
Маіоръ.
Ѳедо́ско (настоящее имя Ѳеодоръ).
Кы̀са = кошка (прозвище крестьянина, который не прочь и украсть что-либо).
Ѳедосиха (по мужу).
Кривоногой — (по физическому недостатку).
Пѣшеходка—(тихо-ходящая, пѣшкомъ).
Подомарь.
Косолапая = кривоногая.
Карабанъ.
Зубоскалка (любительница посмѣяться, «скàлить зубы»).
Груня (любитъ пѣть пѣсню, начинающуюся словами: «Груня. Груня, Груня я»...).
Пàвликовы (родовое прозвище, данное по дѣду Павлу).
Полòгой (тихой, неповоротливый).
Малы̀га (прозвище женщины малаго роста).
Мардаха.
Тюриковна (по отцу, имѣющему прозвище «тюрикъ»).
Нòвко, онъ же Нòвихо.
Дристунъ.
Кошка.
Потёмкинъ.
Мерёкинъ (подолгу думаетъ, нерѣшительный).
Цёкотѝло (по зову овецъ—«цёко, цёко»).
Лопушка (краснощекая, толстая).
Жопа (толстый, неповоротливый).
Погориленка (взятая изъ д. Погорѣлки).
Колесо (прозвище женщины не большого роста, быстро ходящей).
Кукъ = часто кукуетъ, подражая кукушкѣ.
Троесватья (прозвище женщины большаго роста, дородной).
Безпоесникъ = любитъ ходить безъ пояса.
Коля (настоящее имя Ольга).
Голёха (настоящее имя Алексѣй).
Лопышъ (любитъ много ѣсть,=«лопать»).
Цыганка=черная.
Кòпа (по долгу копается надъ чѣмъ-нибудь).
Васѝтко (настоящее имя Василій).
Кòвдя (настоящее имя Авдотья или Евдокія).
Бурлакъ (по грубости обхожденія).
Пѣнка=Агрипина.
Горбатой (по физическому недостатку).
Долгопялая (длинная, нескладная).
Домовой (нелюдимый, домосѣдъ).
Куропатка (стройная, аккуратная).
Глухой (по физическому недостатку).
Оленьи ноги (прозвище тонконогой женщины).
Окулѝша (настоящее имя Акулина).
Слѣпая (по физическому недостатку).
Черкесы *) (родовое прозвище, данное нѣсколькимъ семьямъ за вспыльчивый и неуступчивый характеръ).
Жеребецъ (любитель громко кричать, ржать).

---

*) Это слово вѣроятно занесено сюда скупщиками дегтя, прежде ежегодно пріѣзжавшими сюда изъ Ставрополя-Кавказскаго.

Лапишка (по собакѣ, носящей кличку эту).
Даниловка=взятая въ замужество изъ д. Даниловской.
Стамоногой (длинный, прямой).
Негнёной (держащійся всегда прямо).
Олишна (настоящее имя Ольга).
Минѣкъ (настоящее имя Мина).
Тишукъ=Тихонъ.
Волковъ (охотникъ на волкахъ).
Толстая брюшина (по большому животу).
Патретъ.
Пологой (несообразительный).
Макарёнокъ (по отцу Макару).
Поливаха (по широкому лицу, напоминающему пирогъ съ поливкой — «поливаха»).
Сибирцевъ=носитъ сибирки.
Казаматка (по случаю въ жизни, что былъ арестованъ).
Барацёнковы (родовое прозвище).
Дороньки́ны (тоже).
Никитёнковы (тоже).
Шоптунъ (тихо-говорящій).
Мара̀ка.
Дворяшка (по собачкѣ, малаго роста).
Кривобокая (по физическому недостатку).
Шадрунья (тоже).
Куимъ=дикой.
Зубатка (женщина съ длинными зубами).
Лепёха.
Сухарь=тощій!
Палацъ (любитель драться).
Баляка (любитъ «побалякать», т. е. поговорить).
Кубышка.
Чернецъ.
Статуй (настоящее имя Аристархъ).
Труся (ходящая мелкими шагами).
Софоновка=изъ д. Софоновской.
Обабокъ (по грибу).
Тяпушка.
Хлѣпица.
Козлокъ=грибъ.
Параница=Парасковья.
Павлу̀та=Павла.
Носъ.
Клеймушка.
Кѐрица.
Курыга.
Махѐня=Марья.
Кривоспоред (по физическому недостатку).
Заика (тоже).
Матеру̀ха (женщина большого росту).
Ва̀нишевы (родовое прозвище).
Толстобрюхой.
Соловейко (по веселому нраву).
Куликъ (по длинному носу).
Кобыла Якунина (жена Якова).
Голышъ.
Ростре̃па.
Коцъ (прозвище кудреватаго крестьянина).
Пастухъ=недоучка.
Цюха=поросенокъ.
Плитка=куроносый.
Яйка=ягода.
Красноголовая (по рыжимъ волосамъ).
Хухра.
Зайко.
Пивка.
Строга̀ль.
Ярославка (жила въ Ярославлѣ).
Папутикъ = поганый грибъ, т. е. несъѣдобный.
Лысатой (по физическому недостатку).
Горожанка (жила въ городѣ).
Зубарь (по случаю того, что два зуба вышибли въ дракѣ).
Утка.
Багоръ.
Шнага (настоящее имя Афанасья).
Кривая (по физическому недостатку).
Кокытка.
Меева.
Давыдко (настоящее имя Алексѣй).
Кудеренчикъ.
Захлёба (вынутая изъ петли, послѣ чего рѣчь ея стала не ясною).
Олексута гладкобайка=Александра краснорѣчивая.
Миха=Михаилъ.
Пила.
Лисиця=всѣ Елизаветы.
Ерунда (вздорный, задирчивый крестьянинъ).
Косорылая.
Бармакъ (плохо-говорящій).
Бурмоса=скороговорка.
Морозко.
Дровни=неуклюжая, большая.
Гнёнка (любитъ выгибаться, кокетничать).
Баранъ.
Кова̀.
Шумилиха.
Табурка.
Соплеватикъ
Рыка.
Софида=Софья.
Чернокожая.

Ершъ.
Снѣгурка (насмѣшка надъ тѣмъ, что черна лицемъ).
Бѣлой.
Лопотёнка.
Груньк а=Аграфена.
Кыка.
Кыкалевъ.
Оскалиха.
Мичура=всѣ Никифоры.
Нѣмой (по физическому недостатку).
Лягушка.
Зайчиха.
Високъ.
Одинецъ=одинъ сынъ у отца.
Херасковъ (по фамиліи одного помѣщика).
Баринъ.
Пузырь.
Пѣвчій (поетъ на клиросѣ).
Московецъ (красно говоритъ).
Мигунъ (часто мигаетъ).
Дѣвица.
Долгозубка (имѣющая открытые зубы).
Лепаковы (родовое прозвище).
Колоколецъ=разговорчивый.
Оботиха.
Околѣлой=тихой.
Когоряшка.
Муха (по малому росту).
Катромишна.
Кўчинёнковы (родовое прозвище).
Толстомясая=толстая.

А. А. Шустиковъ.

29 августа
1899 г.

Народныя слова и прозвища.

записанныя въ Сысертскомъ заводѣ Пермской губ. Екатеринбургскаго у. Чл.-Сотр. Общества Вяч. П. Ярковымъ.

Слова.

Аллàкать—говорить безъ умолку.
Ардà—толпа ребятъ шалуновъ.
Аркаться—ругаться.
Бусѝтъ—говорятъ, когда идетъ самый мелкій дождь.
Вýсъ—мучная пыль.
Вàга—рычагъ, употребляемый при поднятіи тяжестей и представляющій короткую жердь.
Вѐхоть—пучекъ мочалы, употребляемый при мытьѣ половъ, посуды и пр.
Вѝжига—скряга.
Вылитой—похожій.
Галýшить—надсмѣиваться.
Гимзѝтъ—много.
Гнýсъ—низкій человѣкъ (брань).
Гýнуть—разсказать секретное.
Держàть—тратить.
Дѝвно—много.
Доспѣло—что сдѣлается.
Доспѣть—поспѣшить сдѣлать.
Дружóкъ—пара вѣниковъ.
Душнóй—непріятно пахучій.
Завозня—сарай для экипажей.
Задавалка—гордецъ.
Звàкнуть—ударить.
Затрѐщина—пощечина.
Знатьѐ или Знатье-бы—если-бы извѣстно.
Зубàтый—грубіанъ.
Иззàболь—въ правду.
Кóпать—пыль.
Крàдчи—по секрету.
Кособѐниться—клониться на бокъ.
Лѝшка—много.
Лодыга—лодырь.
Лыва—лужа.
Лозя́—можно *).
Мачежѝна—мокрая поляна въ лѣсу.
Межеýмокъ—простоватый.
Мѣшкотно—тихо.
Набутýсился—осердился.
Надýлся—тоже.
Нагнýлъ—обманулъ.
Налóпался наѣлся.
На видя́чу—на виду.
Не свóйску городѝшь—говорить чего не слѣдуетъ.
Ошлепѐнтить—ударить.
Ошшýчить—обмануть.
Охóботить—ударить.
Палыснуть—то-же.
Першѝтъ—мѣшаетъ.
Пріопнѝсь—подожди.
Свѝтъ на лѝсо—очная ставка.
Сбóндить—утащить.
Тѐметь—темнота.
Уморошка—смѣшно.

Прозвища.

Девятыйдьяволъ.—Коковàня.—Баталà.—Шашѐня.—Шакшѐй.—Шарýй.—Пѝзя.—Дочка.—Заяцъ.—Зудѝлка. — Лиса.—Царь. — Попе-

*) Лозя=лъзя, нельзя. Было и лъга, нелъга. *Ред.*

Жили были двѣ названыя кумы,
Что названыя кумушки;
Онѣ стали о Васильѣ тосковать:
Ужъ намъ вô вѣки Василья не видать,
Во глаза его не видывати,
Голоску его не слыхивати.
Часть теперича Васильюшка прошелъ,
Въ темномъ лѣсѣ хороводъ дѣвокъ нашелъ,
На желтыхъ пескахъ Макарывскихъ,
Калены стрѣлы насаживалъ,
Ко-су лѣсу приговаривалъ.
Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣса, выше темненькаго,
Выше садику зелененькаго.
Обратись, моя каленая стрѣла,
Внизъ по морю, по Волгѣ рѣкѣ,
Ты убей, убей, каленая стрѣла,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ,
Красна дѣвица невѣста моя—
Сизой голубь—ётъ утѣха моя.

———

Мужикъ пашеньку пахалъ,
Онъ на солнышко глядѣлъ.
Я еще попашу,
Я на солнце погляжу.
Какъ людскія-то жены
Мужу завтракать несутъ,
Какъ моя курва жена
Ни несетъ, ни везетъ,
Ни съ подружкамъ ни пошлетъ.
Ужь я выпрягу лошадку,
Я заѣду во лѣсокъ,
Вырублю вязокъ
На свою курву жену.
Я пріѣхалъ ко двору—
Жена ходитъ по двору,
Сама басенькая,
Сама снаряденькая,
Она въ ситцевомъ передничкѣ
Въ шелковомъ поясѣ.
Она ходитъ по двору.
Тпру-ка, стой! подою,
Мужу ѣсть унесу.

———

Кто-то ходитъ умный,
Кто-то ходитъ разумный,
По горенкѣ ходитъ.
Косицы наводитъ.
Зеркальце смотрися,
Самъ себѣ дивися,
Экой я хорошій,
Экой я пригожій,
Хорошъ нарядился,
Пригожъ уродился.
На коня садился,
Конь подъ нимъ бодрился,
Плеточкой-то машетъ,
Ко́нь-то подъ нимъ пляшетъ.
Къ садику подъѣзжаетъ,
Садикъ зеленѣетъ,
Дѣвица веселѣетъ.

Къ этой пѣснѣ припѣвъ: бай говоря, гуляй голова!

———

Ходила Маряшенька
Брала, брала ягодку земляничку,
Уколола ноженьку о шипичку,
Болитъ, болитъ ноженька да не больно,
Любитъ, любитъ миленькій да спокинетъ,
Спокинетъ мой миленькій не надолго,
Не надолго времячко на часоцекъ,
Споказався мнѣ цасоцекъ за денецекъ,
Споказався мнѣ денецекъ за недѣльку,
Показалась недѣлька за младъ мѣсяцъ,
Показался младъ мѣсяцъ за годоцекъ.
Уѣхалъ мой миленькій въ городоцекъ,
Пишетъ, пишетъ мой миленькій ко мнѣ письма,
Письма - вѣсть не радостну, тяжелую.
Пошлю, пошлю служеньку молодую,
Пойду, пойду къ тятенькѣ отпрошуся,
Родимой маменькѣ доложуся
Зеленыя рощицы *) посмотрити,
Зимовыя озими поглядѣти.
Пригодится эта роща намъ на свадьбу,
Будемъ мы вѣдь Оленьку выдавати.

———

Растворила ницево
Поставила на цѣло,
Три недѣлюшки цвѣло,
На четвертую недѣлю
Стала мяконьки катать,
Она по полу катала,
По подлавицѣ валяла,
На порогѣ растрепала
На печь въ уголъ посадила,
Три лопаты изломила,
Коцаргавиной нагребла,
Всѣ ковалки прижгала,

*) Роща — солодъ.

Неудацно пекла.
Она склала въ коробокъ,
Поѣхала на рынокъ.
Становилась во рядокъ,
Во саменькій уголокъ.
Тутъ и шелъ, прошелъ купецъ,
Алексѣй-отъ молодецъ,
Онъ купить, не купилъ,
Только цѣну надломилъ.
Долгорылая свинья
Коровашекъ унесла.
Она эстоль не наѣла,
Только рыло обмарала,
Три недѣлюшки хворала,
На четвертую пропала.
Это Гришкѣ да Мишкѣ
Могила копать,
Попу то Семену
Свинья отпѣвать.
Была сивая кобыла,
По семи ведеръ доила,
Въ полѣ хвостъ завязила,
Жеребеночекъ лопшакъ,
Уволокъ его лѣшакъ.

Еще ѣхала кума
Мимо кумова двора,
Сучинилася бѣда
Изломалася дуга,
Изорвалися гужи,
Гужи шелковые,
Полу шелковые.
Это мой-отъ мужъ муракъ
За охотою пошелъ,
Перепелышекъ нашелъ,
Изловилъ лунка,
Лунка сизенькаго,
Сизокрыленькаго.
Ты, присядь, присядь, лунокъ,
Присядь, сизый голубокъ.
Сядь по-малешеньку,
Сядь по тихошеньку,
На ту сторону гляди,
На другую посмотри
Еще то крыло оправь
И другое пріоправь,
Ты спахни-ка, полети,
Кого надо, уволи
Стань на перстицки,
Поцѣлую крестицки.

Во селѣ было въ селѣ,
Во присельникѣ селѣ
Молодка была молоденькая,
Не велицка и статна,
Всѣмъ манерамъ хороша,
Умстливая,
Прелестливая.
Еще позвали молодку
Во пиръ пировать,
Въ бесѣду сидѣть,
Во смиренную.
Во бисѣдѣ не сидѣла,
Во пиру не пировала,
Въ садѣ пробыла,
Съ миленькимъ одна.
Еще мужъ-отъ искидался,
По новымъ сѣнямъ бросался,
Все искалъ жены,
Её молоду:
Скажите-ка, друзья,
Куда уѣхала жена?
Намъ на весёло Симоновско.
Во дорожкѣ не согналъ,
Во гостяхъ шельма засталъ
Не сталъ говорить,
При людяхъ срамить.
Ты прибудь, жена, домой,
Я управлюся съ тобой
Волею своей.
Пришла въ лѣсѣ вся куница,
Дома-то лисица
Завсе весела.

Было у вдовушки семь дочерей
Варды, варды, варды,
Первая дочка Александрушка,
Другая дочка Аринушка,
Третья дочка Марфушка,
Четвертая дочка Александрушка,
Пятая дочка Палагеюшка,
Шестая дочка Катеринушка,
Сёмая дочка Крестинушка.
Тоненькій высокій то Олинъ *) женишокъ,
Сутулый горбатый то Аринінъ женишокъ,
Толста голова то Марфинъ женишокъ,
Широка борода то Олинъ женишокъ,
Узенька бородка Палагеинъ женишокъ,
Косой, разноглазый Катерининъ женишокъ,
Бѣлый кудреватый Крестининъ женишокъ.
Тоненькій, высокій озароды метать,
Сутулый, горбатый озароды подпирать,

*) Здѣсь уменшительное отъ Александра не Саша, а Оля. Названія дочерей въ этой пѣснѣ дѣвицы, пѣвшія её мнѣ, вставили свои собственныя.

Толста голова трубу затыкать,
Широка борода потолокъ обметать,
Узенька бородка сметанку лизать,
Косой разноглазый овины зажигать,
Бѣлый, кудреватый головку чесать.

Погуляла въ лѣсъ чечотка,
Погуляла въ лѣсъ лебедка,
Какъ на барскомъ на дворѣ.
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь дочерей.
Дарью да Марью,
Ѳедосью, Анисью,
Степаниду съ Ломанидой
Семую Катерину,
Душу Катеньку,
Душу хорошую.
Ты помилуй, сударь баринъ,
Моихъ семь дочерей
Дарью да Марью,
Ѳедосью, Аносью,
Степаниду съ Ломанидой,
Семую Катерину,
Душу Катеньку,
Душу хорошую.
Погуляла въ лѣсъ чечотка,
Погуляла въ лѣсъ лебедка.
Какъ на барскомъ на дворѣ
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь сыновей.
Степана, Романа,
Клементья, Крементья,
Евстигнея, Досифея,
Семаго Алексѣя,
Душу Алешеньку,
Душу, хорошаго.
Ты помилуй, сударь баринъ,
Моихъ семь зятевей.
Погуляла въ лѣсъ чечотка,
Погуляла въ лѣсъ лебедка,
Какъ на барскомъ на дворѣ.
Нажила себѣ чечотка,
Нажила себѣ лебедка,
Ровно двадцать внучатковъ.
Два стойня, два лёжня,
Два поползня,
Два у лавочки стоятъ,
Два учиться хотятъ,
Двѣ Агашки у кашки питаются,
Двѣ Варюшки ко краюшкѣ подвигаются,
Два Петра у ведра буздыряются,
Два Степана у сметаны облизаются.

Дѣвица прилучница была,
Прилучу парня ко бѣлому лицу,
Ко бѣлу лицу, ко цернымъ бровямъ,
Брови церныя, церные глаза,
Русы кудри накладные волоса,
Кудри самаго конца.
Уведутъ дружка, во солдаты молодца;
Во солдатушкахъ жить не оценъ хорошо,
Что сухарь, вода—солдатская ѣда.
Одна дочь у батюшки жила,
Три я годыцка жила,
Три горя нажила.
Первое горе вышла замужъ малода,
Второе вышла всѣмъ я не мила,
Третье горе мужъ удала голова.
Ужь не держится ни дому, ни двора,
Только держится чужой стороны,
Чужемужней жены.

Тараканъ-ли, тараканъ,
Тараканъ дрова рубилъ,
Комаръ по воду ходилъ,
Въ грязи ногу завязилъ,
Мушка банюшку топила,
Гнида щелокъ щелочила,
Блошка парилася,
Съ полку ударилася,
Не нарокомъ, своимъ бокомъ,
Ребро проломила.
Блошка мошку подымала,
Животъ, сердце надорвала.
Ужь какъ наша попадья
Зарождала воробья,
Совсѣмъ воробей,
Совсѣмъ молодой,
Остроносенькій, долгоносенькій,
По подъ гребицей красная дѣвица.
Повели воробья
Во боярскій дворъ,
Къ воеводѣ въ домъ.
Воевода, сынъ господскій,
Не сѣки его кнутомъ,
Обстриги его кругомъ,
При дорожкѣ, при долинкѣ стой.
Кто нейдетъ, нейдетъ
Назоветъ его попомъ.
Ужь ты, батюшка попокъ,
Зачѣмъ служишь безъ портокъ.
Я не ѣздилъ во полки,
Не завелъ себѣ портки,
Портки строченыя,
Позолоченыя.

Не комаръ-отъ на мухѣ женился,
Прилетѣлъ слѣпень, расхулилъ.
Это что-то у васъ за свадьба,
Это что-то у васъ за невѣста,
Только, только твоя невѣста
По крынкамъ-то летати
Густую сметанку лизати
Тебя, комара, пропитати.
Полетѣлъ комарище на дубище,
Дубище раскачалось.
Комарище-то раздремалось.
Упалъ комарище въ коренище,
Прилетѣли двѣ мухи горюхи,
Повалили комара на носилки,
Понесли комара на большую дорогу.
Пусти, вдовушка, постояти,
Темну ноценьку ноцевати.

Благослови, мати, Ерша читати. Пошелъ Ершишка въ Ростовское озеро мелкую щетинку вставлять, хрушкую рыбу колоть; пошла рыба на Ерша просить. Пошелъ Окунь къ Раку рыбѣ тягаться. Отчего у тебя, Окунь, щелья красны? Когда Ростовское озеро горѣло съ комля до вершины четыре недѣли, мы были при ономъ дѣлѣ и щелья опалили; и пошла Сорога къ Раку-рыбѣ тягаться. Отчего, говоритъ, у тебя, Сорога, глаза красны? Когда Ростовское озеро горѣло съ комля до вершины четыре недѣли, и мы были при томъ дѣлѣ, глаза опалили. Стали собираться, ерша ловить. Пришелъ неводисъ, закинулъ неводъ, пришелъ Миня Ерша вынялъ, пришелъ Нестеръ, принесъ пестерь, пришелъ Илья, наносилъ дровъ гнилья, пришелъ Алексѣй, воды наносилъ, пришла Марія *), Ерша сварила, пришелъ Андрюша, Ерша разрушалъ, пришелъ Ѳедосей, Ерша на тарелкахъ разносилъ, пришелъ Петруша, Ерша покушалъ, пришла Акуля, однѣ кости сдула, пришла Ненила, голосомъ завыла. Экая ты, Акуля, скверная, подла.. Ахъ, Акуля; были у тебя копейки да гроши, очутилися однѣ вши. Это вши не вшички; тѣ вши, которыя съ бурлака валились, съ собакамъ дрались, не поддавались, то вши.

(Запис. въ дер. Аксентьевой).

Нонѣшняго лѣта пришли новые завѣты, прибѣжалъ съ почты молодой кульеръ, принесъ новые завѣты. Правда померла, кривда ожила, ложь съ бодожкомъ ушла. Писано, приписано отъ дядюшки Борисова, писано не Романомъ, все безъ обману. Пришелъ дядюшка Власъ, кабы мнѣ на это время далась такая власть да стадо овецъ, я бы сталъ надъ нимъ духовный отецъ, причастилъ бы, исповѣдалъ и въ кучку склалъ. Сдѣлалъ бы колеса, поѣхалъ на небёса. На небёсахъ все не по нашему: церква галашная, двери кишешныя. Кишечку перехватилъ и въ церкву усколилъ. Въ церкви-то все не по нашему: боги глиняные, плѣшь деревянная; чикнулъ по плѣши, толоконце съѣлъ, сталъ крошечки собирать, попа Зѣворота поминать. Попъ Зѣворотъ, не ходи мимо моихъ воротъ—и тебя съѣмъ.

Какъ было въ 66 году, садился самъ сатана на стулъ и головой тряхнулъ:

— Господинъ есаулъ!

— Чего, сударь, угодно?

— Зри вѣрняй, нѣтъ ли гдѣ пенья, коренья, мелкихъ мѣстъ, чтобъ намъ, добрымъ молодцамъ, на мель не сѣсть, легку шлюпку не потопить.

— Сударь, вижу!

— Что ты видишь?

— Влизь берегу колоду.

— Вотъ еще нашелъ чертову воеводу.

— Зри вѣрняй!

— Сударь, вижу!

---

*) Въ здѣшнемъ краѣ произносятъ Марія съ удареніемъ на і, и иногда превращаютъ это имя въ Марійка.

— Что ты видишь?
— Близь берега село.
— Сходи въ это село, рады ли намъ?
— Рады, рады, какъ чертямъ.
— Такъ, говори, какъ милымъ друженьямъ. Зри вѣрняй!
— Сударь, вижу
— Что ты видишь?
— Близь берега корабли.
— Что на кораблѣ?
— Пушки.
— Вотъ еще нашелъ свиныя тушки. Возьми-ка эти тушки, такъ пригодится нашимъ гребцамъ каши сварить.

— Пантюшка малый!
— Чего угодно, баринъ старый?
— Неси водки алой.
— Гдѣ бы я про тебя взялъ?
— Въ подвалѣ взапертѣ.
— Кто про тебя поставилъ?
— Да въ другомъ.
— Да я бѣжалъ кругомъ, да не видѣлъ ничего.
— Пантюшка малый!
— Чего угодно баринъ старый!
— Гдѣ ты сегодня ночевалъ?
— Въ твоей новой купленой деревнѣ подъ овиномъ.
— Кабы овинъ-то загорѣлся?
— Я бы вышелъ да погрѣлся.
— Пантюшка малый!
— Чего угодно, баринъ старый!
— Поилъ-ли ты сегодня коня-то.
— Поилъ.
— Да отчего у него губа-то суха.
— Отъ того губа суха, что пролубь высока.
— Да ты могъ пролубь-то и подрубить.
— Я и то, сударь, четыре ноги по колѣно отсѣкъ.
Ахъ ты, сукинъ сынъ, коня то довелъ *)!
— Нѣтъ не довелъ; онъ лежитъ на спинкѣ и ножкамъ потягиваетъ.
— Пантюшка малый?
— Чего угодно, баринъ старый?
— Былъ ли ты сегодня у моихъ работничковъ?
— Былъ.
— Каково они робятъ?
— Семеро однѣмъ топоромъ.
— Какъ они семеро однимъ топоромъ рубятъ.
— Одинъ рубитъ, двое клонять, четверо глядятъ, куда щепочки летятъ.
— Не пропали денежки! Сдѣлали они про меня домъ.
— Сдѣлали.
— Каковъ?
— Хорошъ.
— Сколь хорошъ!
— Три двора, одна труба. Въ подворотню дымъ идетъ. Самыя большія окна напарьей верчены.

---

*) Довести по здѣшнему известь, испортить.

— Сдѣлали они про меня дворецъ?
— Сдѣлали.
— Каковъ?
— Хорошъ.
— Какъ хорошъ?
— Три кола вбиты и корытомъ покрыты.
— Хорошъ. Каковы у нихъ хлѣба-то были?
— Хороши.
— Какъ хороши?
— Какъ вологка отъ волотки отсель да до слободки, колосъ отъ колосу не услышишь человѣческаго голосу, сусловъ отъ суслона отсель да до Рослова.
— Куды же они этотъ хлѣбецъ дѣвали?
— У нихъ староста не глупъ, кладь-то склалъ на пецной столбъ, переходила кошка съ бруса на брусъ и спихнула кладь въ лахань. Онъ взялъ которое сухое-то собралъ, а сырое-то на ложкѣ растегъ, да въ ковшѣ развелъ, 88 бочекъ вина навелъ.
— Ахъ, братцы! ахъ, братцы!
— Съ волкомъ двадцать.
— Не пора ли намъ по за гумнами пройти, свиней посмотрѣть.

Есть у мужика свинья, невольно хвора. Со двора въ полосу въ овесъ убрела. У свиньи зубы рѣдки, хватаетъ однѣ вѣтки, хозяина вовсе не раззоряетъ, соломушку тутъ оставляетъ, и набила свинья брюхо, приложила ухо. Прибѣжалъ волкъ, схватилъ свинку за вологую щетинку повалилъ её на крутую спинку. Стой волкъ, не ѣшь меня! Я те послѣдняя свинья волку ѣда! Я те за утро стадо поросятъ приведу. Нѣтъ, врешь, свинья, деревенска лухманка. Хоть и часто мигаешь, меня волка не обманешь: я те за кустокъ уволоку, и твои кишечки по лугу растяну, твоихъ родителевъ помяну, Гришку и Мишку и Луку съ Петромъ, дѣдушку Трифона, бабушку въ три . . . . . , За то её въ три, чтобы помнила дни, да не забывала Святки и Масляницу.

Какъ было въ городѣ въ Устюгѣ, разодрались Настюха съ Настюхой; у ихъ пошла стрѣльба, пальба кочерная, онѣ никого не убили, не обранили, только солоницу съ полицы въ полонъ взяли. Какъ у Троицы подъ горою сидитъ старикъ съ бородою—корочки на салѣ, а въ сорецочкѣ кошечки . . . . , а намъ звонили, киселя горшокъ съ прѣснымъ молокомъ, шерстобитско брюхо радуется, а тепереча догадались по пазушкамъ разорвались, щи горюны подъ шестокъ ушли.

На Вахмѣ прежде какіе были шалики, а какъ теперь просвѣтилися. Вятчане тоже. Толокно въ прорубѣ замѣсить хотѣли. Новину чистили два брата, одинъ-то сидѣлъ по срединѣ, день былъ жаркой. Ель упали на него. «Ваньмо! какъ меня охолонуло! Садись ка на мое мѣсто». Таварищъ сѣлъ, а тотъ началъ ронить ель прямо на него; упала ель и зажала его тутъ. «Ваньмо! охолонуло-ли тебя»! спрашиваетъ, а тотъ ужъ молчитъ.

Сообщ. *Гр. Н. Потанинъ.*

Прозвища крестьянъ дер. Хмѣлевской, Бережокъ тожъ, Кадниковскаго уѣзда.

Котленйкъ (прозвище крестьянина, данное потому, что когда онъ разсердится, то лицо его сдѣлается темнымъ какъ котелъ).
Обсысàло (прозвище женщины, не произносящей нѣкоторыхъ звуковъ).
Ревунъ = плаксунъ.
Тетёра (за толщину при маломъ ростѣ).
Цецётка (по птичкѣ, часто щебечущей).
Тпрррушка (часто говоритъ «тпррру»).
Коромы́сло (длинная, прямая).
Маіоръ.
Ѳедо́ско (настоящее имя Ѳеодоръ).
Кы́са = кошка (прозвище крестьянина, который не прочь и украсть что-либо).
Ѳедосиха (по мужу).
Кривоногой — (по физическому недостатку).
Пѣшеходка — (тихо-ходящая, пѣшкомъ).
Подомарь.
Косолапая = кривоногая.
Карабанъ.
Зубоскалка (любительница посмѣяться, «скàлить зубы»).
Груня (любитъ пѣть пѣсню, начинающуюся словами: «Груня, Груня, Груня я»...).
Пàвликовы (родовое прозвище, данное по дѣду Павлу).
Полòгой (тихой, неповоротливый).
Малы́га (прозвище женщины малаго роста).
Мардаха.
Тюриковна (по отцу, имѣющему прозвище «тюрикъ»).
Нòвко, онъ же Нòвихо.
Дристунъ.
Кошка.
Потёмкинъ.
Мерёкинъ (подолгу думаетъ, нерѣшительный).
Цёкотйло (по зову овецъ — «цёко, цёко»).
Лопушка (краснощекая, толстая).
Жопа (толстый, неповоротливый).
Погориленка (взятая изъ д. Погорѣлки).
Колесо (прозвище женщины не большого роста, быстро ходящей).
Кукъ = часто кукуетъ, подражая кукушкѣ.
Троесватья (прозвище женщины большаго роста, дородной).
Безпоесникъ = любитъ ходить безъ пояса.
Коля (настоящее имя Ольга).
Голёха (настоящее имя Алексѣй).
Лопышъ (любитъ много ѣсть, = «лопать»).
Цыганка = черная.
Кòпа (по долгу копается надъ чѣмъ-нибудь).
Васйтко (настоящее имя Василій).
Кòвдя (настоящее имя Авдотья или Евдокія).
Бурлакъ (по грубости обхожденія).
Пѣнка = Агрипина.
Горбатой (по физическому недостатку).
Долгопялая (длинная, нескладная).
Домовой (нелюдимый, домосѣдъ).
Куропатка (стройная, аккуратная).
Глухой (по физическому недостатку).
Оленьи ноги (прозвище тонконогой женщины).
Окулйша (настоящее имя Акулина).
Слѣпая (по физическому недостатку).
Черкесы *) (родовое прозвище, данное нѣсколькимъ семьямъ за вспыльчивый и неуступчивый характеръ).
Жеребецъ (любитель громко кричать, ржать).

---

*) Это слово вѣроятно занесено сюда скупщиками дегтя, прежде ежегодно пріѣзжавшими сюда изъ Ставрополя-Кавказскаго.

Лапишка (по собакѣ, носящей кличку эту).
Даниловка=взятая въ замужество изъ д. Даниловской.
Стамоногой (длинный, прямой).
Негнёной (держащійся всегда прямо).
Олишна (настоящее имя Ольга).
Минѳкъ (настоящее имя Мина).
Тишукъ=Тихонъ.
Волковъ (охотникъ на волкахъ).
Толстая брюшина (по большому животу).
Патретъ.
Пологой (несообразительный).
Макарёнокъ (по отцу Макару).
Поливаха (по широкому лицу, напоминающему пирогъ съ поливкой — «поливаха»).
Сибирцевъ=носитъ сибирки.
Казаматка (по случаю въ жизни, что былъ арестованъ).
Барацёнковы (родовое прозвище).
Доронькины (тоже).
Никитёнковы (тоже).
Шоптунъ (тихо-говорящій).
Марàка.
Дворяшка (по собачкѣ, малаго роста).
Кривобокая (по физическому недостатку).
Шадрунья (тоже).
Куймъ=дикой.
Зубатка (женщина съ длинными зубами).
Лепёха.
Сухарь=тощій!
Палацъ (любитель драться).
Баляка (любитъ «побалякать», т. е. поговорить).
Кубышка.
Чернецъ.
Статуй (настоящее имя Аристархъ).
Труселя (ходящая мелкими шагами).
Софоновка=изъ д. Софоновской.
Обабокъ (по грибу).
Тяпушка.
Хлопица.
Козлокъ=грибъ.
Параница=Парасковья.
Павлỳта=Павла.
Носъ.
Клеймушка.
Кòрица.
Курыга.
Махòня=Марья.
Криворотой (по физическому недостатку).
Заика (тоже).
Матерỳха (женщина большого росту).
Вàнишевы (родовое прозвище).
Толстобрюхой.
Соловейко (по веселому нраву).
Куликъ (по длинному носу).
Кобыла Якунина (жена Якова).
Голышъ.
Рострёпа.
Коцъ (прозвище кудреватаго крестьянина).
Пастухъ=недоучка.
Цюха=поросенокъ.
Плитка=куроносый.
Яйка=ягода.
Красноголовая (по рыжимъ волосамъ).
Хухра.
Зайко.
Пивка.
Строгàль.
Ярославка (жила въ Ярославлѣ).
Папутикъ = поганый грибъ, т. е. не съѣдобный.
Лысатой (по физическому недостатку).
Горожанка (жила въ городѣ).
Зубарь (по случаю того, что два зуба вышибли въ дракѣ).
Утка.
Багоръ.
Шнага (настоящее имя Афанасья).
Кривая (по физическому недостатку).
Кокытка.
Меева.
Давыдко (настоящее имя Алексѣй).
Куденчикъ.
Захлёба (вынутая изъ петли, послѣ чего рѣчь ея стала не ясною).
Олексута гладкобайка=Александра краснорѣчивая.
Миха=Михаилъ.
Пила.
Лисиця=всѣ Елизаветы.
Ерунда (вздорный, задирчивый крестьянинъ).
Косорылая.
Бармакъ (плохо-говорящій).
Бурмоса=скороговорка.
Морозко.
Дровни=неуклюжая, большая.
Гнёнка (любитъ выгибаться, кокетничать).
Баранъ.
Кова̀.
Шумилиха.
Табурка.
Соплеватикъ
Рыка.
Софида=Софья.
Чернокожая.

Ершъ.
Снѣгурка (насмѣшка надъ тѣмъ, что черна лицемъ).
Бѣлой.
Лопотёнка.
Груньк а=Аграфена.
Кыка.
Кыкалевъ.
Оскалиха.
Мичура=всѣ Никифоры.
Нѣмой (по физическому недостатку).
Лягушка.
Зайчиха.
Високъ.
Одинецъ=одинъ сынъ у отца.
Херасковъ (по фамиліи одного помѣщика).
Баринъ.
Пузырь.
Пѣвчій (поетъ на клиросѣ).
Московецъ (красно говоритъ).
Мигунъ (часто мигаетъ).
Дѣвица.
Долгозубка (имѣющая открытые зубы).
Лепаковы (родовое прозвище).
Колоколецъ=разговорчивый.
Оботиха.
Околѣлой=тихой.
Когоряшка.
Муха (по малому росту).
Катромишна.
Кучинёнковы (родовое прозвище).
Толстомясая=толстая.

А. А. Шустиковъ.

29 августа
1899 г.

Народныя слова и прозвища.

записанныя въ Сысертскомъ заводѣ Пермской губ. Екатеринбургскаго у. Чл.-Сотр. Общества Вяч. П. Ярковымъ.

Слова.

Аллàкать—говорить безъ умолку.
Ардà—толпа ребятъ шалуновъ.
Арватьcя—ругаться.
Бусѝтъ—говорятъ, когда идетъ самый мелкій дождь.
Бу̀съ—мучная пыль.
Вàга—рычагъ, употребляемый при поднятіи тяжестей и представляющій коротк๏ю жердь.
Вѐхоть—пучекъ мочалы, употребляемый при мытьѣ половъ, посуды и пр.
Вы̀жига—скряга.
Вы̀литой—похожій.
Галу̀шить—надсмѣиваться.
Гимзѝтъ—много.
Гну̀съ—низкій человѣкъ (брань).
Гу̀нуть—разсказать секретное.
Держàть—тратить.
Дѝвно—много.
Доспѣ̀ло—что сдѣлается.
Доспѣ̀ть—поспѣшить сдѣлать.
Дружóкъ—пара вѣниковъ.
Душнóй—непріятно пахучій.
Завозня—сарай для экипажей.
Задавалка—гордецъ.
Звàкнуть—ударить.
Затрѐщина—пощечина.
Знатьѐ или Знатье-бы—если-бы извѣстно.
Зубàтый—грубіанъ.
Иззàболь—въ правду.
Кóпать—пыль.
Крàдчи—по секрету.
Кособѐниться—клониться на бокъ.
Лѝшка—много.
Лоды̀га—лодырь.
Лы̀ва—лужа.
Лозя̀—можно *).
Мачежѝна—мокрая поляна въ лѣсу.
Межеу̀мокъ—простоватый.
Мѣ̀шкотно—тихо.
Набуту̀сился—осердился.
Наду̀лся—тоже.
Нагну̀лъ—обманулъ.
Налóпался—наѣлся.
На видя̀чу—на виду.
Не свóйску городѝшь—говорить чего не слѣдуетъ.
Ошлепѐнтить—ударить.
Ошшу̀чить—обмануть.
Охбóтить—ударить.
Палы̀снуть—то-же.
Першѝтъ—мѣшаетъ.
Пріопнѝсь—подожди.
Свàтъ на лѝсо—очная ставка.
Сбóндить—утащить.
Тѐметь—темнота.
Умороmка—смѣшно.

Прозвища.

Девятый дьяволъ.—Кована̀я.—Батала̀.—Шашѐня.—Шакшѐй.—Шару̀й.—Пѝзя.—Дочка.—Заяцъ.—Зудѝлка.—Лиса.—Царь.—Попе-

*) Лозя=лъзя, нельзя. Было и лъга, нелъга. *Ред.*

тàнъ.—Пугачъ.—Мезѐня.—Адоничъ.—Гȣша. —Заворȣй.—Кукушка. Плита.--Шàтало.—Хàрчикъ. — Текȣтье. — Пасха.--Базȣня.—Рѭха.— Хàря.—Зѐтя.–Синѐй.—Калябѐкъ. — Окȣлко. — Кóкаль.—Мѐня.—Манàй.–Рѐжа.--Телѣга.—Зѐрко — Сȣчка.—Трудна-копеечка.—Габiй.— Пузырь.—Пестрѐна.—Паздерà. — Калина.—Старуха.—Камисiя.—Комисаръ.–Середа.—Котъ.—Забалȣй.—Волкъ.—Арсенычъ.—Деревянной. Шйньга.—Жучишны.--Зѐна.—Аминь.—Паясъ.—Гоголь. — Тошшой.— Воробей.—Чирла.—Бутусъ.—Фунтикъ.—Баронъ.—Моксунъ.—Хахала. Сажень.—Пикалъ —Шуба. — Мѣнда.—Ершикъ.—Шшетина —Мялка.— Мякина.—Ситя.—Огонекъ.—Прюпушка.—Пуля — Козелъ. — Овечка. Боричъ.—Козлуха.—Звѣзда.—Криночка.—Туго.

Свадьба въ Хмѣлевицкомъ приходѣ Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ.

Когда приходитъ время сына женить, отецъ спрашиваетъ, куда ѣхать, чего прежде не бывало и отъ чего по увѣренію отцовъ происходятъ дѣлежи. Сынъ указываетъ. Если родителямъ не нравится, поуговариваютъ, однако ѣдутъ. Пріѣхавши въ невѣстину деревню, отецъ идетъ къ хорошо знакомому ему и невѣстѣ крестьянину и проситъ его быть сватомъ. Тотъ соглашается, такъ какъ знаетъ, хорошо придется ему выпить, надѣваетъ хорошую одёжину и идетъ. Придя въ домъ, идетъ на середь избы по одной половичкѣ, молится, кланяется, берется за крюкъ, на которомъ вьютъ мочальныя веревки и говоритъ: «баютъ, у тибя ториця, а у меня пшеницня, давай посіемъ въ одно мѣсто». Невѣста услышавъ такую странную рѣчь, по правиламъ деревенскаго приличія, должна мигомъ убѣжать или на печку или въ другую избу. Отецъ невѣсты отговаривается или молодостью невѣсты или недосугомъ... Сватъ уламываетъ. Отецъ проситъ цѣну, смотря по жениху 60, 30, 20, 15 или 10—5 руб. Сватъ долженъ сообразить, шутитъ онъ или нѣтъ. Если бѣднякъ проситъ за невѣсту 40 или 30 руб., значитъ не хотятъ отдать.

Начинается ряда—скучная исторія взаимнаго расхваливанія своего товара. Кончается наконецъ ряда, сватъ уходитъ, сообщаетъ свои результаты отцу жениха. Отецъ приходитъ и соглашается на незначительную цѣну, выговаривая, какіе кому дары долженъ сдѣлать отецъ невѣсты.

Ежели невѣста изъ другого прихода, то «выводъ» (метрическая выпись) тутъ же вставляется въ эту ряду. Такое значеніе пріобрѣла выводная запись благодаря ощутительной суммѣ (5 руб. и 3, рѣдко 1), взимаемой священниками, особенно изъ Вятской губерніи.

Назначается день сговоровъ, который носитъ характеръ скорѣе выпиванья, а не сговоровъ. Въ промежутокъ этихъ дней невѣста ходитъ къ священнику учить молитвы, такъ какъ нѣкоторыя не умѣютъ даже «воймяцця то!» (молитв. Во имя отца и сына...). За это невѣста даетъ священнику 8 аршинъ полотна. На сговорѣ собирается вся женихова родня, сговорёнка начинаетъ выть. Благослови кормилецъ батюшко мнѣ вытти изъ пецьки за навѣстоцьку, за тесову нову переборецьку, на дубову нову лавицю прити косясцятова окошецька, прити немѣцькаго стеколышка предъ иконой кипарисъ древà, прити мисеця то свѣтлова, прити звѣздоцекъ то цястыхъ. Отецъ берегъ рюмку водки, поднесенную сватомъ и начинаетъ пить. Невѣста причитаетъ. Ужъ ты не пей, кормилецъ батюшко, ужъ ты да зелена вина, не бери-ко, родной батюшко, ужъ ты да золоту цяру. Золота цяра омманьцива, зелено вино подпойциво». Сватъ подаетъ отцу выговоренныя деньги. Невѣста причитаетъ: Ты не бейся, родной батюшко, ишшо ты да по бѣлымъ рукамъ цересъ столики дубовыя, цересъ скатерки да браныя, черезъ ножики булатныя, цересъ ѣсьвиця сахарныя, цересъ лошецьки кленовыя, цересъ вилоцьки полуженыя. Я одъ цемъ да буду битися, по виску да буду кланяцця по рѣзву да буду говорить, своему да я родителю. Приступайко, родной батюшко. шьтё ко мнѣ да за навѣстоцьку, въ горемышное то мистецько. Отецъ приходитъ». Невѣста, обнявши отца причитаетъ. Ты послушай родной батюшко шьте тибѣ да буду говорить, худобу разѣ увидѣли, худу славушку услышали; я жила да, родной батюшко, я потише клюцевой

воды я пониже шелковой травы, я жила да унижалася передъ всѣми люди добрыми!» Отецъ прослезится... «Ну, шьте, дура, вѣдь же надо-коколды-нибуть и отдавать, не на смерть вѣдь отдаемъ». Сдѣлавъ легонькое замѣчаніе, чтобы загладить свою слабость, слезы, отецъ возвращается къ полуштофчику, а невѣста причитаетъ мать, потомъ брата, какъ отца, а затѣмъ сноху. «Ты скажи-ко, сношка матушка, каково жить во цюжихъ людяхъ, у цюжова отця матери». Сноха отвѣчаетъ: «цяжело матка, золовонька, цяжело жить во цюжихъ людяхъ, у цюжова отця матери. Надо ноженьки подходцивы, надо руценьки подносливы, буйну голову поклоньцеву, шьте языкъ отъ разговорьцивой». Къ этому времени кончается пропойка невѣсты. Начинаютъ чашничать. Въ это время женихъ сидящій до сихъ поръ въ другой избѣ, входитъ, здоровается со всѣми, и невѣста угощаетъ его чаемъ. Передъ чаемъ невѣста угощаетъ всѣхъ водкой, сначала свата. Сватъ отпивши, говоритъ «горько» и невѣста съ женихомъ подслащаютъ поцѣлуемъ. Дѣвицы въ это время поютъ:»—Какъ на горовкѣ, горонкѣ, на прикрутой было горонкѣ два ти дубцика сидятъ, на дубцикахъ, дубцикахъ два голубцика сидятъ, промежъ собой онѣ рицъ говорятъ, и ишо нѣтъ у насъ такова молоцця, шьте Ивана то Деменьтьевиця, онъ съ грошика на грошики ступалъ, у мильёна онъ ворота запиралъ, по пети рублей за писенку давалъ. «Сватушко на писенку». Сватъ вынимаетъ порваный «партаманетъ» и, порывшись, тамъ достаетъ николаевскую двухкопеечную монету. На-ко те, цѣлой петакъ. Дѣвка беретъ, кажетъ подругамъ, тѣ сердятся, собираясь когда нибудь отплатить. Сватъ снова лѣзетъ въ хранилище собранныхъ капиталовъ и съ торжествомъ извлекаетъ новенькую копейку. Дѣвицы довольны. Послѣ свата, невѣсты поютъ пѣсню жениху: «какъ у мисяця да звѣзды цястыя, у Иванушки да кудри русыя да по плепямъ лежатъ»... На другой день бываетъ дѣвишникъ. Передъ приходомъ подругъ, невѣста, сѣвъ у окошка причитаетъ: «шьте идутъ матки подруженьки, шьте ко батюшку да на широкой дворъ, съ широка двора на цясты лисенки, съ цястыхъ лисенокъ да на калиновъ люсъ; отворялися двери на пяту, шьте на пятоцьки ти на вырѣзныя, шьте на петельки ти на зовѣтныя, шьте на гвоздики ти на полуженыя; не отласы ти ли не бархаты по полику ти да растилаются; шьте идутъ матки подруженьки, шьте ко мнѣ да за навѣстоцьку въ горемышное то мистецько; ишшо шьте матки подруженьки больно долго собиралися, хорошо да наряжалися»; мнѣ послать да по васъ неково, мнѣ самой итти не времецько, посадилъ да родной батюшко шьте меня да въ посаженыя». Дѣвицы шьютъ весь день рубашку жениху кашемировую. Черезъ недѣлю бываетъ свадьба. Накануне свадьбы дѣвицы топятъ про сговоренку баню. Невѣста передъ отправкой воетъ: ишшо дай ты, родной батюшко, у дверей да ты придверницька, у воротъ да приворотницька, у воды да отливальницька, у пару да ты оздавальницька, шьтебы не ушла да дивья красота съ паромъ да по сырой землѣ». Дѣвицы берутъ пива и льютъ на каменку. «Если пылко хлопаетъ, дакъ свекровь будетъ брюзговата». Когда одна изъ подругъ моетъ невѣсту, дѣвицы поютъ пѣсню. «Нехто меня не любитъ, нехто не веселитъ, одно есь утѣшенье, милъ плакать не велитъ, гуляла я въ садоцькѣ, гуляла въ зеленомъ, искала тѣхъ слѣдоцьковъ, гдѣ съ милымъ шли вдвоемъ; садилися подъ кустоцькомъ на зелену траву, лители двѣ голубки, одна за другой гналась, одна сѣла на вѣтку, другая на цвѣтокъ, съ цвѣтоцька сопорхнула ко мнѣ на бѣлу грудь, какъ я млада здохнула по миломъ по дружкѣ. Ишшо де моя отрада Сережа пастушокъ, ушелъ моя отрада на крутой бережокъ. Чудись, игралъ Сережа въ серебряный рожокъ». Послѣ бани приходятъ въ избу, заплетаютъ въ одну косу. Невѣста причитаетъ:—шьте спасибо матка подруженька, заплели мнѣ русу косоньку, шьте въ завтрешней злосужной день розобьютъ да русу косоньку на двѣ плетки, на двѣ женьскія. Я положу дивою красоту, я на Софью на Ивановну, шьте тутъ ей не лежаньицѣ; я возму да дивью красоту во свои да руки бѣлыя, я прижму да дивью красоту къ своему да ретиву серьцю». Этимъ причетомъ опричитываетъ всѣхъ подругъ. «Я положу дивью красоту на бѣлую на березоньку, шьтё тутъ ей не мистецько, шьте тутъ ей не лежаньице. Шьте бѣлая та березонька не бываетъ двою зелена, шьте мнѣ да красной дѣвушкѣ не бывать да двою въ дѣвушкахъ». Затѣмъ причитаетъ сестру. «Я положу дивью красоту на свою родную сестрицю, тутъ ей мѣсто и мистецько, тутъ ей улежаньице, ты носико сестра милая, ты меня да поминаюци, какъ весной да на гуляньицѣ на красивой то на улицѣ ли

съ тобой да красовалися, мы съ тобой да любовалися, какъ на насъ глядя всѣ сусиди радовалися, добры люди любовалися». Сестра отпричитываетъ. «Шьтё спасибо, сестра милая, на твоей на дивьей красотѣ. Стану нбсить споминаюци, шьте тебя да наблюдаюци. Ложатся всѣ спать. Утромъ невѣста встаетъ раньше всѣхъ и, не умывшись, причитаетъ, сидя у окошка: ты ставайко, родной батюшко, не пора тибѣ спать, а пора ставать, припасайко родной батюшко про своихъ да про любыхъ гостей, про моихъ да про досадницьковъ». Обращаясь къ подружкамъ: Вы ставайте, матки подруженьки, вы ставайте-ко скорешенко, умывайтесь малехонько, вы поплацьте со мной, дѣвушкой. Шьте я молода надѣлала, ишшо шьте да наворозила, проспала я красна дѣвиця, всю обидню всю заутрину; шьте проспала красна дѣвиця не обидню, не заутрину, а свою да дивью красоту, я свое да украшеньице; пролитѣли гуси сѣрые черезъ батюшковъ высокъ теремъ, церезъ нашу нову горенку. «Невѣсту одѣваютъ, умываютъ. Къ этому времени подъѣзжаетъ свадебный поѣздъ. Увидя поѣзжанъ, невѣста причитаетъ:» не валы ли загоралися, не искры ли высыпалися, ишшо ѣдетъ матка сваребка, шьте полямъ идетъ винтуецця, деревнямъ идетъ красуецця, подъѣзжаетъ матка сваребка ко двору да родна батюшка. Дружка вылѣзаетъ изъ саней и, стоя на дворѣ, говоритъ! «Господи Ісусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, ѣхалъ я дружка цистыми полями, зелеными лугами, подъ краснымъ солнышкомъ, подъ цястымъ звѣздоцькамъ, подъ чернымъ оболокамъ, взѣхалъ я друженька на красивую улицю, съ красивой улици подъѣхалъ къ широкимъ воротамъ, сватушко, свахонька, берите нѣмечьки ключи, отпирайте туречьки замки, пушшайте друженьку на широкой дворъ; пошелъ я друженька по широкому двору, съ широкова двора на цисту лисенку, съ цястой лисенки на калиновъ мосъ, съ калинова моста подходилъ ко дубовымъ ко дверямъ, бралъ дверь за булатну за скопу, хватилъ двери на пяту, двери хватилъ, аминь говорилъ, вотъ тебѣ, друженька, скокъ черезъ порокъ, насилу ноги переволокъ, во горничю входилъ, аминь говорилъ, въ ефтой во горенкѣ, во свѣтлой свитлицѣ полъ лошшонъ, потолокъ скобленъ, оконници стекольцяты, печь—середи одиово серебра; въ ефтой во горничѣ, во свѣтлой свитлицѣ гостя званы сусиди приглашеныя, я Спасу помолюся, на всѣ стороны поклонюся, постарше дядюшки, помоложе братцы, а вы соберитесь, да мнѣ друженькѣ поклонитесь; я въ ефтомъ домѣ небывалъ, и хлѣба соли не ѣдалъ, не знаю, какъ хозяина назвать, и по отчесу звеличать. Хозяинъ говоритъ: «сватушко, доступи, пожалуй».

«Я ѣхалъ подъ краснымъ солнышкомъ, подъ цястыми звѣздоцьками, подъ чернымъ оболокомъ; ѣхалъ я подъ краснымъ солнышкомъ и у мини въ горлышкѣ пересохло; дай мнѣ, сватушко, винца, нѣтъ винца, дай пивца, нѣтъ пивца, дай кваску, нѣтъ краску дай водичи, мы пьемъ и воду, не боярьскова роду и то почитаемъ напиаче сладкова меду». Хозяинъ подноситъ водки. Дружка выпиваетъ и продолжаетъ: «былъ нашъ сватушко у насъ на вечеринкѣ, сидѣли ли вы съ нашимъ сватушкомъ за столомъ за дубовымъ, за скатеркамъ бранымъ, за питьемъ медвянымъ, за ѣсвомъ сахарнымъ, говорили ли вы съ нашимъ сватушкомъ ричи полюбовныя, слова договорныя, на севоднешной денекъ на топерешной часокъ, на топерешной цясъ сваребку сдѣлать». Хозяинъ отвѣчаетъ: «Говорили, сватушко, благодарю васъ». Дружка продолжаетъ: «хотя вы насъ не ждали, не глядѣли, а мы какъ ясны соколы налитѣли, дайте намъ всѣмъ по мѣстамъ, какъ соловушкамъ по гнѣздамъ, князю съ тысецкимъ подъ окошко, большому боярину съ меньшимъ до середнева окошецька, свахѣ съ повозницькомъ по лавочкѣ въ куть, а мнѣ, дружкѣ, съ полудружьемъ скамеечку, дашь, а не дашь, дакъ и такъ постою. Дай имъ сватушко полици положить нашему князю шапку и рукавици; есть ли крюкъ повисить мнѣ друженькѣ кнутъ? Вотъ, сватушко, дай мнѣ хлѣба да соли милости Божьей, да сверхъ тово позови нашу свахоньку. Наша свахонька котряецця, ломаецця, изъ саней не вылѣзаетъ, токо по саноцькамъ холызаетъ, вашей свахоньки дожидаетъ, всю одежу изодрала». Сваха съ невѣстиной стороны (сноха или замужняя сестра) беретъ рюмку съ водкой и выноситъ. Сваха жениха выходитъ, цѣлуется, беретъ рюмку и выпиваетъ. Всѣ направляются въ избу. Невѣста заслышавъ шумъ въ сѣняхъ причитаетъ: «шьте не мцелы ти бѣлоярыя изъ ульюшка да высыпалися въ нову горонку да забиралися, ишшо дайко, родной батюшко, ишшо всѣмъ да имъ по мистецьку, ишшо князю ту со тысяцькимъ, ишшо свахоньки

съ повозницькомъ, ишшо дружкѣ съ полудружьецемъ, ишшо дайко имъ скамеецьку». Погодя немного причитаетъ сваху женихову: «Приступико матка свахонька штё ко мнѣ да за навѣстоцьку, хорошо ли матка свахонька, хорошо ли князь съ коня скоцилъ. по писку ли тибѣ кланялся, по рѣзву ли тибѣ говорилъ, весело ли по двору прошелъ». Сваха отвѣчаетъ: «весело, матка золовонька, весело князь съ коня скоцилъ, по писку всѣмъ онъ кланялся, по рѣзву всѣмъ намъ говорилъ, весело и по двору прошелъ. Дружка идетъ со стаканомъ водки на «серѣть». «Пецьку заслоньте, голбцы затворьте, добры люди присятте всѣ по мѣстамъ, какъ соловушки по гнѣздамъ, у дружки руценьки загребушши, глазоньки завидушши, кабы которому на ноженьку не ступить. Эй вы, красныя дѣвици, шить мастерици, пдтте сюда, я дамъ кое-штьте изъ князева добра. Меня князь ссудилъ, серебромъ златомъ надѣлилъ, у меня гдѣ то въ карманѣ болталось, можетъ и вамъ осталось». Въ пиво кладетъ копейку. Дѣвица выпиваетъ пиво, деньги вынимаетъ, передаетъ другой. Та, обращаясь къ дружкѣ, проситъ и ей налить да чѣмъ-нибудь вставить донышко. «Сватушко, гликося, дѣнышка нѣтъ, худой стаканъ мнѣ-ка подалъ». «А провалъ тебя возьми, разѣ. Вѣрно слово. — На и тибѣ. На большемъ прошу извинить красныхъ дѣвокъ, бѣлыхъ лебедокъ, спалъ на сараѣ, видѣлъ во снѣ, бытто былъ въ раѣ, а ето деревна была. Тамъ у меня залѣзла въ карманъ мышь, я поглядѣлъ, а въ карманѣ то шишъ, она, прорва, диру мнѣ прогрызла и всѣ денежки на землю опустила». Послѣ этого женихъ одѣляетъ всѣхъ находящихся въ избѣ орѣхами, а въ орѣхи кладетъ деньги. Въ блюдо невѣста кладетъ платъ (невѣста причитаетъ: не прошу), родителямъ жениха по платку, послѣ этого проситъ благословленья у отца. «Не прошу я родной батюшка я не дома, не полдома, не коня я сторублевова, я прошу да родной батюшко у тебя блаославленьеця. Ужъ ваше благословеньице изъ побѣдушки повыведетъ, изъ быстры рицюшки повынесетъ». Отецъ благословляетъ, мать тоже. Садятся всѣ за столъ. Невѣста причитаетъ: «Ишшо дай мнѣ, матка. свахонька ишшо мнѣ да пріопнутися, за тесовой брусъ схватитися, съ подружками распроститися. Вы простите-ко, подруженьки, вы простите. люди добрыя, помоложе то сусѣдушки, постарѣе матки тетушки». Невѣсту послѣ этого ведутъ подъ руки и садитъ возлѣ жениха. Невѣста причитаетъ: «Не подо мной то ли полъ гнецця, штё онъ гнецця, выгибаецця, штё мои да рѣзвы ноженьки онѣ идутъ да не волоцятця. Ишшо крестись, молись, права рука, поклонися, буйна голова, штe на всѣ да на тря стороны, на цетвертую сторонушку ты не кланяйсь буйна голова, тутъ сидятъ мои разлушницьки. По глядите-ко, родители, съ середы да въ подокошецько, возлѣ равнюшки ли я сижу: ишшо онъ меня да подороднѣе, умомъ разумомъ да подовольнѣе». Отдохнетъ. Въ это время смѣшатъ жениха. Дѣлаютъ солдатика или зайчика и ставятъ передъ нимъ. Посмѣются, дѣвки уходятъ на волю и тамъ пляшутъ подъ пѣсню «посѣяли дѣвки ленъ». Въ это время невѣсту наряжаютъ въ шубу и портяной сарафанъ, а подвѣнечный тащятъ въ кутырѣ. Одѣнутъ, посидятъ чуточку и пойдутъ. Невѣста запричитаетъ: «оставойтесь страсти, ужасти у родимова у батюшки, у родимыя у матушки» и съ этими словами бросаетъ на полати платокъ.

Къ вѣнцу ѣдутъ въ хорошихъ саняхъ, передъ отъѣздомъ стрѣляютъ изъ ружей. Дружка обходитъ съ иконой весь поѣздъ, свою лошадь хлещетъ три раза, теребитъ за гриву. Невѣста причитаетъ: «пади, конь горюця слеза ко родителю на широкъ дворъ, протекай ко рѣка быстрая выростай ко кипарисъ древо, солетайтесь вольны птащецьки, роспѣвайте разнымъ голосомъ, штебы распахалось у родителя у ево да ретиво серьця.

Дѣвицы свату крачатъ: комуха тебѣ трясуцяя, въ жопу шипиця колюцяя, къ мудямъ крапива жигуцяя; два цирья въ бороду, третьее въ голову.

Новая пѣсня. «Въ 91 году во Егорьевскомъ приходѣ во такомъ славномъ селѣ въ Александровской деревнѣ у Прокопья кузнеца былъ сынъ Ванька молоцця. Былъ сынъ Ванька молоцця да онъ не въ матерь не въ отця. Онъ не въ матерь не въ отця да убилъ Ларина купця. Онъ по ярмаркѣ катался въ путь дорожку собирался безъ товаришша одинъ съ малолѣткомъ молодымъ. — Съ малолѣткомъ молоцемъ съ Иваномъ Ла-

ринымъ купьцемъ. Онъ къ Макарью ту пріѣхалъ сталъ товаришша искать, онъ такова молоцця Ивана Ларина купьця. Весь базаръ онъ обошелъ, товаришша не нашелъ.— Къ Губиндву ту зашелъ, сибѣ товаришша нашелъ. Здраствуй, здраствуй, другъ Ванюша я давно тебя искалъ. Подемъ, Ваня, на базаръ.—Да цево бы купить тамъ? Ваня Ларинъ купилъ шапку. Ваня Пропинъ вострой ножъ. Нашьте, Ваня, купилъ ножъ, али разбойницеть ты хошъ. Али разбойницеть ты хошъ, али самъ ты не скуешъ. Не разбойницеть хоцю, для опастности беру. Со ноцлегу ту съѣжжали да до воротъ то доѣжжали силу пробовали. Лошать къ соснѣ привязалъ, да самъ онъ Ваню ударялъ. Шьте ты Ванюша дурйшъ, аль убить меня хотйшъ. Ежель Ваня ты убьешъ, дакъ ты острогу не минешъ. Ты острогу не минешъ да Ваня въ каторгу подешъ. Ваня душу погубилъ, да и лошать уморилъ.

Записана въ селѣ Воздвиженскомъ Ветлужскаго уѣзда Костромской губ. Сочинена о слухамъ будто самимъ убійцей. Поется немножко на речитативъ.

Я. Кузнецовъ.

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь.

Св. Андрей Первозванный и Св. Екатерина въ народныхъ русскихъ вѣрованіяхъ.

Историко-этнографическій очеркъ.

Святой Андрей Первозванный (30 Ноября) и св. великомученица Екатерина (24 Ноября) въ народномъ представленіи являются покровителями и устроителями брачныхъ союзовъ, причемъ св. Екатерина считается въ то же время и помощницею при трудныхъ родахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушка, желающая выйти поскорѣе замужъ, постится въ самый день св. Андрея Первозваннаго или наканунѣ его, а также и въ день св. Екатерины. Тѣмъ же святымъ дѣвушки молятся о ниспосланіи имъ хорошихъ жениховъ.

При трудныхъ родахъ молятся обыкновенно св. вмч. Екатеринѣ. Въ весьма распространенной среди народа рукописи: «Сказаніе какимъ святымъ каковыя благодати изцѣленія отъ Бога даны и когда памяти ихъ», значится: «о освобожденіи жестокаго при рожденіи труда Пр. Богородицѣ Ѳеодоровской и св. вмч. Екатеринѣ».

Въ юго-западной Россіи день св. Андрея Первозваннаго и св. Екатерины посвящается молодостью гаданіямъ, посредствомъ которыхъ молодежь обоего пола старается узнать свою судьбу, главнымъ образомъ, кто изъ гадающихъ женится или выйдетъ замужъ.

Самыя гаданья, совершаемыя въ день св. Андрея и св. Екатерины, ничѣмъ не отличаются отъ святочныхъ гаданій и, подобно тѣмъ, представляютъ изъ себя остатокъ древняго языческаго обращенія къ могучимъ силамъ природы съ запросами о своей будущности. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ вообще народныхъ русскихъ гаданіяхъ, занимаютъ мѣсто или сами стихіи природы (гаданіе съ огнемъ, водой, снѣгомъ и т. п.) или ихъ эмблемы (пѣтухъ — эмблема огня, зеркало — эмблема воды и т. д.). Большинство святочныхъ гаданій пріурочивалось въ старину къ днямъ св. Андрея и Екатерины (см. ст. «Къ вопросу о святочныхъ колядкахъ» Яр. Губ. Вѣд. ч. н. 1896 г. № 280). въ Малороссіи же оно пріурочивается къ этимъ днямъ и доселѣ.

Тотъ фактъ, что гаданіе о своей судьбѣ или долѣ пріурочено народомъ къ днямъ св. Андрея и Екатерины уже самъ по себѣ показываетъ, что народъ въ лицѣ св. Андрея и Екатерины олицетворялъ стихійныя силы природы, соединялъ съ ними представленіе о какихъ-то прежнихъ своихъ божествахъ, управлявшихъ человѣческою судьбою. Такимъ

божествомъ былъ никто иной какъ Перунъ - богъ солнца, которому усвоялось иногда названіе Рода.

По объясненію г. Аѳанасьева, св. Андрей замѣнилъ у насъ собою Перуна. «Было село, передаетъ онъ народный разсказъ, въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что нечѣмъ стало свѣтить нашему грѣшному міру. Тогда Богъ послалъ св. Андрея (замѣна Перуна), который ударилъ своею палицею и все вѣдовское село провалилось сквозь землю». Въ приведенномъ разсказѣ св. Андрей является замѣстителемъ Перуна, по древнеязыческому представленію, ударомъ громовой палицы, разбивавшаго облачныя обиталища вѣдьмъ и отверзавшаго дождевые источники (Поэт. возр. слав. на природу. Аѳанасьева, т. III, стр. 465).

Между тѣмъ Перунъ или Родъ, по вѣрованію нашихъ предковъ язычниковъ, былъ божествомъ, управлявшимъ человѣческою долею вообще, а въ частности былъ миѳическимъ кузнецомъ, ковавшимъ людямъ брачные узы и назначавшимъ кому на комъ жениться. Это представленіе было перенесено затѣмъ народомъ и на св. Андрея.

Поэтому-то дѣвушка на Волыни, засѣвая наканунѣ Андреева дня ленъ приговариваетъ:

«Святый Ондрію!
Я на тебе ленъ сію,
Дай же мині знати
За кимъ я буду на шлюбѣ стояти!»

Почти то же самое говоритъ и дѣвушка Угорской Руси, засѣвая наканунѣ Андреева дня коноплю: «О, Андрею, Андрею! конопли ти сѣю; дай ми Боже знати, съ кѣмъ буду ихъ жати» (Этногр. Об., т. XIX, стр. 222).

Почему именно на св. Андрея Первозваннаго, а не какого-либо другого святого перенесено народомъ древнеязыческое почитаніе Перуна? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ той связи, въ какой стоитъ въ народныхъ вѣрованіяхъ св. Андрей Первозванный съ Перуномъ. По кіевскому преданію, св. апостолъ Андрей на кіевскихъ высотахъ водрузилъ крестъ и предрекъ, что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія. На этихъ высотахъ стоялъ затѣмъ Перунъ, съ этихъ высотъ Перунъ былъ низверженъ, и пророчество св. Андрея исполнилось. Впослѣдствіи на тѣхъ же высотахъ была построена и церковь во имя св. апостола Андрея.

Въ Новгородскомъ преданіи о св. апостолѣ Андреѣ Первозванномъ связь эта проглядываетъ еще сильнѣе. По этому сказанію, св. апостолъ Андрей, посѣтилъ Новгородъ, въ благословеніе оставилъ свой жезлъ, который «водрузи въ веси, нарицаемой Друзиной» (Степ. кн. стр. 7). Впослѣдствіи, какъ разсказывается объ этомъ въ рукописномъ житіи Михаила Салоса, былъ построенъ храмъ въ честь св. апостола Андрея; въ храмѣ этомъ и положенъ былъ оставленный апостоломъ жезлъ. Въ Новгородѣ и близъ его были капища Перуна, котораго замѣщаетъ затѣмъ св. апостолъ Андрей. Въ самомъ Друзинѣ или Грузинѣ, по народному преданію, находился теремъ миѳическаго новгородскаго князя Перея-Тучи (конечно прямой отголосокъ преданій о Перунѣ тучегонителѣ), для излеченія сына котораго убивали людей. Этого Перея-Тучу и обратилъ будто бы въ христіанство св. апостолъ Андрей. («Село Угодичи». А. Артынова. М. 1882 г.) Даже христіанскому преданію относительно оставленія св. апостоломъ Андреемъ своего жезла новгородцамъ существуетъ паралельное народное сказаніе о Перунѣ. Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «И пріиде епископъ Іоакимъ и требища разори и Перуна посѣче, что въ великомъ Новѣгородѣ стоялъ на Перыни и повелѣ вовлещи въ Волховъ... и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: «о горе мнѣ! ахъ! достался немилостивымъ судіямъ симъ — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, его безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ» (Новгор. лѣт. Полное Собр. лѣт. т. III, стр. 207).

Герберштейнъ передаетъ это преданіе съ небольшимъ добавленіемъ: Перунъ, по его словамъ, плывя подъ мостомъ, выбросилъ свою палицу на мостъ, сказавъ: «вотъ вамъ, новгородцы, на память обо мнѣ». (К. Замысловскій. Герберштейнъ и его записки. Спб. 1884 г., 442 стр.).

Такая тѣсная связь, въ которой стоитъ въ народныхъ преданіяхъ св. ап. Андрей съ Перуномъ, естественно заставила народъ перенести многія черты изъ языческаго почитанія Перуна на почитаніе св. ап. Андрея. Такимъ образомъ и св. ап. Андрей въ народномъ представленіи, замѣнивъ собою Перуна, явился покровителемъ брачныхъ союзовъ.

Какъ на св. ап. Андрея было перенесено народомъ почитаніе языческаго Перуна-Рода, такъ на св. вмч. Екатерину было перенесено почитаніе одной изъ «рожаницъ», завѣдывавшей устроеніемъ брачныхъ союзовъ и родами. Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV в. на ряду съ Родомъ упоминается и рожаница, которая сопоставляется здѣсь съ греческою Артемидою. Артемида же считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы и олицетворяла собою луну.

Къ перенесенію культа этой рожаницы на св. Екатерину способствовало много сходства между названіями «Екатерина» и греческимъ названіемъ луны Ἑκάτη, названіемъ, встрѣчавшимся въ нашихъ старинныхъ азбуковникахъ и т. п. книгахъ, хорошо извѣстныхъ стариннымъ русскимъ грамотѣямъ. «Планеты суть семь звѣздъ: 1. Арисъ. 2. Ермисъ и т. д... 7. Кати (Ἑκάτη) еже есть луна. Сими звѣздами окаяннiи звѣздословцы мняться угадывати человѣческие нравы и счастіе».

Этому же способствовало и то, что празднованіе св. Екатеринѣ по календарю стоитъ близко ко дню св. Андрея Первозваннаго.

А. Баловъ.

ПОПРАВКА.

Въ кн. III (1899 г.) на стр. 286 неисправно набрано и кое что въ немъ пропущено корректоромъ примѣчаніе редактора.

Слѣдуетъ его читать такъ:

«Что касается непосредственныхъ сношеній Латышей съ Русскими съ 1721 г. до реформъ Александра III, то нельзя вполнѣ согласиться съ почтеннымъ авторомъ, будто за эти 180 лѣтъ не было вовсе общенія между Русскимъ народомъ и Латышами. Случаевъ общенія было за это время не мало, а слѣдовательно и заимствованія могли продолжаться. Укажу на непрерывныя стоянки Русскаго войска въ Лифляндіи и Курляндіи, на службу въ арміи и во флотѣ Латышей, очень часто, по окончаніи службы, ворочавшихся на родину, на весьма значительныя поселенія, съ Петра Великаго, русскихъ староверовъ въ Ригѣ, на постоянное пребываніе въ Петербургѣ, во Псковѣ и вообще внутри Россіи многихъ Латышей и Латышекъ въ качествѣ домашней прислуги Балтійскихъ нашихъ дворянъ, состоявшихъ на государственной службѣ въ столицахъ и въ провинціи,—или въ гостиницахъ; наконецъ не мало бывало Латышей и среди ремесленниковъ, на службѣ заводской и фабричной и послѣ обратно уѣзжавшихъ на родину. Такимъ путемъ весьма многіе Латыши знакомились близко съ Русскимъ языкомъ, и Русскія слова могли проникать за эти 180 л. въ языкъ Латышскій».

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

и въ десятомъ году своего существованія будетъ выходить 4-мя выпусками, по 8—10 листовъ выпускъ. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ 5 р. съ доставкою, въ Имперіи—5 р. 50 к. за границу—6 р.

Книжки „Живой Старины“ съ 1891 по 96 г. включительно продаются въ Географическомъ Обществѣ по пониженной цѣнѣ: за годъ—3 р. въ Петербургѣ, 3 р. 50 к. въ Имперіи и 4 р. за границу.

Цѣна 1 р. 50 к.